МЕЧЕТЬ АНАУ

ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
АКАДЕМИИ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ОТДЕЛ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

МЕЧЕТЬ АНАУ

Ашхабад — 1959

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Шестого октября 1948 года сокрушительное землетрясение превратило в груду кирпича одно из лучших зданий древней архитектуры Туркмении—мечеть на городище Анау. Уже давно пришедшее в ветхость сооружение, на поддержание, ремонт и реставрацию которого советскими органами охраны памятников старины в течение ряда лет тратились значительные средства, не могло противостоять мощным тектоническим толчкам, эпицентр которых располагался в этом районе. Разрушения оказались таковы, что ни о каком восстановлении его из праха руин не могло быть и речи. И ,однако, памятник не погиб бесследно. Историко-архитектурное и археологическое изучение его, начатое русскими исследователями еще до революции, энергично продолженное советскими учеными в послереволюционные годы, завершенное в 1947 году Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией (ЮТАКЭ) Туркменского филиала Академии наук СССР, сохранило будущим поколениям значительный материал, который позволит составить конкретное представление об этой выдающейся постройке XV столетия. Монография о мечети Анау ставит целью подытожить данные об этом замечательном архитектурном памятнике, воплощавшем в себе высокие традиции моументального зодчества феодального Туркменистана.

Городище Анау лежит в 18 км от Ашхабада, вблизи одноименного селения, на землях колхоза им. Ленина. Силуэт мечети, возвышавшейся на южном гребне холма былой крепости, был четко виден из окон вагона железной дороги, линия которой тянется несколько поодаль на север.

Здание привлекало к себе внимание уже при присоединении русскими Закаспийского края. С прокладкой Закаспийской железной дороги досужие туристы и любопытные репортеры, приезжавшие со специальной целью ознакомления с процессом небывалого дотоле в истории мирового инженерного строительства проведения железнодорожного полотна через огромные пространства сыпучих песков пустыни, нередко прибывали из Ашхабада в Анау, чтобы взглянуть на прекрасное здание. Появившиеся в печати - в газетных заметках, в дорожных путеводителях упоминания его в общем не выходят за пределы беглых и неточных описаний мечети, которая характеризуется как типичное произведение «арабо-персидского», или просто «персидского» стиля, даже без попытки установления исторических даных, связанных с его возведением имен и дат.[1])

Началом серьезного изучения памятника следует считать посещение его в 1896 г. членом Археологической Комиссии, проф. В. А. Жуковским, автором монументальной, до сих пор не имеющей себе равных монографии о древнем Мерве. Этим ученым были расшифрованы некоторые надписи на памятнике—в частности прочитаны имена упомянутых в в них исторических лиц. Была также снята серия превосходных фотографий, хранящихся ныне в фототеке ЛОИИМК АН СССР. Однако, кроме,

краткой заметки в «Отчетах Археологической Комиссии» за 1896 г. никакой специальной расширенной публикации об этих работах не последовало.[2])

Мечеть почти не остановила на себе внимание членов экспедиции Института Карнеги, возглавляемой Р. Пампелли, производившей в 1904 г. раскопки на так называемых Южном и Северном холмах Анау. В изданных четырьмя годами позднее трудах этой экспедиции содержится пара фотографий и беглое упоминание этого памятника, а также неверная дата—1444 г., будто бы содержащаяся в куфической (?) надписи на фасаде мечети.[3])

В 1905 г. мечеть посетил А. А. Семенов; отражением осмотра им памятника явилась статья под выразительным заголовком—«Варвар в доме красоты».[4]) В ней содержится перевод исторических надписей, находящихся в большом поле пештака и частично двух других—на торцовых стенках устоев портальной арки (в сохранившихся участках мозаики, а потому без прочтения даты постройки) и краткое описание главного здания мечети. Глубоко возмущенный бездушным, а нередко прямо надругательским отношением к памятнику, автор заключает статью обращением к Императорской Археологической Комиссии: «Спешите детально зарисовать и сфотографировать разрушающий «Дом красоты»: он недолго простоит!» Призыв этот не возымел никаких последствий. Во всяком случае, при посещении мечети через несколько лет А. А. Семенов, застал ту же неприглядную картину, о чем он и пишет в следующей своей публикации.[5]) В ней, кроме описания главного здания мечети и украшающих его фасад надписей, приведены исторические данные о царствовании Абул-Касым-Бабура, а также некоторые сведения о конструкции фундаментов и сводов мечети.

К этому времени фотографами было исполнено немало снимков с мечети,[6]) некоторые из них были опубликованы в русской и даже иностранной литературе.[7]) Работали и художники; в Музее Краеведения ТССР хранится живописный этюд с мечети художника К. С. Мишина, выполненный им в 1903 году.

Исследования и публикации А. А. Семенова способствовали проникновению в массовые справочные издания более уточненных сведений о мечети Анау.[8]) Однако, дальше этого дело не пошло: ни изготовления чертежей, ни подробных описаний, ни археологических вскрытий и инженерно-технических мероприятий для его поддержания памятник не получил. Все это пришло значительно позднее—уже в советское время.

В числе декретированных законом мероприятий советской власти по сохранению памятников искусства прошлых эпох, как части общенародного достояния, одним из первых было взятие на учет, охрану и реставрацию выдающихся памятников зодчества народов многонациональной советской страны. В списке этих памятников, утвержденном постановлением ЦИК и СНК в 1923 г., значились, в числе других, «мечеть и развалины в Анау».[9])

Исследование памятника приобретает отныне новую направленность; наряду с изучением его в историческом плане, встает проблема его практической реставрации, к осуществлению которой молодая Туркменская республика приступает вскоре же после национального размежевания Туркестана.

В 1926 г. специальная компетентная комиссия, в составе инженеров О. Э. Визеля, В. Р. Трипольского, С. С. Скляровского и и академика А. А. Карелина проводит на памятнике предварительные исследовательские работы, как основу для реализации практических мер по его поддержанию.

Следует ,однако, отметить, что при характеристике грунта оснований мечети комиссия ограничилась приведением сведений, опубликованных

экспедицией Р. Пампелли 1904 г., без проверки их закладкой у мечети хотя бы одного разведочного шурфа[10])—между тем американская экспедиция ограничилась лишь констатацией наличия под мечетью десятиметрового культурного слоя без попытки характеристики его состава. В. Р. Трипольским был осуществлен тщательный анализ деформаций и трещин на памятнике, в результате которого он пришел к пессимистическому заключению, будто «достаточно малейшей причины, чтобы началось дальнейшее катастрофическое разрушение мечети, так как вся подготовительная деформация сооружения произошла. Реставрирование мечети при имеющих деформациях представляет собой задачу невыполнимую».[12]) Это заключение побудило акад. А. А. Карелина, занимавшегося изучением мозаичных облицовок мечети, поставить вопрос о разборке портала со снятием его изразцов, а затем восстановлении нового портала у строившегося в Ашхабаде памятника В. И. Ленину, в качестве входа в здание будущего Государственного Художественного Музея. Предложение это было, однако, отвергнуто, а комитет по охране памятников приступил к практическим ремонтным мероприятиям, осуществлявшимся под общим руководством В. Р. Трипольского. В изборожденном трещинами наружном барабане купола было выложено четыре разгрузочных арочки (кирпичных на цементном растворе). Кроме того, в целях поддержания больших подпружных арок главного здания в пролетах между ними, впритык ко входящим углам крестообразной фигуры плана, было выведено три армированных железобетонных разгрузочных арки. Следует отметить, что недоучет особенностей возведения этих мощных конструкций на рыхлом культурном слое, без значительного заглубления их фундаментов привел к тому положению, что арки эти через несколько лет осели и разгрузочная функция их в результате была сведена на нет.

В 1928 году под руководством инженера С. Скляровского проводились некоторые дополнительные ремонтные работы—по заделке трещин, затирке швов, восстановлению лестниц.[14]) Было составлено 12 чертежей—планов, разрезов, фасадов, выполненных, однако, не с документальной археологической точностью, но в «инженерной» манере—с подчеркнутой геометризацией линий и архитектурных элементов. Были также сняты кальки с мозаичных орнаментов мечети.[15])

Вопросами деформации мечети Анау интересовался геолог-археолог Д. Д. Букинич, который причины разрушения здания видел с одной стороны в течке материала в самих фундаментах, с другой—в постановке мечети на наносных отложениях, упуская, однако, из вида явления тектонического порядка.[16])

Следующий этап ремонтно-консервационных работ на мечети развертывается в 1936 г. Общее руководство осуществлял архитектор Н. М. Бачинский, привлекший к участию в работах ряд видных народных среднеазиатских мастеров-строителей—Курбана Юлдашева, Наби Курбанова, Юсуфа Хидоятова, Абдуррахмана Хаятова. Н. М. Бачинский впервые осуществил закладку разведочного шурфа у одного из устоев портала мечети, в целях выяснения устройства фундамента. За время работ была произведена очистка от мусора помещений западного крыла. Восстановлен один из сводов западной дарсханы, вставлена ганчевая резна решетка. Расчищены от мусора и обломков кирпича кровля и площадка внутри арочных ниш. На кровле залиты трещины, подновлена облицовочная рубашка купола, сделаны водостоки. Очищена от векового налета мозаичная облицовка михраба, частично восстановлены облицовки на щековых панно портальной арки. Очищена большая трещина в тимпанах портала, сняты и вновь насажены на место некоторые выпученные от времени облицовочные плиты тимпана; при этом, между прочим, выяснен интересный принцип крепления их не просто на ганчевом растворе, как обычно, но с помощью свинцовых гвоздей. В процессе реставрации

стенных и сводчатых конструкций строго соблюдалось применение тех строительных материалов, которые были использованы в старину строителями мечети (жженый кирпич и ганч, а не железо-бетон, цемент и известь, как в ремонтах 1926—1928 гг.)[17]). В том же 1936 г. Н. А. Безбородовым был осуществлен химико-технологический анализ изразцов мечети Анау, опубликованный в двух статьях этого автора.[18])

В 1945 г. мечеть Анау была включена Отделом охраны при Комитете по делам архитектуры СССР в особый список памятников общесоюзного значения. Новые ремонтные мероприятия на мечети Управлением по делам архитектуры при Совете Министров ТССР предположено было осуществить в 1947/8 гг. Составлению проекта реставрационных работ должно было предшествовать новое, более углубленное изучение памятника. Работа эта была предпринята, совместно с Управлением по делам архитектуры, Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией (ЮТАКЭ) при Туркменском филиале АН СССР и возложена на 7-й архитектурный отряд ЮТАКЭ. Работа эта одновременно выдвигала разрешение ряда вопросов, связанных как с историей здания, так и самой крепости Анау, археологическим изучением которой был занят 6-й археологический отряд ЮТАКЭ.

Изучение истории памятника за советское время также продвинулось вперед.[19]) А. А. Семенов в 1924 г. привлек фольклорный материал к истории мечети Анау, опубликовав рассказ местного жителя Молла Дурды и стихи поэтессы XIX—нач. XX вв. Саиб, уроженки Анау. Рассказ Молла Дурды содержит дату смерти упомянутого в надписи на мечети шейха Джемаледдина, якобы в 858 г. х. (1454 г.) и возведение мечети в 860 г. х. (1456г.) Саиб именует последнего, согласно народной традиции, Пир-Сейид-Джемаледдином.

Выезд в августе 1926 г. к мечети комиссии Средазкомстариса в составе проф. А. А. Семенова, проф. А. Э. Шмидта и архитектора А. П. Удаленкова, имевший результатом составление инструкции о необходимых мероприятиях по поддержанию памятника, сопровождался новым просмотром надписей на мечети. В результате А. Э. Шмидту удалось прочитать на внутренней арке интерьера главного здания выполненный резьбой на ганче арабский текст с датой 860 г. х. 1455/6 г. н. э., что совпадало с данными, сообщенными ранее Молла Дурды.[20]) В 1939 г. та же дата была прочтена М. Е. Массоном в гнездах выпавших мозаик исторической надписи в портале мечети.[21])

Следует отметить, что в искусствоведческих работах, посвященных вопросам истории среднеазиатского зодчества, мечеть Анау, в отличие, например, от прославленных памятников тимуридского Самарканда, упоминалась лишь вскользь. Авторы ограничивались приведением фото-снимков и лаконичными упоминаниями памятника и «китайских драконов», украшавших его портал.[22])

Перед 7-м отрядом ЮТАКЭ в 1947 г. была поставлена задача всестороннего изучения этого выдающегося памятника, которое, с одной стороны, дало бы исходный материал для реставрации, и с другой—послужило бы основой для составления историко-архитектурной монографии, позволившей определить его роль и место в истории архитектуры Южного Туркменистана, и Хорасана в целом.

Работа отряда возглавлялась автором настоящего исследования, в составе отряда были архитекторы Е. С. Александрова и Б. В. Дмитровский и археолог-коллектор О. В. Обельченко; общую консультацию осуществлял проф. М. Е. Массон. Полевые археолого-архитектурные работы протекали с 28 сентября по 20 ноября 1947 г. Раскопки длились в течение месяца, причем использовалось до 10-12 рабочих в день.

В процессе полевых работ было составлено детальное описание памятника—его материалов, конструкций, принципов планировки, архитектурной композиции, декора. Произведены уточненные археолого-архитектурные обмеры здания (план 1-го этажа, фасад, три разреза) с показанием деформаций и разрушений памятника, а также—схематические архитектурные обмеры планов верхних этажей и боковых фасадов. Выполнены чертежи и зарисовки всех основных конструктивных деталей (особенно сводчатых конструкций). Сделано археологическое вскрытие у мечети и внутри ее, с закладкой трех шурфов: вдоль восточного устоя портала, до угла сопряжения его крыла со стеной восточной постройки (шурф № 1, размеры—6х2 м.); вдоль фундаментов этой стены к северу от сохранившегося участка ее (шурф № 2 протяжением до 9 м., шириной 1,5 м.); внутри мечети, у середины западной стены (шурф № 3, размеры—2х2 м.). Глубина шурфов № 1 и 3 до 5 м. Общий объем вынутой земли до 55 кбм. В различных частях здания были взяты образцы кирпичей и растворов, переданных на анализ заведующей лабораторией строительных материалов САНИИРИ Н. С. Гражданкиной. Данные этих анализов уже опубликованы в изданиях ЮТАКЭ.[23])

Результаты полевых работ 1947 г. отражены в серии крок и обмерных архитектурных чертежей, чертежей археологических толщ и вскрытых подземных конструкций, сводных записей и поквадратных археологических описей. Материал этот, переданный в управление по делам архитектуры, частично хранящийся в научном архиве ЮТАКЭ и дополненный данными предыдущих обследований памятника,—в том числе привлечением старинных фото из фотототеки ЛОИИМК АН СССР и фототеки Музея истории УзССР, лег в основу данной монографии. Он был значительно расширен автором в процессе камеральных работ, когда, в частности, были составлены чертежи реконструкций первоначального вида памятника. Итоги исследования вкратце уже изложены в некоторых публикациях автора.[24]) Детальной же характеристике мечети Анау посвящена настоящая монография.

ИСТОРИЯ ПАМЯТНИКА

Крепость Анау имеет в плане вид неправильного овала. Площадь ее невелика—около 9 гектар. По контуру местами сохранились гребни стен поздней туркменской постройки; у подошвы ясно выделяется рытвина былого рва. Мечеть расположена в южном участке; ее мощный силуэт виден был издалека, доминируя над окрестностью. Несомненно, что в XVIII—XIX вв. она использовалась и как наблюдательный оборонный пункт, и как один из важных объектов фортификации. Ошибочно однако предположение, будто по изначальному замыслу строителя она служила «боевым фортом» города, включаясь в стратегическую систему защиты цитадели.[25]) Как показали археологичекие исследования, к моменту сооружения мечети крепость Анау не имела самих крепостных стен.

Археологическое изучение городища Анау в 1947 г. раскрыло достаточно четко основные этапы истории крепости.[26]) Ее мощные 10-метровые толщи заключают в нижних слоях археологический материал, подтверждающий возможность отождествления этого пункта с упоминаемым в дорожнике Исидора Харакского парфянским «станом» под названием Гатар.[27]) В феодальную пору городок особенно процветал в IX—X вв.— в это время жизнь его простиралась значительно за пределы цитадели, а сама крепость была обнесена массивными, выведенными из пахсовых блоков стенами, которые просуществовали до XIII столетия. Монгольское завоевание, принесшее гибель многим цветущим городам Хорасана, тяжко отразилось и на Анау. Во исполнение предначертания Чингис-Хана, как и в других местах, здесь были разрушены городские стены; с тех пор крепость долгое время, (по крайней мере до XVI—XVII в.) простояла без них. Городок захирел; лишь в XIV столетии отмечается некоторое возрождение городской жизни. Первоначально обживается в основном территория самой крепости, ставшая, благодаря накопившимся культурным слоям, как бы «вышгородом» относительно прилежащей местности. Но особенно интенсивно пульсирует в нем жизнь в XV в. —об этом красноречиво говорят почти 2,5 —метровые археологические толщи, насыщенные типичным «тимуридским» материалом. С этой эпохой, в частности, связано сооружение мечети, а также водохранилища—сардобы посредине крепости.

Выбор места для мечети был, очевидно, продиктован условиями тесной городской застройки в пределах сравнительно небольшого полигона «вышгорода». Предположение о возведении ее при уже существовавшей на этом месте могиле шейха Джемаледдина отпадает, так как средневековое кладбище располагалось к западу от бывшей крепости.

Археолого - архитектурные работы 1947 г. раскрыли некоторые детали процесса сооружения комплексного здания мечети. Оно было вытянуто с севера на юг. Избранный участок располагался на крайне неудобном, пересеченном рельефе, в силу чего, видимо, и оставался долгое время незастроенным. От всхолмления на месте разрушенной средневековой сте-

ны участок круто снижался в южном направлении к былому рву и отлого — к северу.

Строитель чрезвычайно рационально разрешил задачу расположения мечети. Он избежал огромных, трудоемких земляных работ, которые потребовались бы в том случае, если бы была осуществлена планировка всей строительной площади под горизонтальную поверхность. Поставив главное здание мечети на внешнем крутом обрезе городища, он создал для него как бы два уровня. Внешний соответствовал нижней отметке ската, внутренний, представлявший собою пол мечети, лежал вровень со двором. Наполовину обнаженную при этом по трем фасадам часть фундаментов он обстроил особым цокольным этажом подсобных помещений.

Как показали шурфы № 1 и 2, сооружение здания мечети и боковых построек осуществлялось одновременно: об этом говорит взаимная перевязка фундаментных и цокольных кладок. Однако, в последующем строительство сосредоточилось на южной группе главных помещений, при возведении которых в углах сопряжения с боковыми постройками была оставлена штраба для более органической взаимосвязи их. Показательно некоторое различие размеров строительного кирпича стен этих построек и главного здания (см. стр. 36, 40). Здесь отразился факт изготовления его в разное время, может быть даже в разных печах, или, во всяком случае, использования разного стандарта форм для изготовления кирпича на майдане.

Строительство основного здания мечети могло тянуться несколько лет. К моменту чернового завершения его внутри мечети на глубину до 1,35 м. была осуществлена засыпка пола. Для этой цели использован был разнообразный строительный мусор—молотый и мелко-битый кирпич того же типа, что употреблен в конструкциях самой мечети, куски алебастра, завал сырцового кирпича и боя от глинобитных построек (видимо, остатки разнесенных при сооружении мазанок); все это сопровождается фрагментами тимуридской керамики, хорошо датирующей слой. Полное отсутствие в этом обилии строительных отходов каких-либо элементов декоративных облицовочных материалов свидетельствует, что выстилка пола имела место до начала на мечети отделочных работ— выравнивание пола облегчало мастерам, занимавшимся оформлением интерьера, их производство. Здесь же, под куполом мечети могли расположиться и мозаичисты, вырезавшие элементы кашинного набора, и мастера, производившие отеску облицовочных кирпичиков, и плотники, и другие. Наглядную картину подобного процесса предварительной подготовки декоративных элементов перед нанесением их на кирпичные кладки уже отстроенного вчерне здания дает известная миниатюра Бехзада из манускрипта «Зафарнаме» 1467 г. на тему «Строительство самаркандской мечети».[28])

Во время производства отделочных работ по главному зданию мечети Ачау шел также процесс возведения ее боковых построек. Одновременность выполнения строительных и декоративных работ в тимуридскую эпоху засвидетельствована письменными источниками. Так, в «Тарихи-хайрат» содержится рассказ о сооружении по распоряжению Тимура дворца в саду Дилькуша в Самарканде, в котором, как только стены достигли известной высоты, внутри и снаружи сделаны были мозаичные панели и облицовки, а тем временем камнетесы стали обтесывать камни, живописцы подготовлять рисунки, плотники — деревянную резьбу и наборы.[29]) Как вытекает из надписей на портале и внутри мечети Ачау облицовки главного (северного) фасада и отделка интерьера были завершены в 860 г. х. (1456 г.). По археологическим данным в это время лишь подходило к концу черновое стрительство ее боковых построек и была произведена нивелировка двора, уровень которого, как показали шурфы № 1 и 2 был повышен на 1—1,50 м. вровень с полом мечети. Для засыпки использовался строительный мусор, по характеру отличный от того, ко-

торый употреблен под полом внутри мечети: здесь преобладают остатки отделочных материалов, куски кирпичей, из которых откалывались и отесывались облицовочные кирпичики, куски ганча, на котором они примораживались к стене, элементы мозаичного набора, видимо, неудачно вытесанные мастером и потом отброшенные, наконец, огромное количество закраин тех глазурованных кашинных плиток, из которых вырезывались эти наборы. Найдены были также небольшие фрагменты округленных закраин плоского цветного оконного стекла, свидетельствующие об употреблении его для резных решеток—панджара, некогда заполнявших оконные проемы. Поверх этой засыпки, на тонком слое глины, была осуществлена кирпичная вымостка двора.

Подобный прием использования отходов, оставшихся после завершения отделочных работ, для засыпки под полами, установлен нами также при вскрытии ряда других тимуридских памятников: дворика при мавзолее Гур-Эмир в Самарканде (нач. XV в.), центрального зала мавзолея Ишрат-хана в Самарканде (1464 г.).

При углублении шурфа № 1 был обнаружен очень интересный факт: наличие прямо под полом XV века каменной лестницы, примыкающей к фундаменту примерно у середины ниши-лоджии восточного крыла северного фасада. На одновременность ее сооружения с фундаментом здания указывает ганчевая обмазка фундамента, нахлестывающая на боковые стороны лестницы. Последняя имеет четыре нагрубо сложенных ступени, из которых нижняя начинается с того уровня, от которого впоследствии велась засыпка строительного мусора. Назначение лестницы было, видимо, подсобным при строительных работах— при значительной разнице отметок того участка, где был организован двор, ,и принятого уровня полов мечети такая «рабочая» лестница (вероятно она была не одна) использовалась для подноски строительных материалов. При последующей нивелировке двора она, за ненадобностью, была присыпана.

Уже после того, как на главном здании были завершены отделочные работы, они осуществлялись на боковых постройках двора, но были внезапно прерваны. Об этом свидетельствует отсутствие облицовок на дворовых фасадах, резко контрастирующих своей «черновой» кирпичной кладкой с роскошной отделкой южного фасада двора, к которому они примыкают. Еще ярче это проявляется в оформлении интерьеров: в западном крыле завершена оштукатурка помещений алебастром, выведены ганчевые плафоны, а в восточном еще торчат в кирпичной кладке стен и парусов неспиленные бревна, на которых основывались былые подмости. Видимо, прекращение строительных работ приходится на 1457 г. когда, после смерти Абул-Касим Бабера в Хорасане начинается период неурядиц, прекратившихся лишь двумя десятилетиями позднее.[30]) Незавершенными в отделке остались также барабан и внешний декоративный купол главного здания; возможно, что последний даже не был и возведен.

Чем же объяснить появление столь выдающегося архитектурного произведения в маленьком городке, входившем в округ, главным городом которого была расположенная в 30 км. к юго-западу Нисa? В XV столетии в системе государства Тимуридов области Нисы принадлежала второстепенная роль. Правда, как выявлено археологическими работами ЮТАКЭ, в самой Нисе (городе) в этот период отмечается известное оживление городской жизни, показателем чего служит многочисленная тонкостенная, высокохудожественная керамика, китайский фарфор, прекрасное резное каменное надгробие некоей Ал-Джалилы, глазурованные изразцы и т. д.[31]) Однако, по размерам своим, по интенсивности развития ремесленного производства, Ниса уже не достигала тех масштабов, которые отличали ее в X—XII вв. Видной политической роли в государстве Тимуридов,—в том числе и в период правления Абул-Касим Бабера .1446—1457 г.) она не играла; еще меньшее значение мог иметь малень-

кий близрасположенный городок Анау.[32]) Сооружение в нем грандиозного здания может быть объяснено лишь тем особым значением, которое придавал его строитель погребенному здесь лицу; строительство это могло быть продиктовано какими-то особенными, может быть политическими мотивами.

Что можно сказать об исторических лицах, имена которых связаны с возведением мечети Анау?

Сохранившиеся на здании надписи, начертанные на арабском языке, содержат крайне ограниченные фактические данные к истории памятника. Ниже даем их переводы, выполненные А. А. Семеновым, при участии А. Э. Шмидта.

I. В большом прямоугольном, горизонтально вытянутом панно над тимпанами портальной арки:

«Случилась эта (постройка) во время царствования султана великого, владыки шей (своих) народов, ,убежища стран и века Абул-Касим Бабера Бахадур хана, да увековечит всевышний его власть и его царство».

II. В двух надписях (левая составляет продолжение правой), расположенных в небольших вертикальных панно на щипцовой части портальной арки.

Справа:

«Постройка этого священного, прекрасного, величественного здания, называемого «Домом Джемаля»—да сохранит его господь всевышний от разрушения!— во имя сада священного, благоухающего, в память полюса полюсов, убежища людей прозорливых и мудрых, осчастливленного особой благодатью экстатического достижения истины, в которой скрываются действия людей и гениев, образца обладающих несомненной Истиной, главы избранников господних, познавшихся и исчезнувших в в нем»,

Слева:

«Сведущих в законах божественных тайн на земле,— (в память) шейха Джемаль-ул-хакк-вад-дина—да освятит господь его душу, и да изольет он на миры явно и тайно его правдивость!—проистекла от презренного бедняка, погруженного в море греха, держащегося за петлю надежной веревки милости всепрощения, Мухаммеда, сына Джемаль-ул-милляц-вад-дина вышеупомянутого. И построил он его (здание) на собственные благоприобретенные средства...»

Далее в двух нижних строках мозаичный набор надписи выбит, однако, по сохранившимся гнездам, М. Е. Массону удалось распознать дату: 860 г. х. = 1455/6 г. н. э.

III. Та-же дата была прочтена А. Э. Шмидтом в лепной надписи юго-западного угла интерьера главного здания мечети.

Итак, здание было воздвигнуто в 1456 г., в правление султана Абул-Касим Бабера, имя которого в сопровождении пышной титулатуры содержится в главной надписи на портале. Время его правления было неспокойным в истории Хорасана, да и всей тимуридской державы в целом. В северном Хорасане историческая ситуация в эту пору была такова.[33])

Абул-Касим Бабер (род. в 1422 г.), сын Байсункара, известного мецената, покровителя литературы, живописи, каллиграфии, овладел Хорасаном вскоре после смерти Шахруха (1446 г.). В 1447 г. в период борьбы с сыном Улугбека,—Абдаллятифом, он захватывает также Прикаспийские области—Джурджан и Мезендаран. По договору с братом своим сопрателем Рукнеддином (чаще упоминаемым под именем Ала-ад-Давля),[34]) сидевшим в Мешхеде, границей их владений устанавливается Кучан. Весной 1448 г., во время похода Улугбека, когда разбитый в сражении Ала-ад-Давля бежал к Баберу, последний направил к Улугбеку послов с изъявлениями полной покорности. Улугбек военных действий не прекра-

тил, и Бабер бежал в Дамган, однако, в скором времени, узнав, что Улугбек удалился, возвратился назад.

С этого времени в руках Бабера находится Мешхед, откуда он направляет одно войско против Улугбека в Серахс, другое против Абдаллятифа в Герат, которым и овладевает зимой 1449 г. Благодаря междоусобицам в семье самого Улугбека, которые вскоре приводят к убийству последнего, посягательства на северный Хоросан со стороны восточных тимуридов прекращаются. Но в том же году из Фарса на Хорасан направляется войско младшего брата Бабера—Султан-Мухаммеда, который наносит ему поражение при Фархадджирде и овладевает Гератом. В 1950 г. ведется новая война между Султан-Мухаммедом и Бабером, которая кончается поражением последнего. Однако, вскоре ему удается вновь овладеть Хорасаном и расправиться с обоими непокорными братьями. Отсюда он направляется в Фарс, который, однако, удерживает лишь до 1452 г., будучи изгнан азербайджанскими тюрками династии Кара-коюнлу. Безрезультатным был поход Бабера в 1452 г. на Самарканд, куда его сопровождал, между прочим, историк Абд-ар-Реззак Самарканди. Абул-Касим скончался в 1457 году. Положение на северных границах его владений к этому времени было крайне неспокойным. По сведениям Абд-ар-Реззака, Бабер был вынужден в 861 г .х. (1456/7 г.) направить в Нису и Языр для охраны границ эмиров Низамеддина Ахмеда и Мубаризеддина Хасана Джандера. [35])

Наступившую в 1457 г. вслед за смертью Бабера ситуацию в стране очень красноречиво характеризует тот же историк под датой событий 862 г. х. (= 1457/8), который приводит длинный перечень правителей, захвативших различные области распавшейся тимуридской державы, а также имена главарей, овладевших сильными крепостями. Понятным становятся внезапное прекращение строительных работ на мечети Анау—обстановка войн и разрухи не могла благоприятствовать их продолжению.

Но кто же был шейх Джемаледдин, у могилы которого сын его, Мухаммед, воздвиг внушительное здание мечети?

Надписи этого не раскрывают. Составитель текста нередко прибегает к игре слов, используя первую часть имени шейха—Джемаль (= красота, украшение) в смысловом значении, например, «Дор-ул-Джемаль»—«местопребывание Джемаля», но вместе с тем и «Дом красоты»; «Джемаль-ул-хакк-вад-дин»—имя Джемаледдин расчленено промежуточным словом и становится эпитетом—«украшение права и веры»; «Джемаль-ул-Миллят-вад-дин»—«украшение религии и веры»[36]) и пр.

Крупные знатоки восточной (особенно среднеазиатской) агиалогии—проф. В. А. Жуковский, проф. А. А. Семенов не смогли отыскать в обширной суфийской литературе хорасанского шейха XV века по имени Джемаледдин.[37]) Повидимому более перспективным является раскрытие инкогнито сына его Мухаммеда.

Само по себе это имя было слишком распространенным на мусульманском Востоке, чтобы по нему можно было что либо сказать. Однако, некоторые косвенные данные как будто подводят нас к решению вопроса.

В надписи на мечети Мухаммед, следуя общепринятым «формулам скромности», именует себя «презренным бедняком». Несомненно, что это—чисто риторический оборот, так как «бедняк» Мухаммед построил «на собственные благоприобретенные средства», как говорится далее в надписи, здание, которое величием и богатством своей архитектуры могло бы соперничать со многими прославленными сооружениями тимуридского Самарканда и Герата. Совершенно несомненно, что это был крупный богач. Несомненно также, что он играл какую-то видную роль при султане Абул-Касим Бабере, в отношении которого, в период обостренной борьбы с другими тимуридами, нередко сопровождавшейся утратой

им многих областей (в частности Хорасана), сохранял верноподданническое отношение, что отражено в главной надписи на памятнике, прославляющей не почтенного шейха Джемаледдина (он в этой надписи даже не упомянут), но именно Абул-Касим Бабера.

Среди ближайших эмиров этого султана известен Мухаммад Худайдот, деятельность которого в первый же год, после смерти Бабера по страному (видимо не случайному) совпадению связана именно с областью Нисы. В едва начавшем тогда свою военно-политическую карьеру Султан-Хусейне Байкаре, Мухаммад, верным чутьем царедворца, определил восходящую звезду. В 1458 г., когда Султан-Хусейн намеревался направиться походом из Нисы в Астрабад, Мухаммад Худайдот прибыл к нему в Фируз-айд (вероятно современная Фирюза—курортное место в предгорьях Копет-дага, в нескольких километрах от Нисы) в сопровождении большого отряда, с выражением верноподданнических чувств и принят был им на службу. После вступления Султан-Хусейна на трон в Астрабаде, Мухаммад был им приближен, став, видимо, одним из главных визирей. Во всяком случае, Султан-Хусейн прислушивался ко многим его советам и следовал им.[38])

Сказанное, нам, кажется, делает вполне возможным отожествление Мухаммеда—строителя мечети Анау именно с Мухаммадом Худайдотом, видным эмиром двух тимуридских султанов—Абул-Касим Бабера, а затем Султан-Хусейна Байкары, политическая деятельность которого (Мухаммада Худайдота) была как раз связана с областями северного Хорасана, в частности Нисы.

Возведение им мечети для своего не слишком известного отца—провинциального шейха было осуществлено не в главном городе области—Нисе, а именно в Анау вероятнее всего потому, что шейх Джемаледдин был уроженцем этого городка. Косвенным подтверждением тому является отсутствие в надписях при имени шейха Джемаледдина нисбы—указания места рождения, обычно проставляемой при именах людей иногороднего происхождения. Самый же факт сооружения здесь столь выдающейся постройки был вызван, несомненно, не столько сыновней почтительностью Мухаммада, сколько политическим расчетом. Создание в области Ниса местной «святыни» в виде прекрасного здания, мощное эстетическое воздействие которого перерастало в фактор обще-идеологический—возвеличения личности своего отца (а значит и всего рода), имело следствием привлечение местного, сплошь мусульманского населения—по преимуществу оседлых и кочевых туркмен, обитавших по Ахалу и Атеку, к местному крупному культовому комплексу. Так некогда Тимур, движимый не благочестием, но расчетом на завоевание симпатий местного населения, воздвиг на далеких границах своей империи грандиозную усыпальницу над погребением видного мистика Ходжа Ахмеда Ясеви в г. Туркестане.[39])

Последующая история мечети Анау в значительной мере связана с историей самого городища. Если принять, как вполне вероятное, предположение А. А. Марущенко о тождественности Анау с упоминаемой в письменных источниках XVI—XVII вв. крепостью Багабад,[40] то развертывавшиеся в нем события были связаны в основном со все возрастающим значением воинственных туркменских племен и нескончаемой борьбой феодальных правителей узбекских, персидских, афганских за обладание областями Атека—Абиверда, Нисы и Дуруна.

В округе Багабада и Нисы проживали в XVI в. туркмены племени саинхани.[41]) Работы ЮТАКЭ показали, что после длительного периода XIII—XV вв., когда стены крепости пребывали в разрушенном состоянии, в XVI—XVII ввв было осуществлено новое восстановление стен, подвергавшихся с тех пор неоднократным ремонтам. Именно в эту неспокойную пору могло иметь место и использование монументального здания мече-

ти, господствовавшего над окружающей местностью, в качестве объекта крепостной обороны. В письменных источниках конца XVI—начала XVII вв. Багабад характеризуется, наряду с Нисой, как хорошо укрепленная крепость.[42])

Именно этой эпохой можно датировать забутовку юго-восточного и юго-западного углов цокольного этажа мечети, превращение их в основание для постановки мощных трехчетвертных круглых башен, заключавших внутри по винтовой лестнице, взамен частично замурованных прежних, располагавшихся в толще стен. Башни эти выведены из жженого кирпича иного стандарта, нежели употребленный в кладках мечети— размер его 24,5—25 см. в стороне при 6 см. толщины, положенного на рыхловатом глино-алебастровом растворе, с большим процентным содержанием лесса. Возможно, что по замыслу строителя башни эти должны были играть не только фортификационную роль, но и конструктивную, фланкируя углы здания, которое к этому времени, под влиянием просадок грунта и землетрясений, могло уже иметь некоторые разрушения. Никакой конструктивной перевязки между стенами мечети и кладкой башен нет, в результате чего они как бы отошли, образовав зазоры до 25 см.

Туркмены составляли основное население Багабада также в XVIII веке и позднее.[43]) После кризиса, охватившего страну в середине этого столетия, городок возрождается вновь, уже под новым наименованием — Анау («Аби-нау»— «Нововодск»). Это было поселение полугородского— полусельскохозяйственного типа, богатое возделанными садами и виноградниками, населенное оседлыми туркменами «анаули». Последние неоднократно подвергались нападениям со стороны воинственных текинцев. В целях обороны при усадьбах строились специальные башни—«динги», придававшие силуэту города очень своеобразный вид; тогда же были вновь отреставрированы стены старой крепости. Некоторые работы были при этом осуществлены и на мечети; наращены сырцовым кирпичем юго-восточная башня, надложены сырцовые стенки на восточном крыле главного фасада. Следует отметить, что если в эту пору мечеть отчасти и использовалась в целях обороны, то все же в основном она сохраняла свою главную функцию высоко-чтимой и далеко известной святыни. Показателен в этом отношении эпизод, связанный с походом в 1817 г. хивинского хана Мухаммад-Рахима. Преследуя бегущих текинцев, хан остановился в Анау, старшины которого явились к нему с изъявлениями покорности. «Во имя обета, данного святому шейху Джемаледдину — пишет историк — хан подарил им Анау и отпустил с дарами».[44]) Уроженка Анау, туркменская народная поэтесса-бахши XIX в. Саиб, оплакивая упадок своего родного города, восклицает: «О, горе мне, я удалена от пира Сейид-Джемаля».[45])

Показателем посещения мечети в ту пору туркменами различных племен, нередко приезжавших издалека, служит огромное число процарапанных на стенах тамг— племенных знаков. Среди них немало таких, которые не сохранились среди современных туркмен, и которые, видимо, принадлежали уже исчезнувшим племенным объединениям. Характерны также многочисленные, процарапанные в наивной манере рисунки —изображения коней, верблюдов, козлов, как основы хозяйственной жизни кочевых скотоводческих племен. Значение их—магически-заклинательное: благодать святого шейха да-снизойдет на стада паломника, пришедшего издалека к нему с дарами на поклон! Среди других рисунков нередко встречаются кривая сабля-клыч и ружье-мултук, вероятно как память о посещении памятника воинственными теке или номутами. Культ мечети и могилы Джемаледдина сохранялся среди невежественной части населения до последних дней. Сама могила уже давно была обведена оградой и нагрубо обложена кирпичем, превратившись в массивное прямоугольное сооружение. Характер «зиарата» —обряда поклонения, который, как удалось наблюдать в 1947 г., свершался по преимуществу женщинами,

заключался в троекратном обходе внутри ограды вокруг могилы, с прикосновением рук попеременно то к ней, то к лицу; такие же прикладывания делались у михраба, после чего пришельцы усаживались в мечети, разрезали дыни, надламывали лепешки и приступали к еде, обязательно угощая всех присутствующих. Дынные корки и семечки оставались на память святому. Иногда к этим «дарам» прибавлялось несколько рублей, которые втыкались между кирпичей. Это —дань старой традиции еще тех времен, когда духовенство выкачивало у паломников во имя Джемаледдина большие подношения—деньги, ковры, баранов, коней. В советское время промышлявшие у мечети шейхи были изгнаны.

Все дальше уходят в прошлое в советской Туркмении религиозные предрассудки, многое изменяется и в отношении населения к памятникам старины. Заброшенный до революции Дом Джемаля— «Дом красоты», в годы Советской власти вошел в сокровищницу культурного достояния туркменского народа, тщательно сберегаемого государством. Здесь протекал тот новый этап в жизни памятника, отмеченный большими исследовательскими и ремонтно-реставрационными работами, о котором подробно говорилось в начале настоящей книги. И лишь стихийное бедствие —землетрясение страшной силы разрушило безвозвратно этот памятник, памятью о котором отныне могут служить лишь публикации, посвященные мечети Анау.

ПАМЯТНИК

Археологические вскрытия показали, что здание мечети Анау было воздвигнуто на мощной толще культурного слоя, слагавшегося на протяжение многих веков. Углубление котлованов для устоев портала на глубину более 4,50 м, видимо, убедило строителей в невозможности дойти до настоящего материка, располагавшегося почти на 10 м. ниже уровня города XV столетия. В практике среднеазиатского строительства XV века такие случаи были довольно обычны —достаточно напомнить, например, о многометровых толщах культурных отложений Самарканда, Герата, Бухары, на которых были воздвигнуты монументальные постройки времени Тимура и тимуридов.

Основывая фундаменты не на материковом слое, строитель мечети Анау должен был принять какие-то специальные меры для придания фундаментам особенной прочности. Вдобавок, как указывалось выше, он вынужден был произвести планировку строительной площадки и закладку фундаментов на очень сложном, пересеченном рельефе, отлого поднимавшемся с севера и круто обрывавшемся у гребня былой стены на южной стороне. Вскрытием у восточной стены двора установлено, что фундаменты стен боковых построек были сложены из бутового камня, вперемежку с кирпичем, на крепком растворе; глубина заложения их около 1,25 м. Грунт под фундаментом, содержащий различные культурные остатки, (угольки, керамику и пр.) характеризует плотная мелко-натечная слоистость. Этот примечательный факт свидетельствует, что после откопки котлованов они несколько раз заполнялись водой с тем, чтобы уничтожить рыхлость грунта. Подобный прием уплотнения грунта отмечен нами в ряде монументальных построек XV века—например при вскрытии в 1940 г. устоев мавзолея Ишрат-хана, а в 1943 г. —фундаментов стен, окружающих дворик Гур- Эмира в Самарканде.

Как показали шурфы №1 и № 3, метод этот был применен и в котлованах фундаментов стен главного здания мечети. При сооружении последнего перед строителем стояла наиболее ответственная инженерная задача — и потому, что здание это создавало наиболее значительные нагрузки на грунт и потому, что большая часть его должна была быть расположена на внешнем скате оплывшей сырцовой крепостной стены. Задача эта была решена очень оригинальным образом.

По периметру основного квадрата здания были устроены мощные каменные фундаменты. Кладка их выполнена почти заподлицо с наружным контуром стен ,но выступает на 80 см. относительно внутреннего; общая ширина фундамента достигает таким образом 2,70 м. Глубина заложения —4,50 м. (за нулевую отметку здесь и далее принимаем уровень пола, соответствующий началу кладку стен). С восточной, южной и западной сторон, там, где здание стоит уже на скате средневековой крепостной

стены; кладка фундамента почти на 3 м. своей высоты обнажена, образуя торцовые стены помещений располагавшегося здесь цокольного этажа.

Кладка фундамента осуществлена из крупных окатанных булыг, или рваного бута. На глубину 2,07 м. он выложен на ганчевом растворе. Здесь, как показал шурф № 2, в кладку фундаментов восточной и западной стен мечети изнутри заложены балки сечением около 15 см., сцементированные ганчевым раствором. Они осуществляли связь, образуя сплошной деревянный ростверк, проходящий из фундаментной кладки под двухметровую толщу засыпки пола. Такая конструкция не имеет параллелей ни в одном из исследованных к настоящему времени зданий монументального среднеазиатского зодчества.

Совершенно аналогичное устройство отмечено и в фундаментах устоев портальной арки. В кладку последних, несколько выше ростверка, также заделаны отдельные бревешки сечением до 10 см., расположенные на расстоянии 15—20 см. друг от друга. Н. М. Бачинский ошибочно пишет, будто эти деревянные закладки портального устоя уложены торцами к фасадной стороне портала.[46]) В действительности они уложены, как и внутри мечети, параллельно фасадной стороне, и видимо, осуществляли взаимосвязь двух устоев, в известной мере поглощая действующие усилия распора арки.

Несмотря на то, что балки, благодаря долговременному воздействию почвенной сырости, давно уже стали трухлявыми, соединяющая их ганчевая обмазка настолько затвердела, что в уровне ростверка нельзя отметить сколько-нибудь значительных осадок, которые неизбежно расплющили бы эти истлевшие балки. Между тем остатки их, как и гнезда, сохранили нормальную форму сечения древесного ствола.

Ниже ростверка фундаменты стен и устоев сложены из бута на глиняном растворе. Общая глубина заложения фундаментов 4,50 м. Как показали шурфы № 1 и 3, кладка велась отвесно. Лишь небольшой участок ее у угла восточного устоя имеет в нижней части кладки постепенный отступ на 35 см. внутрь. Сильно уплотненный характер основания у подошвы фундамента был достигнут отмеченным выше способом многократной заливки котлована на известное время водой.

Сама кладка каменного фундамента в глубоком котловане велась несколько «вчерне», без идеального совпадения его наружных контуров с фасадной линией стены. Шурф № 1 показал, что у внешнего угла устоя фундамент начинается почти заподлицо с плоскостью стены, но дальше слегка выступает, так, что уже в месте сопряжения устоя с восточным крылом выступ достигает 20 см.

Химико-технологический анализ строительных материалов мечети Анау, осуществленный Н. С. Гражданкиной, показал их очень высокие прочностные качества.[47]) Кирпич изготовлен из лессовидного суглинка, типичного для области средневековой Нисы.

В бутовой кладке фундаментов главного здания употреблен гипсовый раствор, слегка загрязненный золой и копотью, полученными при обжиге, с 10 — 15% добавки слабообоженного лёсса. В фундаментах восточной боковой пристройки раствор представляет смесь гипса, довольно крупного помола, с необожжённым лёссом — так называемый «ганч-хак», при процентном соотношении гипса к лёссу 70 : 30.

В кладках портала применён гипсовый раствор с 5-ти процентной добавкой золы. Н. С. Гражданкина отмечает, что «растворы мечети в Анау являются одним из лучших представителей гипсового вяжущего повышенной водоустойчивости».

На склоне разрушенной средневековой крепостной стены вдоль обнаженных с западной, южной и восточной стороны кладок фундаментов главного здания мечети, располагался развитой цокольный этаж, судя по старым фотографиям, уже давно разрушенный. Материалом стен его

служил бутовый камень на ганчевом растворе с добавкой крупного речного песка. Цокольный этаж выступал на 3,50—3,70 м. относительно линии стен, уровень кровли его соответствовал полу мечети, а пол этого этажа лежал на 3 м. ниже. Вдоль каждого фасада здесь располагалось по пяти продолговатых худжр, обращенных наружу нишами-лоджиями. В ЮВ и ЮЗ углах первоначально располагались, видимо, квадратные худжры, которые в последующие времена были отчасти разрушены, отчасти забутованы, послужив в XVI—XVII вв. основанием для мощных 3/4-ных башен. Всего, таким образом, в цокольном этаже было по крайней мере 17 помещений.

Перекрытия худжр были сводчатыми. Своды выведены из жжёного кирпича. Лучше всего они сохранились в местах расположения двух худжр восточного и западного крыла мечети.

Расположенная соответственно в цокольном этаже восточная худжра представляет в плане вытянутый прямоугольник; три разной глубины ниши придают ему вид не вполнё симметричного креста. Часть худжры, примыкающая к восточной стороне мечети перекрыта коробовым сводом стрельчатого очертания, выложенным «отрезками»; в том же приеме выведены и арки ниш. Так как своды покоятся на каменных стенах, то видимо, для выравнивания их не вполне правильной кладки под строго горизонтальную поверхность, в уровне пят проложено три горизонтальных ряда кирпича, на которых и основан самый свод.

Образующееся между коробовыми сводами квадратное пространство перекрыто очень плоским крестовым сводом, шелыга которого находится почти в том же уровне, что и замки ограничивающих его сводов «отрезками». По существу этот крестовый свод представляет собою как бы продолжение и пересечение коробовых. Это редчайший, чтобы не сказать уникальный, для XV века пример применения в среднеазиатском зодчестве крестового свода. Последний вообще употребления на Среднем Востоке не имел, так как выведение его связано с применением опалубок; между тем особенность среднеазиатских сводчатых конструкций составляет как раз бескружальный способ их выведения.

Симметричное описанному помещение в западном крыле имеет иную конструкцию. Здесь также своды и арки выведены «отрезками», но кладка осуществлена следующим образом: между несущими угловыми кирпичными устоями переброшены каменные арки, сложенные из крупных продолговатых, нагрубо околотых булыг на ганчевом растворе. На них же основываются арки кирпичные, отчасти играющие роль разгрузочных. Метод выведения каменных арок в Средней Азии, с её высокоразвитой культурой кирпичного строительства, распространения не получил, но вообще он был нечужд зодчеству Хорасана. Таковы, например, арки мечети Намазгох XIV в. в Нисе, [48]) и перекрытия караван-сарая XV в. в Кала-и-Нариман близ Герата. [49]) Перекрытие центрального квадрата осуществлено с помощью звездчатого куполка, основанного на четырёх щитовидных парусах — в горизонтальной проекции он образует фигуру восьмигранника. Сечение его очень отлогое—при двухметровом диаметре размер стрелки равен 55 см.

Перекрытия прочих продолговатых комнаток цокольного этажа, судя по некоторым остаткам кладок, были выполнены в виде стрельчатых сводов «отрезками». Эти цокольные худжры имели по фасадам ниши-лоджии, открытые наружу; таким образом получалась как бы арочная галерея, оконтуривавшая понизу главное здание мечети по трём фасадам. Некоторые из худжр сообщались между собою дверными проёмами, другие были изолированы и имели входы только снаружи.

Вопрос о назначении этих помещений поднимался лишь инженером С. Скляровским, который видел в них базарные постройки (склады или лавки), считая, будто вокруг мечети размещался когда-то рынок. [50]) Однако, предположение о наличии базара не подкрепляется археологиче-

скими наблюдениями. Вдоль южного фаса здания располагается глубокая котловина крепостного рва, опоясывавшего средневековый город; если даже он и не заполнялся в XV веке водой, то рельеф участка был абсолютно непригоден для базарной площади. Сомнительно также, чтобы при сооружении парадного культового здания часть его помещений уже по первоначальному замыслу была отведена под торговые помещения.

Более вероятным представляется следующее предположение: так как строительство этого крупного культового комплекса предусматривало возможность паломничества к новой «святыне» посетителей из дальних мест, для размещения приезжих и были созданы худжры, расположенные прямо у мечети, но вместе с тем не сообщавшиеся с основной частью её парадных аппартаментов. Для тимуридской эпохи можно указать ряд примеров устройства жилых худжр при больших мавзолеях. Таков мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви в Туркестане (1398 г.)), или мавзолей Ишрат-хана в Самарканде (1464 г.) [52]). Цокольные худжры анауской мечети могли использоваться и в качестве подсобных хозяйственных помещений .Они органически связаны с архитектурой здания уже тем, что их кровля образовывала общую плоскую террасу, огибавшую главное здание, которое сообщалось с ним шестью проходами (по два с каждой стороны). Повидимому, она была оформлена в виде легкого айвана на деревянных колоннах, дававшего хорошую тень. На это указывает несколько выщербленных гнёзд, сохранившихся на западной стене мечети на высоте около 3,50 м. от уровня пола, отмечающих место заделки балочек плоского перекрытия айвана.

Собственно мечеть представляет собою квадратный зал пролетом 10,50 м., внутреннее пространство которого ограничивают четыре подпружных арки. Щипцовые стены их расчленены на три яруса. В центре южной стены находится михраб, по обе стороны которого располагается две узких стенных ниши, с выходами на внешнюю террасу; в западной и восточной стене—по две обширных и глубоких ниши, также с выходами на террасу. По второму ярусу во всех трех стенах расположено по две таких же ниши-лоджии, а в третьем на главных осях — по одной.

С северной стороны мечеть открыта во двор обширной аркой, которая подчеркнута монументальным пештаком. К нему с восточной и западной стороны примыкает два крыла, выраженых по фасаду трехъярусными нишами-лоджиями. За ними в первом этаже располагается по худжре, каждая из которых имеет выходы во двор, на террасу и к лестницам устроенным в толще угловых кладок главного объема мечети. Доступ к двум другим таким же лестницам в противоположных углах возможен был лишь с террасы. Лестницы ведут ко второму этажу ниш интерьера, а также дают доступ на крышу террасы, и отсюда—в лоджии второго яруса боковых крыльев фасада. Далее по ним можно подняться к обходной галлерее, и нишам третьего яруса мечети, и выше—на крышу ее. Третий ярус боковых крыльев имел чисто декоративный характер: в западном крыле проникнуть в лоджию можно было бы лишь с помощью приставной лестницы, поставленной на крышу западной пристройки; в восточном же доступ к аналогичной лоджии вообще неосуществим.

Основным строительным материалом стен и перекрытий южной группы комплекса служил жженый кирпич на ганчевом растворе. Кирпич квадратный. Преобладающие размеры его 23-24 см. в стороне на 4,5 см. толщины (варианты—от 22 до 24,5 см. в стороне, 4—4,7 см. толщины: 10 рядов кладки и 10 швов составляют по высоте 63-65 см.[53]) Связующий раствор—ганч, очень крепкий, слегка сероватого цвета. В стенах заделано немало деревянных связей.

Кладка арок осуществлялась из того же материала. Как видно в местах обвалившихся штукатурок, большие подпружные арки основного четверика были выложены «отрезками», т. е. бескружальным методом.

Судить о конструкции арки пештака труднее, так как ее кладки закрыты облицовками. Выступающий над крышей, с торца пештака, ее участок был выведен клинчато положенным кирпичем, но это еще не характеризует конструкции, так как сплошь и рядом в тимуридской архитектуре отмечаются портальные арки, первый ряд (или ряды) которых выведены «отрезками», а уже поверх наращиваются ряды клинчатой кладки (например в мавзолее Ишрат-хана в Самарканде).

Мечеть имеет купольное перекрытие, основанное на четырех подпружных арках и промежуточных щитовидных парусах. Следует отметить известное несовершенство парусной конструкции. В месте обнажения одного из углов видно, что между тимпанами подпружных арок здесь была закреплена под углом 45° балка; кроме того в кладку их местами заделывались радиально торчащие деревянные «пальцы», а промежутки забутовывались кирпичем и ганчем. Все это, маскировала ганчевая лепнина в виде многорядных сталактитов. Снаружи на подкупольном барабане отмечается наличие четырех разгрузочных арок, соответствующих по своему положению парусам внутренней конструкции.

Аналогичную, но более тщательно выполненную конструкцию мы наблюдали в 1939 г. при производстве исследовательских работ, осуществлявшихся Б. Н. Засыпкиным на мавзолее Ахмеда Ясеви в Туркестане. Вскрытие углового паруса главного зала, так называемого «казанлыка», которое велось снаружи, показало наличие здесь разгрузочной арки, косо-заделанных в кладку паруса несущих бревен и связей —«пальцев»; прекрасный сталактитовый потолок «казанлыка», как оказалось, был как бы подвешен по своим внешним контурам, держась на этих «пальцах» в основном силой сцепления ганча.

Купол мечети Анау имел отлого-эллиптическую форму и был выведен кольцевой кладкой.

Перекрытия узких обходных галлерей третьего яруса плоские, выполнены в виде сплошного наката арчевых балочек.

Сводики ниш крыльев фасада были выложены клинчатой кладкой, но внешний ряд кладки (под мозаичной облицовкой) выведен плашмя положенным кирпичем, т. е. как бы имитируя традиционную кладку «отрезками». Для связи и для облегчения нагрузки на сводики между ними и выстилкой пола ниш была введена арматура из расположенных на расстоянии 10—12 см. балочек.

Следует подробнее остановиться на конструкции верхней, возвышающейся почти на 6 м. над крышей основного объема части пештака. Она представляет собой род сильно развитого парапета, для устойчивости которого, во избежание возможного опрокидывания его вперед, строитель должен был прибегнуть к специальным конструктивным мерам. Сечение пештака в этой части достигает 1,60 м.. Однако, сплошное заполнение его кирпичем было бы нерационально ни с точки зрения расходования материала, ни с точки зрения (и это главное) конструктивной целесообразности, так как инертный массив кладки лишь создавал бы добавочные нагрузки на несущий портальный свод. В целях облегчения верха портала строитель устраивает в нем два ряда аркад. Нижняя содержит ряд ниш глубиной в 1 м., обращенных в сторону крыши здания, вверху же—сквозные арки, выраженные по главному фасаду изящной аркатурой-реваком, о котором подробнее будет сказано ниже. С точки зрения конструктивной вся возвышающаяся над крышей часть портала превратилась, таким образом, из стены в систему несущих столбиков, связанных между собой арками. Характерно, что выравнивание аркад под горизонтальную линию также осуществлено не сплошной, но облегченной кладкой: кирпич ставится через известные интервалы на ребро и перекрывается горизонтальными рядами.

В целях придания этой части портала большой устойчивости углы его, начиная с уровня крыши, фланкированы круглыми полубашнями, выложенными по наружной поверхности из специального лекального кирпича, с хорошо притертой поверхностью. Утверждение, будто внутри них помещены винтовые лестницы, ведущие наверх портала,[34]) не совсем точно. Выходы на крышу через лестницы, заключенные в толщах восточной и западной стен мечети располагались поодаль от этих полубашен. Подняться с крыши до уровня сквозной аркатуры можно было лишь по наружным ступеням, которые затем уже переходят в винтовую лестницу внутри полубашен. Но далее они поднимались выше уровня располагавшегося над арктурой верхнего карниза портала, кладка ступеней вела дальше наверх, а следовательно поднимались вверх и сами башни. Образовывали ли они вверху сквозные фонари-ротонды, или представляли собой род минаретов, стоящих «на плечах» портала—будет сказано дальше. Во всяком случае несомненное указание на существование здесь каких то круглых кирпичных столбов дала расчистка в 1947 г. большого отвала упавших сверху строительных остатков, среди которых оказались лекальные кирпичи с закругленной, гладко отшлифованной лицевой стороной и радиально сходящимися боковыми гранями. Вычисление диаметра по дуге и хорде дало размер около 1,20 м. Таким образом, кирпичи могли принадлежать башням не в уровне верха портала, где диаметр их достигает 2 м., но, учитывая легкое коническое сужение ствола, значительно выше.

Расположенные за нишами боковых крыльев фасада, вытянутые в плане восточная и западная худжры (№ 2 и 3) решены неодинаково и в планировочном и в конструктивном отношении. Худжра № 2 имела четыре входных проёма. Она была подразделена как бы на две части переброшенной примерно посредине арочкой. Обе части были перекрыты звёздчатыми куполками, основанными на подпружных арках и щитовидных парусах.

По остаткам гуртов и кладки парусов, сохранившихся на тыльной стороне фасадной стенки, удалось реконструировать их схему. Малый куполок образовывал в проекции фигуру шестигранника и был основан на двух стрельчатых подпружных арках, двух вспарушенных арках и четырёх щитовидных парусах. Большой был 12-тигранным, основанным на отрезках четырёх подпружных арок и на 12-ти щитовидных парусах (двух вариантов). Кладка конструктивных элементов велась из кирпича, но формы их как бы корректировались поверх ганчевой штукатуркой.

Худжра № 3 представляла род квадратной комнаты с обширной восьмигранной нишей. О перекрытии последней судить трудно, оно разрушено до основания. Главное же пространство худжры перекрывал 16-тиконечный звёздчатый куполок, конструкцию которого удалось восстановить по остаткам парусов в СВ углу. Переход к нему от основания осуществлялся посредством шести щитовидных парусов (трёх типов).

Оформляющие двор восточная и западная группа построек сооружены из кирпича несколько иного стандарта, чем на главном здании мечети. Кирпич квадратный, преобладающий размер—23-23,5 см в стороне на 4,5-5 см толщины; 10 рядов кладки и 10 швов составляют по высоте 69 см. Раствор ганчевый того же типа, что и в южной группе.

В стеновых конструкциях этих построек большую роль играет дерево в качестве связей. Так, в уровне перемычек деревянные балки не только перекрывают дверные и оконные проёмы, но иногда (например в дарсхане № 4) проходят по всему периметру стен. То же отмечается в верхних арках и сводах, примерно на уровне середины арочных тимпанов. Дерево вводилось и в кладку столбов. Значительное число арчёвых балочек заделано перпендикулярно в кирпичную кладку, при этом концы их выпуще-

ны наружу; первоначально они, как видно, использовались для установления подмостей, после чего спиливались заподлицо со стеной.

Планировка восточной и западной групп помещений разнородна, однако, в обоих случаях характерно наличие большого купольного трёхсветного помещения пролетом 8,60 м., с обводящими его двухъярусными галереями. Условно будем именовать их «дарсханами» (аудиториями) №4 и № 9. О назначении их будет сказано несколько дальше; пока приведём лишь описание.

Западная дарсхана (№ 4) имеет квадратный план. В первом ярусе на главных осях—глубокие ниши с выходами наружу. В трех углах расположены тесные, тёмные, коридорообразные комнаты (№ 5), как бы огибающие несущие конструктивные столбы. В СЗ углу—лишь часть такой коморки, а рядом выход через дверной проем и глубокую нишу-лоджию наружу. Дверной проход ведет в примыкающее с севера, довольно просторное прямоугольное помещение (№ 6), заключающее у северной стены крутую одномаршевую лестницу. Помещение это имеет выход во двор, подчеркнутый глубокой лоджией. Лестница ведёт в короткий отрезок коридора второго этажа (№ 7). Из него можно попасть в смежную квадратную комнатку (№8) с такой же лоджией, обращенной во двор, как и внизу, а также во второй ярус просторной обводной галереи дарсханы.

Галерея открыта внутрь просторными стрельчатыми арками, образующими в плане восьмигранник, основанный на восьми лёгких кирпичных устоях. В южной и западной стенах устроено по три окна, в восточной—два, в северной—одно. Третий архитектурный ярус представлял собой повышенное 16-тигранное внутри, круглое снаружи основание купола.

Следует отметить исключительное разнообразие применённых здесь сводчатых и купольных систем. Конструкция выводится как бы «вчерне» в кирпиче, но затем обогащается и усложняется лепкой полуконструктивных-полудекоративных ганчевых плафонов.

Так, в 1-м ярусе дарсханы удлиненные в плане потолки лежащих на осях ниш заключают в центре звёздчатый восьмиконечный куполок, поддерживающие щитовидные паруса которого образуют фигуру более развитой восьмиконечной звезды, основанной на удлинённых щитовидных парусах и расположенных между ними отсеках вспарушенной арки. Переход от основного квадрата плана дарсханы к восьмиграннику второго яруса осуществлён с помощью заполнения углов сложной системой щитовидных парусов, образующих как бы рассеченный надвое звёздчатый восьмиконечный куполок. Исключительно интересны перекрытия галереи второго яруса. Сложные полигоны угловых лоджий перекрывают 10-тиконечные куполки, переходы к которым осуществлены очень остроумной системой вспарушенных арок, щитовидных парусов и вспомогательных полукуполков. Плафоны удлиненных проходов, лежащих на главных осях дарсханы, решены несколько иначе, чем расположенные под ним перекрытия ниш 1-го яруса—здесь также в центре организован 8-гранный куполок, но смежные переходные устройства заключают значительно более усложнённую систему щитовидных парусов.

Перекрытие квадратной комнатки № 8 имеет вид купола, основанного на 16-тигранике парусов, из которых угловые в свою очередь заполнены в пазухах системой щитовидных парусов.

Заслуживает быть отмеченным конструктивный прием, связанный с созданием этих разнообразных перекрытий. Ганчевые тяги-гурты, определяющие направление основных рёбер парусов, армировались заделанной посредине, разрезанной надвое камышиной. Этот гибкий материал, легко следующий направлению любой кривизны, обеспечивал, вместе с тем, конструктивную жёсткость гурта. Сохранность заключённого в ганчевую оболочку камыша оказалась через пять столетий такой,

что можно было бы счесть его за срезанный лишь несколько лет тому назад.

Приём этот заслуживает пристального внимания строителей, работающих в условиях Средней Азии, где учет стародавнего народного опыта и использование дешёвых строительных материалов являются одним из непременных условий массового строительства. В этом смысле значительный интерес представляет также перекрытие комнаты № 6. Здесь был переброшен коробовый свод очень оригинальной конструкции. Это тонкостенный ребристый сводик, выведенный чередованием рядов кладки, кирпич которой положен то плашмя, то на ребро. На нём, через известные промежутки (15-20 см.) проложены ряды кирпича различной высоты, выравнивающие конструкцию до горизонтальной плоскости выстилки пола второго этажа. Перед нами, таким образом, тонкостенный ребристый кирпичный междуэтажный свод, выдержавший серьёзное испытанием временем. Это в высшей степени оригинальное конструктивное решение, не имеющее, как будто, параллелей в сохранившихся памятниках среднеазиатского зодчества, также раскрывает интересные перспективы применения его в практике сегодняшнего дня.

Что касается купола дарсханы № 2, то он покоился на 32-хгранном барабане, основанном на переходных щитовидных парусах 16-тигранника, в свою очередь переведенного от восьмигранного плана. Самого купола не существует; судя по старым фотографиям, его уже не было и в прошлом столетии. Однако, завершенность ганчевой отделки интерьера безусловно указывает, что купол этот когда-то существовал, но либо был разобран в период заброса памятника, либо рухнул во время одного из прежних землетрясений.

Полы западной группы помещений выстланы жжёным кирпичом.

Восточная группа построек особенно пострадала от соединённых усилий времени и человека. Разрушены наполовину стены дарсханы № 9, купола и своды, разнесены галереи, опоясывавшие ее с южной и западной стороны, руины которых ещё видны на фотографиях прошлого столетия. Однако, по фотографиям этим, по остаткам парусных систем на сохранившейся части стен, по пролётам между несущими столбами удалось реконструировать не только основные элементы плана, но и схемы былых перекрытий.

По составу помещений эта часть комплекса сложнее западной группы. Ядро его составлял квадратный двухярусный, трёхсветный зал дарсханы № 9. Со всех сторон к нему примыкают галереи в виде анфилад, частично открытые внутрь дарсханы. С севера и запада последнюю отграничивают стенные устои с переброшенными между ними сквозными арками. Пролет квадрата дарсханы равен 6,50 м. Углы его перекрывают кирпичные тромпы в форме половины сомкнутого свода, на которых во втором ярусе основаны треугольные ниши-лоджии, некогда перекрытые конховыми полукуполами, основанными на кирпичных щитовидных парусах. Третий ярус дарсханы, таким образом, основан на восьмиграннике, от которого посредством восьми щитовидных парусов, осуществлён переход сначала к 16-тигранному барабану (с рамещенными в нем восьмью окнами), а затем, через промежуточный 32-хгранный пояс, к круглому основанию купола. Возможно, что последний так и не был возведён. Восточная группа построек вообще наглядно показывает на внезапный прерыв строительных работ. Штукатурные работы были осуществлены лишь в смежной дворовому фасаду анфиладе (под № 12). Интерьер же дарсханы № 9 не только не был заштукатурен, но в нем даже остались неспиленными заделанные в кладу стен в уровне арочных пят, выпущенные наружу арчёвые брёвна.

Прилежащее к дарсхане помещение № 12 расчленено на три отсека. Центральное перекрыто ребристым куполком, восемь граней которого сходятся к центру наподобие шатра; по обе стороны от него отделённые сквозными арками участки перекрыты восьмиконечными звёздчатыми куполками, основанными на подпружных арках и щитоводных парусах. Как удалось установить по остаткам конструкций, данная система повторена в остальных галереях, обводящих дарсхану (№ 11, 14), но там она чередуется с основанными на квадратном плане 12-тигранными звёздчатыми куполками, также на щитовидных парусах (№ 10,13). Планировка второго яруса примерно повторяет по расположению помещения первого; составить суждение о типе их перекрытия невозможно.

Восточный и западный дворовые фасады были расчленены слегка выступающими пилястрами, между которыми располагались (рассматривая от угла сопряжения с главным фасадом): в первом пролёте — три яруса узких настенных арочек, за ними — два пролёта двухъярусных настенных арочек и один пролёт двухъярусных лоджий. Черновой характер выкладки пилястр и арок, резко контрастирующий с великолепным декором смежного главного фасада, наглядно свидетельствует, что по замыслу фасады эти были также предназначены под облицовку, которая, в связи с прекращением строительных работ так и не была нанесена. Указание на то, что дворовые фасады, по мысли строителя, должны были быть облицованы, было получено при вскрытии угла сопряжения главного фасада с восточным. Верхняя постель их фундаментов выступает на 10 см. относительно черной кладки стен. По главному фасаду этот выступ выравнен облицовочным слоем, на восточном же он так и остался без облицовки.

Закладка шурфа № 3 выявила принципиально важный факт. Кладка стен восточного фасада оказалась разобранной, начиная от упомянутых лоджий, сохранившихся на противолежащем западном фасаде; здесь же она едва прослеживается лишь в уровне фундаментов стены. Однако, при продолжении шурфа оказалось, что фасад тянулся далее на север, причём стена здесь содержит ещё один отделённый пилястрами пролёт настенной арки. Далее стена оказалась окончательно разобранной, но линия фундамента продолжалась и дальше. Последующее исследование его в 1947 г. было приостановлено, в связи с окончанием раскопочных работ ЮТАКЭ, а также в силу того, что работы эти были связаны с выемкой очень большого объема земли—наслоений бесчисленных поздних могил.

Установленные факты имеют принципиальную важность для понимания архитектуры всего комплекса. Боковые фасы двора тянулись в северном направлении; при этом не исключена возможность, что самый двор имел не П-образную форму, но был замкнут с северной стороны, причем вход в него был выделен монументальным входным пештаком. Предположение это наиболее вероятно, если учесть большую традиционность типа замкнутой дворовой мечети, определившегося в зодчестве Хорасана еще в первой половине XII в., получившей свое наиболее грандиозное воплощение в архитектуре тимуридской эпохи (ср. мечеть Биби-ханым в Самарканде, Мусалля в Герате и др.).

Самый двор первоначально был вымощен кирпичем, который впоследствии был разнесён. Близ северного портала, несколько восточнее главной оси, стояло надгробие Джемаледдина (с таким расчётом, чтобы не закрывать во время многолюдных молений михраба мечети и минбара имама). Позднее вблизи «святыни» расположилось множество могил. Соседство с погребением шейха в глазах суеверного люда обеспечивало его потустороннее заступничество; суеверие это с выгодой использовалось жившим при мазаре духовенством, которое за большие день-

ги продавало места для захоронений. Раскопки показали, что могилы здесь наползают одна на другую, громоздятся одна над другой.

Главное внимание зодчий сосредоточил на архитектуре северного фасада. Он заключает пештак с обширной аркой, открывающей внутреннее пространство мечети и отрезки лежащих в одной с ним плоскости боковых крыльев. В основании всего фасада проходит полутораметровая панель. Большая арка пештака как бы развивает пространство открытой во двор, несколько меньшей по пролету арки интерьера. Архивольт большой арки, который начинается с верхнего уровня панели, по наружному контуру срезан под углом 45°. Над аркой расположено поле тимпана, на котором находится удлинённое поле надписи, а выше — сквозная аркатура «ревак» по среднеазиатской терминологии, заключающий 7 арочек. Устои пештака расчленены по вертикали чередованием трех удлиненных прямоугольников, с заключёнными в них настенными арочками, и трёх квадратов. [55]) Размеры и уровень верхнего квадрата соответствует сквозной аркатуре ревака.

Боковые крылья главного фасада заключают яруса глубоких лоджий-ниш.

Декоративные облицовки фасада выполнены серовато-жёлтым, притёртым кирпичем, глазурованными квадратиками синего и голубого цвета и мозаичными наборами. Облицовки приморaживались к черным кладкам на толстом (6—7 см.) слое чистого ганчевого раствора. Как установлено Н. М. Бачинским, набор больших мозаичных панно тимпанов портальной арки предварительно осуществлялся квадратами, которые крепились на толстом (9-10 см.) слое ганчевого раствора с введением в последний для лучшего скрепления свинцовых штырей.

Для изготовления облицовочного кирпича использовался тот же кирпич, который употреблен и в кладках, однако тщательная шлифовка и притирка придавала его фактуре облагороженный характер. Что касается глазурованных вставок и элементов мозаичного набора, то это — обычный в практике тимуридского строительства «кашин». Абсолютно неправ А. А. Карелин, утверждавший, будто мозаики мечети Анау «...представляют листки обожжёного каолина высотою в 1/2 толщины спички, покрытые прозрачной эмалью, причем эти цветные листки (пяти окрасок) прихвачены к алебастровому слою в 3 см, толщиною, лежащему на ганче в 1 1/2 вершка (6 — 7 см) толщиною...»[56]) Алебастровая основа под глазури, требующие очень высоких температур обжига, абсолютно исключена; черепком среднеазиатских мозаик служит кашин. Самаркандским архитектором М. Ф. Мауэром давно уже было установлено, что кашин представляет собою покрытую глазурью силикатную массу.[57]) Анализ кашинных посудных изделий из Нисы, осуществлённый по поручению ЮТАКЭ, в лаборатории АН Укр. ССР, показал, что в составе кашина содержится более 92% кремнезема и небольшие добавки окисей аллюминия кальция, железа и магния. [58]) Исследования М. А. Безбородова и Н. С. Гражданкиной установили, что кашин мозаик мечети Анау состоит на 78-86% из кварца, к которому добавками минерализаторами служили глинозем и известь. Что касается красящих глазурей, то они являют собой силикатные кальциево-магниевые, натриево-калиевые стекла, содержащие красящие окислы кобальта, меди марганца и железа.).

Пористая структура черепка благоприятствовала глубокому проникновению в него глазури, образующей по поверхности стекловидный слой, отличающийся чрезвычайной интенсивностью тона. Кашин легко режется — это позволяло выпиливать из большой кашинной плитки всевозможные криволинейные фигуры растительной орнаментации, букв и т. д. Отходы

работы мозаичистов, в виде закраин такого рода плиток, мелких осколков и пр. были найдены, как уже указывалось выше, в большом числе в 1947 г. в подсыпке строительного мусора под вымосткой двора.

Основные цвета элементов кашинной мозаики: темно-синий (иногда фиолетового оттенка) и ярко-голубой; реже употреблены медово-желтый, белый и зеленый.

Все основные линии архитектурной разбивки фасада — арки, ниши, панно, обрамления архивольтов и т. д. как бы отчёркнуты однородной полосой шлифованных кирпичных квадратиков, выложенных с расшивкой швов.

В орнаментации мечети отмечаются мотивы геометрические («гирихи» по среднеазиатской терминалогии), эпиграфические, стилизованно-растительные и даже зооморфные. Ниже дано описание декора фасада. Оговариваемся, что в ряде случаев облицовка облетела и первоначальный вид их восстановлен в описании по незначительным остаткам.

Панель устоев и боковых крыльев имеет в основании полосу плашмя положенных квадратных кирпичей. Основное поле панели заполняет выкладка кирпичей, положенных торцовой стороной «в ёлку». Панель щёковых стен устоев пештака и его внутренней арки прохода оформляет геометрический орнамент, выполненный из восьмигранных терракотовых плиток (видимо, вытесанных из обычного строительного квадратного кирпича), расчлененных цветной четырехконечной звездочкой —с синим квадратиком в центре и голубыми концами. Обрамляющий эту панель бордюр представляет чередование правильны хи удлиненных терракотовых шестиугольников, отороченных синими глазурованными полосками и разделенных голубыми треугольничками.

В оформлении фасадной стороны внутренней арки использована в крупных размерах подобная же система геометрического орнамента, огибающего его выше уровня расположенных над панелью вертикальных панно с исторической надписью (белые буквы почерка «несхи» на синем фоне). В удлинённых шестиугольниках этого орнамента своеобразным почерком косого куфи выложена восьмикратная «калима»—исповедание мусульманской веры: «Нет бога кроме бога и Мухаммед пророк его»; остальные элементы узора заполняет геометрическая мозаика.

Щёки этой арки, по существу, уже включены в архитектуру интерьера мечети. На них, от панели до замка, по гладкой алебастровой штукатурке вырезан очень плоским рельефом орнамент в виде системы взаимосвязанных фигурных картушей. Они оставлены белыми, а фон слегка окрашен в кремовый цвет; благодаря различию цветов, орнамент чётко выделяется на общей фактуре фона. Приём этот, поныне существующий в практике народных мастеров Средней Азии, известен под названием «кырма». Сохранность лепки очень плохая. Нанесённая на гладко-затертую поверхность, она, видимо, уже давно откололась, сохранившись лишь на некоторых участках.

Косой срез архивольта портальной арки (шириной 35 см.) оформляет прекрасный мозаичный бордюр; по синему фону—причудливые чередающиеся оранжево-желтые и голубые побеги, в зеркальном повторении основного орнаментального элемента на всём протяжении архивольта.

Щёки портальной арки несут над панелью прямоугольное панно с геометрическим орнаментом, построенным на осях и гранях десятиконечной звезды. Контур узора выделен голубыми прокладками глазури. Выкладка же подтёсанных кирпичей следует его направляющим линиям, причём швы между кирпичами тщательно расшиты. Все основные геометрические фигуры подчеркнуты повторяющими их форму мозаичными сердцевинками. Выше этого панно следует несложный геометрический

орнамент, выложенный глазурованными синими квадратиками на фоне облицовочного кирпича с расшитыми швами. Основной раппорт этого мотива повторен в каждой половине портальной арки четырежды, считая от замка.

Художественное оформление тимпанов арки совершенно оригинально. Они содержат изображение двух извивающихся драконов, обращенных друг к другу в геральдической композиции. Изгибы их тел хорошо заполняют основное пространство треугольных полей тимпанов. Фоном служит свободная стилизованно-растительная композиция — это как бы тонкий, очень длинный куст (или дерево), вырастающий из отверстой пасти дракона от его языка и свободно разветвляющийся по всему полю. Его бесчисленные голубые завитки и побеги усыпаны либо белыми цветочками (в 3, 4, 5 лепестков), либо крупными оранжевыми остролистами. На фоне этой дробной, запутанной орнаментации особенно чётко рисуются фигуры драконов, выполненных резко-белым и жёлто-оранжевым контуром. Животные имеют устрашающую морду с открытой пастью, с расположенными по одну сторону, в фас (несмотря на профильный поворот) глазами, с извивающими как бы в состоянии бурного движения клочковатыми прядями бороды и гривы; змеиные тела, с хорошо разделанной чешуей, снабжены четырьмя пятипалыми лапами.

Историческая надпись в горизонтальном поле над тимпанами, содержание которой приведено выше (см. стр. 10—11), выполнена белыми буквами почерка сульс с очень стройными линиями вертикальных букв (алифов и лямов) и плавным начертанием остальных. Начертанный вверху неё куфический текст, выложенный желтой мозаикой, непропорционально мал, и по существу воспринимается как второстепенный элемент фона для главной надписи.

Поле надписи, тимпаны и архивольт портальной арки с уровня пят её окаймляет очень своеобразный мозаичный бордюр. Его узор составляют как бы вписанные друг в друга зигзагообразные острия синего, голубого и белого цвета; однако общее начертание их не прямолинейное, но волнистое, а на концах расположены маленькие трилистники.

Арочки венчающей аркатуры заключены в прямоугольные поля. Тимпаны их заполнены мозаичным стилизованно-растительным узором.

Орнаментация устоев портала содержит следующие мотивы (описание ведётся снизу вверх).

В поле первой настенной арочки — простой геометрический узор шестиконечных звезд и шестиугольников, выложенный на фоне горизонтальных рядов притертого кирпича мозаичными квадратиками (синий в голубом обрамлении, с диагонально вписаным в него желтым квадратиком).

Первое квадратное поле: геометрический мотив — в углах четвертушки восьмиконечных звёзд, продолжения сторон которых образуют пятиугольники и четырехконечные фигуры, с четырехлучевой звездочкой в центре. Узор выполнен подтесанными кирпичами, с расшивкой швов между ними; выкладка следует направлению геометрических линий узора, контур которого выложен голубыми прокладками глазури. Центры слагающих узор геометрических фигур подчеркнуты кашинными вставочками синего цвета.

Вторая настенная арочка. На фоне наискось положенного притертого кирпича — крупные буквы куфической надписи «Алла-ахад», т. е. «Бог един!», выложенной тройным рядом глазурованных квадратиков (синие между голубыми).

Второе квадратное панно. На голубом фоне предельно геометризованным куфи (буквы белые, отороченные синим), начертано четырехкратное повторенное вокруг центра (как бы в фигуре свастики) имя пророка «Али».

Третья настенная арочка. На фоне горизонтальных рядов притёртого кирпича — зигзагообразные линии, голубые и синие поочерёдно, острия которых завершаются квадратами.

Третье квадратное панно (заметим, что оно не совсем квадратно, но несколько вытянуто в вертикальном направлении, что, впрочем, совершенно скрадывается при взгляде снизу вверх даже на значительном расстоянии.). Здесь сосредоточен очень сложный по начертанию эпиграфический мотив — четырежды повторенная кораническая формула «Ал-хамдалла», т. е. «Хвала богу!» Надпись выполнена белыми буквами по синему фону, причем концы букв переплетаются на продолжении сторон центральной восьмиконечной звезды, вписанной в восьмигранник.

Добавим, что тимпаны всех настенных арочек украшены мозаикой. Узор их повторяется и содержит мотив миндалевидной фигуры, от которой отходят покрытые цветами стебли.

Арки боковых крыльев имеют богатые мозаичные тимпаны, с тремя вариантами мотива сложно-растительного плетения. Ось композиции и главная миндалевидная фигура, из которой исходят свободные завитки стеблей, усеянных побегами, листвой и цветами, располагаются на биссектриссе углов тимпанов. Архивольты ниш третьего яруса украшает также мозаичный растительный орнамент. Шёковые и торцовые стенки этих лоджий-ниш облицованы шлифованным кирпичем с небольшими инкрустациями поливных кирпичей и глазури.

Все основные элементы архитертурной разбивки устоев и аркатуры пештака огибают 20-тисантиметровые полосы, переходящие также в обрамления смежных боковых крыльев и композиционно связывая их в единое целое с порталом. Они выложены из шлифованного кирпича и оживлены чередующимися мозаичными вставками — в виде фигурных четырёхлопастных картушей с растительным заполнением или диагонально расположенных квадратов. Последние заключают два типа куфических надписей белыми буквами на тёмно-синем фоне — «Мухаммед» и «Аллах».

Остальные фасады главного здания были лишены какой-нибудь декоративной отделки; возможно, что такими они и должны были остаться по замыслу строителя. Отсутствие облицовок не лишает эти спокойные, гладкие стены, местами оживлённые оконными и дверными проёмами, известного величия, подчёркивая, вместе с тем, их второстепенное значение в сравнении с главным фасадом двора.

Декоративное убранство интерьера мечети значительно скромнее. По существу единственное красочное пятно здесь составлял михраб, сплошь залитый ярчайшими мозаиками. [60])

Михраб имеет форму полувосьмигранной ниши, перекрытие которой образует звездчатый полукуполок на щитовидных парусах. Остатки ганчевых гуртов были вскрыты Н. М. Бачинским при реставрационных работах 1936 г. Никаких следов былой облицовки на них не сохранилось. Панель михрабной ниши выложена была «в шашку» шестигранными глазурованными плитками яркозелёного цвета, отороченными узкими полосками светлой терракоты и подчёркнутыми в углах синими вставочками. По верху панели был протянут яркий мозаичный бордюр стилизованного растительного узора. Стрельчатую арку михраба оторачивал срезанный под 45° мозаичный бордюр. Тимпаны его заполняли сложные растительные сплетения, над которыми располагалась надпись, начертанная почерком куфи на растительном фоне. Всё это обрамляла широкая П-образная рама с надписью почерка сульс (белые буквы на синем фоне). Надпись эта содержит «Стихи Престола» из суры 2-й, ст. 256 Корана.[61])

Характер мозаичных облицовок и звёздчато-гуртовые конструкции полукуполка михрабной ниши находятся в полном соответствии с общим стилем архитектуры мечети и потому нет никаких оснований к предполо-

жению, будто «на месте описываемого памятника до его постройки находилось другое сооружение с михрабом, который сохранён при постройке мавзолея».[62]) Изучение фундаментов и стены, в которой устроен михраб указывают на одновременность создания их в середине XV столетия.

Отделка стен мечети очень проста. В основании проходит панель из восьмигранных терракотовых плиток и мозаичных четырёхконечных звездочек — та же, что на щипцовой арке портальной ниши. Сами стены интерьера оштукатурены светлым ганчем. Ниши и лоджии всех ярусов декоративно выделены обрамлениями в виде накладных плоских алебастровых тяг. Последние местами подчёркнуты четырёхлепестковыми розетками и полурозетками.

Обрамления подпружных арок, начинающиеся с уровня второго яруса, рельефно выступают на плоскости их устоев, причём выступ этот оформлен по краю в виде четвертной выкружки, огибающей углы мечети и проходящей понизу от одной арки к другой. Выкружка заключает рельефные ганчевые надписи, выполненные почерком насхи. По определению проф. В. А. Жуковского они заключают текст панегирика Ал-Бусири (XIII в.) в честь пророка Мухаммеда, называемый «ал-Бурда».[63]) В юго-западном углу мечети в нижней части надписи содержится дата постройки = 860 г. х. (1455/6 г.) — та же, что и в мозаичной надписи портала.

После реставрационных работ 1926—28 гг., когда были выведены добавочные арки под подпружными арками мечети, щёковые поверхности последних оказались полностью закрытыми. Тем не менее, по старым фотографиям можно установить, что они имели скромный декор, выполненный в технике «кырма», в виде простой геометрической схемы восьмиконечных звёзд и промежуточных крестовидных фигур.

Сразу же между обрамлениями надписей в углах мечети начинается лепка ганчевых сталактитов, которые сначала следуют по плоскости стен, а затем, с 15-го ряда переходят на паруса. Всего от основания до купола насчитывается 30 рядов. Сталактиты мелкие, число их по периметру окружности под куполом доходит до 120, одинаковые по размерам и структуре; лепка их производит несколько монотонное впечатление.

Скуфья купола — плоско-эллиптического сечения. Поверхность её оштукатурена ганчем, по которому осуществлена в технике «кырма» плоская резьба, образующая линейный геометрический орнамент, фон его окрашен в серый (может быть в голубой) цвет. Узкие полоски орнамента почти полностью облетели, однако, по скудным сохранившимся фрагментам и по следам, оставшимся на поверхности, удалось восстановить гирих, основанный на системе восьмиконечных звёзд и промежуточных четырёхугольных и пятиугольных фигур, постепенно уменьшающихся к шелыге. По подсчету, на поверхности купола орнамент распределялся в 20-ти секторах.

Несмотря на ряд принятых в советское время серьезных реставрационных мероприятий, техническое состояние памятника на 1947 г. оставалось весьма угрожаемым. В результате просадок грунта, а также воздействия землетрясений, стены здания и конструкции перекрытия подвергались опасным деформациям. Очень красноречивую картину, иллюстрирующую усилия сдвига, действовавшие даже в фундаментах, дал шурф № 1. На вскрытом вдоль главного участка булыжном фундаменте, обмазанном слоем ганча, видны бороздящие эту обмазку крупные и мелкие трещины, идущие вкось сверху вниз, в направлении с запада на восток. Если учесть, что эпицентры крупных хорасанских землетрясений, лежат в системе Копет-дага в районе Келата (т. е. к ЮЗ от Анау), то эти трещины как бы дают наглядную сейсмограмму, запечатленную на фундаментах мечети. Той же причиной, т. е. сдвигом при землетрясениях, следует объяснить и огромную трещину, рассекающую портал и проходящую,

начиная примерно с одной четверти правой ветки кривой, зигзагообразно вверх, к третьей арочке ревака. Разрыв же в замке портального свода, столь обычный в среднеазиатском зодчестве, может быть проистекал и по другой причине—как следствие действующих сил распора.

Несомненно, что большую роль играла также неравномерность осадки разных частей сооружения. Так, портал при осадке увлёк за собой смежные участки боковых крыльев; в результате произошел разрыв их по середине, в силу чего крайние половины оказались на 10-12 см.выше тех, что примыкают к порталу.

Значительные трещины бороздили примерно посредине, до уровня верхнего яруса внутренних лоджий, задний и оба боковых фасада, большие разрывы рассекали по оси с востока на запад барабан, облекающий купол понаружи. При восстановительных работах, проводившихся на мечети, в первую очередь были приняты меры по ликвидации этих угрожающих целости здания и бороздящих его разрывов. Мечеть Анау была одним из тех памятников, на котором использовались многообразные методы и приёмы практики советских ремонтно-реставрационных работ.

ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Время создания мечети Анау в истории Хорасана ознаменовано крайним обострением феодальных противоречий внутри Тимуридского государства. Широко практиковавшиеся уже при Тимуре и Шахрухе суюргальные (ленные) пожалования отдавали в наследственное владение членам правящей династии, представителям крупного духовенства и военно-феодальной верхушки отдельные районы, провинции, территории. Система суюргаля разлагала организм единодержавного государства, расщепляя его на ряд почти независимых, лишь номинально связанных единством центральной власти, владений. Сами члены тимуридского дома вели между собой непрекращающуюся борьбу за обладание теми или иными областями. В этом смысле характерна судьба Абул-Касим-Бабера (при котором и отстроена была анауская мечеть), чье управление Хорасаном протекало в постоянных столкновениях с родными и двоюродными братьями—Абд-ал-Лятифом, Ала-ад-Давля, Султан-Мухаммедом, Абу-Саидом и др.

После его смерти в 1457 г. наступает пора невиданных смут, о чем повествует Абд-ар-Реззак Самарканди; сложившуюся ситуацию чрезвычайно красноречиво характеризует нижеследующая цитата из его труда: «В стране Хорасан было несколько падишахов, обладающих властью и враждебных друг другу. Мирза Джеханшах, падишах стран Азербайджана и обоих Ираков, завладев (местностью) от Астрабада до Сабзевара, остановился в Исфераине; мирза султан Абу-Саид, падишах Мавераннахра и Туркестана, пребывал в Балхе, куполе ислама; мирза Ала-ад-Дауля, после нескольких лет вернувшись из Дешт-и-Кипчака и узбекских областей, находился в окрестностях области Абиверда, а сын его, мирза султан-Ибрахим, сидел в Герате и никого другого не допускал на глаза. Мирза Султан-Санджар поднял знамя султанства в Мерве; мирза Шах-Махмуд с несколькими эмирами своего отца пребывали в области Туса и окрестностях крепости Имад; мелик Касым, сын эмира Искандера туркмена, вместе с эмиром Халилем, захватили страну Сеистан до области Фераха и г. Исфизара. Самое удивительное то, что каждая из крепостей, которая находилась в той стране, была во владении какого-нибудь главаря: так мауляна Ахмед Ясавул, захватив крепость Ихтияр-ад-дин, ни на кого не обращал внимания; крепость Нерету досталась в руки Парка-монгола; крепость Серахса охранял эмир Абдаллах Пирзад; крепостью Сулук обладал эмир Худайдад, а крепостью Тебес владел эмир Увейс (сын) эмира Хаванд-шаха, и никто из них никому не подчинялся — подобные обстоятельства редко случаются!».[64]).

Пагубные с точки зрения политического единства государства сепаратистские тенденции мятежных царевичей и некоторых эмиров, не имели, однако, на первых порах рокового значения для развития местных культур. Заслуживает серьёзного внимания кажущийся несколько парадоксальным взгляд В. В. Бартольда, согласно которого распадение тимурид-

ской державы на ряд отдельных полусамостоятельных областей оказалось благоприятным для восстановления и дальнейшего развития культуры. «Не только в столице, но и в других городах—пишет он—могли быть сделаны достижения, которыми потом воспользовался весь иранский культурный мир».[65]) В. В. Бартольд ставил это в связь со стремлением каждого царевича особенно поднять блеск своего двора.[66]) Так при Улугбеке, в Самарканде отмечается расцвет книжной учёности и точных знаний (особенно математики и астрономии); в Герате, благодаря Байсункару, возникают превосходные книгохранилища, проводится большая работа по научной редакции текста «Шах-Наме», создаются мастерские, где над перепиской и украшением рукописей трудятся каллиграфы, миниатюристы, позолотчики; в Ширазе Ибрагим Султана смог завершить свой исторический труд Шерафеддин Али Иезди. Однако кроме личной инициативы мецената—самого правителя, или кого-либо из его приближенных, большую роль здесь играл другой момент: если при Тимуре лучшие творческие силы эпохи—мастера художественных ремёсел, зодчие, историографы,миниатюристы были насильственно сосредоточены им в сердце государства, в стольном городе Самарканде, то при тимуридах они вновь рассеялись по родным местам где и могли приложить свои созидательные усилия.

В развитии архитектуры Хорасана процесс этот выступает особенно наглядно. При Тимуре здесь не воздвигалось почти ничего—наоборот, стены Герата, например, были разрушены, и даже красивые металлические ворота их были увезены в Шахрисябз. В первой же половине XV столетия одно за другим возникают различные здания монументальной архитектуры, часть которых дошла до наших дней. Кроме интенсивной застройки самого Герата[67]) воздвигаются ,или радикально реставрируются здания в ряде других городов—в Мерве, Серахсе, Мешхеде, Харджирде, Балхе, Турбети-шейх-Джаме и др.

Стилистически мечеть Анау близка именно к хорасанской группе монументальных построек. Вместе с тем, в ней наличествует ряд оригинальных черт ставящих особняком это комплексное архитектурное сооружение.

В части назначения постройки утвердилось два противоречивых мнения. Н. М. Бачинский именует её «мавзолеем над местом погребения Джемаль-ул-хак-Уаддина».[68]) Б. Н. Засыпкин считал это неверным, полагая здание именно «мечетью».[69]) Между тем, проф. В. А. Жуковский уже в 1896 г. совершенно справедливо назвал его «мечетью при могиле некоего шейха Джемаледдина».[70]) Подтверждением этому служит, оставленная каким-то паломником на восточной стене интерьера мечети, персидская надпись, выполненная тушью, красивым почерком «насталик», стиль которого позволяет датировать ее XVI—началом XVII вв. Автор надписи сообщает о посещении им «Этой мечети и арки благородной могилы» («Ин масджид ва токи-маркади-шериф»).

Сочетание чтимой могилы с открытой мечетью достаточно традиционно в зодчестве Хорасана. Такова, например, мечеть Талхатан-баба (близ г. Куйбышевск Марыйской области), воздвигнутая, судя по стилистическим данным, в конце XI столетия. Стоявший перед открытым наружу центральным помещением мечети намогильник отличался первоначально сравнительно скромными размерами; его крупные современные габариты связаны с поздними обкладками и обмазками: огромные, обмазанные глиной саганы появляются в Средней Азии с XVIII столетия.

Несомненно, что в эту же эпоху «оброс» в своих масштабах и намогильник Джемаледдина в Анау. Надгробия XV столетия, зарегистрированные в южном Туркменистане, отличают сравнительно небольшие, так сказать «нормальные» размеры, при высоко-художественном стиле их оформления. Они изготовлялись из мрамора, их лицевые поверхности

покрывала искусная резьба с орнаментальными или эпиграфическими мотивами. Таковы, например, надгробия Бурейды ал-Аслами и ал-Хакама ал-Гифари, водруженные во время Шахрута в Старом Мерве[71], 2 надгробие 1437 г. в Талхатане,[72] намогильник ал Джалилы 1417 г. в Нисе,[73]) обследованные ЮТАКЭ намогильники XV в.в. г. Керки, в Меана и др.

Надгробие шейха Джемаледдина по стилю своего оформления было, видимо, близко к этим роскошным намогильным плитам. Его первоначально умеренные габариты, безусловно, не закрывали и не загромождали почти наполовину прохода, как та обнесенная кирпичной оградой, грубая, обложенная кусками кирпича и обмазанная глиной сагана, которая сохранилась до наших дней.

В XV столетии в архитектуре Хорасана принято было сооружение позади чтимой могилы обширного арочного айвана, как бы образующего её обрамление—фон. Таков отстроенный в 1418—1427 гг. айван при могиле «гератского старца» Абдаллаха Ансари в Гузаргохе,[74]) мраморный намогильник которого был установлен Абул-Касым Бабером. Таковы воздвигнутые в ту же эпоху спаренные айваны при упомянутых выше могилах двух асхабов в Мерве.[75])

А. А. Семёнов и С. Скляревский полагали, что здание мечети Анау сочеталось с медресе.[76]) Предположение это вполне возможно, оно подтверждается наличием худжр (келий) в постройках восточной и западной групп комплекса. Сочетание медресе с усыпальницей весьма характерно для зодчества времени Тимура и тимуридов. Так, в Шахрисябзе было воздвигнуто Тимуром медресе Дорут-Тиляват, включавшее усыпальницу отца его Тарагая и шейха Шемседдина Куляля Фахури. В Самарканде жена Тимура Сарай-Мульк-Ханым отстроила напротив соборной мечети медресе, заключавшее место погребения ее матери.[77]) В 1437 г. в Герате женой Шахруха, Гаухаршад, *закончено было строительство комплекса* мечети—мусалля и медресе, включавшего мавзолей гератских тимуридов. Указанная выше гробница Абдаллаха Ансари расположена во дворе медресе.

В анауской постройке два больших, обведённых галереями купольных зала могли играть роль не только «дарсхана» (аудиторий) медресе, но и «зикрхана» (помещение для радений) ханаки.

Ханаки—обители суфиев, были широко распространены в Хорасане. Развитие этого рода построек тесно связано с историей среднеазиатского дервишизма. Хорасан был той областью, где уже в XI—XII вв. сложилась большая часть суфийских орденов. В XV столетии роль их была весьма значительна в тимуридских государствах. Понятию «суфизм» нередко соответствовало в эту пору известное свободомыслие, отход от догматических норм ортодоксального мусульманства. Суфизму отдавали дань даже такие представители высоко-интеллектуальной среды тогдашнего общества, как Абдуррахман Джами и Алишер Навои. Мусульманское же духовенство искусно использовало мистицизм с его замысловатыми обрядами «единения с божеством» через экстатические радения, как одно из средств эмоционального воздействия на души своей паствы.

Функция анауского архитектурного ансамбля, как ханаки, подтверждается наличием в нём тех многочисленных худжр цокольного этажа, обращённых в пригород, которые предназначены были для пришельцев, но которые не могли бы служить худжрами медресе, характеризующегося, как правило, строго-замкнутой, изолированной от внешнего мира планировочной организацией. Сочетание в одном архитектурном организме медресе, ханаки и мечети вполне вероятно. В. В. Бартольд отмечал, что принципиальное различие между ханакой и медресе даже не всегда ясно сознавалось в мусульманской среде.[78])

Ханака нередко служила местом погребения светского или духовного лица. Так, например, именно в ханаке Мухаммед-Султана в Самаркан-

де был первоначально погребён этот царевич и сам Тимур. Эта ханака сочеталась со зданием медресе посредством небольшого дворика; впоследствии в его южной части отстроен был мавзолей—усыпальница тимуридов, известная ныне под названием Гур-Эмир.

Вместе с тем, функции ханаки, как места коллективной молитвы, очень близки к мечети. А. К. Писарчик установлено, что отличие между этими двумя различными культовыми зданиями мусульманства—ханакой и мечетью нередко носило лишь чисто юридический характер (в части прав на владение землёй, вакуфными имуществами и пр.).

Для XV столетия весьма характерно создание сложных архитектурных комплексов, сочетающих воедино группу разнородных по назначению планировочных слагаемых. Такова, например, была в эту пору в Исфахане Масджиди-Адина, к которой примыкали худжры (медресе ?), караван-сарай, сокровищница, библиотека и служебные помещения.[79])

Комплекс построек мечети Анау объединил в себе функции и мечети, и медресе, и ханаки, и усыпальницы. Мастер очень искусно справился с задачей сочетания разнородных, но связанных общим идейным замыслом больших и малых, парадных и скромных помещений в единое гармоническое целое. В своем композиционном решении главный (северный) дворовый фасад более всего сближается с двумя тимуридскими постройками Герата—упомянутой выше усыпальницей Абдаллаха Ансари, и безыменным мавзолеем в южной части города, имеющим обширный сводчатый айван, фланкированный стройными двухзвеньевыми башнями и невысокими арочными крыльями.[80])

Дальнейшей характеристике памятника необходимо предпослать пояснение к предлагаемой нами графической реставрации его главного фасада.

Изучение всякого архитектурного сооружения прошлых эпох ставит перед исследователем неотложную задачу восстановления его первоначального вида, позволяющего получить правильное представление об особенностях стиля, о принципах архитектоники, о характере архитектурных пропорций.

При составлении проекта реставрации мечети Анау нами были использованы материалы уточнённых археолого-архитектурных обмеров мечети, выполненных 7-м отрядом ЮТАКЭ в 1947 г., данные археологических вскрытий того же года, старые фотографии и рисунки, стилевые аналогии с близкими по времени и стилю памятниками тимуридского зодчества. Ниже приведены основные аргументы к реставрации сильно разрушенных, или несуществующих в натуре элементов архитектуры здания. Не требующие специальных пояснений подробности (например—размещение стандартных плиток или кирпичей на месте выпавших) опускаются.

Панель портала, как показывает небольшой участок её, сохранившийся в западной половине, была облицована притертым кирпичем, положенным «в ёлку».

Венчающая аркатура («ревак»), как это видно на фото 1896 г. была обведена поверху, также как и внизу, поясом из притёртых кирпичей с чередующимися мозаичными картушами ввиде квадратов и розеток. В обрамлении арочек на фото кое-где прослеживаются остатки алебастровых решёток, по большей части сбитых и сглаженных при последующих ремонтах; на этом основании на реставрационном чертеже даём заполнение арочек фигурными панджарами.

Судя по фото конца прошлого столетия и картине 1902 г. художника Мишина (хранится в Музее Краеведения ТССР), над «реваком» проходил венчающий сталактитовый карниз («шарафа»); сталактиты мозаичные. Система рядов дана по аналогии с подкупольными поясом сталактитов близкого по времени и стилю мавзолея Ишрат-хана в Самарканде (1464 г.).

Три яруса лоджей в композиции боковых крыльев отнюдь не соответствуют расположению за ними трёх этажей помещений. В действительности, как уже указывалось выше, за ними находился лишь один этаж худжр, в который ведут проёмы лоджий первого этажа; проём 2-го яруса вёл на крышу террасы, огибавшей главный объём мечети; проем 3-го яруса не вёл никуда. Таким образом трехярусность композиции преследовала чисто эстетическую цель—создания иллюзии многоэтажности здания, введения условного архитектурного масштаба (подобно нескольким ярусам ложных настенных аркатур Ктесифонского дворца), достижения известного равновесия между массивом портала и фланкирующими его стенками. Исходя из функциональных требований, в проёмах 1-го и 2-го ярусов в чертеже реставрации навешены двери, а в 3-м помещении резные решётки-панджары.

Характер орнамента полуразрушенных мозаичных панно в тимпанах арочек лоджий примерно восстанавливается по их остаткам.

Видимая сквозь обширный пролёт арки айвана щипцовая стена интерьера при реставрации получает уточнения конфигурации сильно деформированных от времени арок, ниш и проёмов. По слабым следам на штукатурках восстановлены некогда обрамляющие эти арки ганчевые тяги, местами подчёркнутые петлями в виде четырёхлепестковых розет.

В первом ярусе размещены двери, ведущие на южный участок охватывающей здание террасы. В проёмы 2-го и 3-го ярусов вставляем узорные решетки-панджары.[81]) Ячейки последних, между прочим, были некогда заполнены цветным стеклом, фрагменты которого были найдены в одном из археологических шурфов.

Обследование купола мечети показало, что он, видимо, снаружи не был завершён не только отделкой, но и строительством. Традиционный в монументальной архитектуре XV века внешний купол должен был бы значительно возвышаться над оболочкой внутреннего и иметь удлинённую сфероконическую скуфью, облицованную глазурованными кирпичами. Облицовка не была нанесена и на барабан. Дата 1456 г. в надписях на фасаде и в интерьере здания соответствует окончанию не всего строительства, но лишь отделочных работ на фасаде и внутри главного здания мечети; пристройки двора и второстепенные фасады мечети к этому времени были выстроены лишь «вчерне», но ещё не облицованы. Предполагавшийся дальнейший разворот работ был, как уже говорилось выше, пресечён благодаря той смутной общеполитической обстановке, которая сложилась в Хорасане после смерти Абул-Касим Бабера в 1457 году. Тем не менее очень важно, что в надписи п о р т а л а говорится о завершении именно этой части постройки; это позволяет выдвинуть предположение о иной композиции устоев, чем привычная нам по современным и старым фотографиям. Мы считаем, что устои пештака несли небольшие стройные минареты, продолжавшие кладку тех полукруглых башенок, которые сохранились с его тыльной стороны.

При описании состояния памятника на 1947 г. мы уже отметили ряд наблюдений, позволивших подойти к такому заключению. Начало винтовых лестниц внутри полубашен идёт не с уровня крыши, но с уровня аркатуры ревака. При отсутствии возвышающихся над реваком башней выкладки лестниц лишь на высоту 2 м., т. е. до уровня венчающего портал карниза, и создание лишь для этого отрезка лестницы с тыльной стороны специальных округлых башен, взамен продолжения лестниц, ведущих от основания мечети до крыши, было бы абсолютно неоправдано ни с функциональной, ни с конструктивной стороны. Чрезвычайно существенно, что выкладка забежных ступеней винтовой кладки не заканчивалась в уровне верха портала, но явно следовала выше. Не могла она оставаться и непокрытой, так как проникновение дождя и снега сказалось бы пагубным образом на её прочности. Наконец, обнаружение лекальных кирпичей,

принадлежавших кладке кирпичного ствола диаметром около 1,20 м. решительно подтверждает наличие здесь небольших круглобашенных минаретов.

Пример подобного решения даёт нам близкий по времени памятник — южный айван исфаханской Масджиди-Джума, заново перестроенный при Язун-Хасане в 880 г. х. (1475/6 г.).[82]) Здесь подобным же образом углы тыльной стороны пештака, возвышающейся над крышей мечети, фланкируют полубашенки, которые с верхнего уровня пештака перерастают в стройные, лёгкие двухзвеньевые минареты. Сама форма портала с минаретами «на плечах» (по выражению восточных авторов) имеет западное, повидимому, азербайджанское происхождение, где она появляется уже в XII столетии, и получает широкое распространение.[83]) Вопросы генезиса этой формы опускаем, так как это увело бы нас далеко от основной темы. Отметим лишь, что в тимуридскую эпоху, в период чрезвычайно широких общений и обмена культурным опытом, мотив этот широко входит в хорасанское строительство. Таков, например, пештак главного здания отстроенной архитектором Кавамеддином мечети Гаухад-шад в Мешхеде (1405—1418 г.),[84]) мечети Масджиди-шах в том же Мешхеде (1451 г.), возведенной зодчим Шамседдином Тебризи,[85]) безыменного мавзолея XV в. в Герате.[86])

Если учесть ту значительную роль, которую играли в правление Абул-Касим-Бабера и Герат и Мешхед, есть все основания предположить возможность приглашения Мухаммедом, сыном шейха Джемаледдина, в качестве автора проекта анауской мечети видного архитектора одного из этих крупных хорасанских городов, хотя коллектив подчинённых ему строителей мог быть использован и местный — из самого Анау, из Нисы. Форма стройных звеньевых минаретов также имела в хорасанском зодчестве XV столетия большое распространение (минареты медресе и мечети=муссала Гаухаршад в Герате 1428—1437 гг., медресе Султан-Хусейна Байкары в этом же городе[87]). Характерны полубашенки на тыльной стороне портала мазара Ходжа Абу-Наср Парса в Балхе (70 годы XV в.); сам портал имел вверху аркатуру — ревак, подобно анауской мечети[88].).

Постановка минаретов «на плечи» портала преследовала, помимо художественных целей, и конструктивные: создание дополнительной вертикальной нагрузки на устои, отчасти погашающей усилия распора портального свода. Однако, в сейсмически неблагоприятных условиях Средней Азии этот приём оказался малооправданым: высокорасположенные, стройные башенки легко обрушивались при раскачивании от землетрясений. В этом основная причина давнишнего разрушения минаретов мечети Анау. Впоследствии, вероятно, в период строительно-реставрационных работ XVI—XVII вв. остатки их были выравнены под одну высоту с порталом.

Внешнюю композицию анауского комплекса характеризует сочетание монументальных объёмов главного здания и купольных боковых построек. Мечеть составляла главную доминанту не только в отношении крепостного холма, или города, но и всей прилежащей равнины, отлого поднимающейся в сторону Копет-Дага. Геометрическая простота прямоугольных объёмов, глухие плоскости стен, лишь местами нарушенные небольшими зарешеченными просветами окон, утверждение всего массива построек на крутом, неудобном для подходов обрезе городища—всё это оставляло на расстоянии извне впечатление суровой мощи и замкнутости. Это ощущение несколько изменялось при приближении к постройке с южной стороны. Архитектура главного здания, в котором аркада цокольного этажа и расположенная над ней лёгкая колонная галерея как бы подчёркивают значительность расположенного над ними почти кубического объёма, увенчанного куполом на барабане, характеризует ясность и рациональность строительной идеи. Здесь всё логично, функционально и

конструктивно оправдано. Это едва ли не единственный в своём роде пример сочетания в среднеазиатском сооружении форм монументальной и лёгкой архитектуры, дающего в высшей степени гармоническое решение.

Иное впечатление слагалось, когда посетитель вступал во двор. Парадная арка портала открывала обширный интерьер мечети; глубокие лоджии крыльев фасада и боковых построек двора вносили какую-то интимную ноту и простой «очеловеченный» масштаб в восприятие комплекса; всё словно приглашало: «Войди, тебя здесь ждет покой, духовная отрада, уход от тягот повседневности к высоким помыслам о божестве!». Архитектура выступала здесь как мощный фактор идеологического воздействия через эстетические впечатления.

Композиция дворового фасада строится на противоставлении монументального айвана с его обширной сводчатой нишей и прилежащих крыльев—трёхъярусных лоджий повторяющих в уменьшённом масштабе тот же архитектурный мотив ниши в П-образном обрамлении. Приём этот типичен именно для средней трети XV века—такова композиция главного фасада мечети в Туруке (1433/34 г.)[89]) мечети в Тайабаде,[90]) (обе в иранском Хорасане), мавзолея Ишрат-хана в Самарканде.[91]) Эти лоджии и большой портальный свод создавали органический переход к интерьерам главного зала и прилежащих к нему помещений.

Прежде чем перейти к характеристике интерьеров мечети Анау, следует бросить взгляд на общий ход развития сводчатых конструкций в Средней Азии в XV столетии, чтобы понять то новое, что принципиально отличает пространственные решения этого памятника от иных известных сооружений хорасанского и мавераннахрского строительства.[92]) В течение первой половины XV столетия в развитии сводчатых конструкций в Средней Азии (берём для данного столетия этот термин широко, объединяя в нём как Мавераннахр, так и Хорасан) происходит сложный процесс качественных изменений. Вплоть до конца XIV века здесь безраздельно господствовал сложившийся почти тысячелетием ранее тип купольного перекрытия, основанного на стенах (иногда через посредство четырёх несущих разгрузочных арок) и на четырёх «тромпах». По мысли А. В. Кузнецова «тромп» в восточной архитектуре это не что иное, как часть сомкнутого свода, выложенного рядами арок, нормальных к диагоналям квадратного плана помещения, со стыковыми швами по середине лотков.[93]) При наличии некоторых вариаций схемы подобной конструкции (например, в мавзолее Саманидов IX—X в.в. в Бухаре, где заполнение пространственной среды тромпа—между прямым углом стен и лежащими под 45° к стенам несущими арками осуществлено особыми расположенными по биссектрисе арочными отрезками), выведение тромпа в виде как-бы четвертушки обычного сомкнутого свода остаётся преобладающим. В частности, это отмечается и в архитектуре северного Хорасана XI—XII вв. (в мавзолеях—Серахс-баба в старом Серахсе, Султана Санджара и Мухаммеда ибн Зейда в Мерве, мечети Талхатан-баба и ряде других памятников)[94]) хотя наряду с тем вэту эпоху появляются особые консольные кирпичные паруса.

Положительные качества тромпов—простота выполнения, возможность выведения без кружал, равномерность распределения нагрузок на угловые участки стен,—все эти качества обусловили длительный период их применения. Отсутствие нововведений в значительной мере было связано также и с замедленным ходом развития строительной техники в условиях феодального строя, с его цеховой структурой ремесленных объединений, веками следовавших традиционным приёмам и методам. Изменения в облике зданий средневековой архитектуры Средней Азии в большей мере протекали по линии переработки объёмной композиции, архитектонических принципов, архитектурного декора—но не в области конструктивных нововведений. С течением времени возрастают масштабы соору-

ний, но сводчато-купольная система не претерпевает принципиальных изменений до эпохи Тимура включительно. В раннем (XI-го столетия) мавзолее из группы Султан-Саадат в Термезе пролёт помещения равен 8,5 м., в мавзолее Султана Санджара (XII в.) —17,5 м; до 18,5 м. возрастает пролёт купола соборной мечети Тимура в Самарканде («Биби-ханым»). Однако конструкция трompов во всех этих памятниках почти однородна. Наряду с этим возрастание масштабов не могло происходить беспредельно; в мечети Тимура трompы в месте стыкового шва кладок расщеплены крупными трещинами. Благодаря применению в зодчестве этой эпохи внешних декоративных куполов, приподнятых на высоких барабанах, чрезвычайно повышался общий центр тяжести сооружения—что не могло не сказаться пагубно на конструкциях зданий, расположенных в районах подверженных частым сейсмическим толчкам. Возможно, что именно применение подкупольной системы в грандиозных масштабах послужило в своё время причиной быстрого разрушения ханаки Улугбека в Самарканде, купол которой Захиреддин Бабур, отнюдь не склонный к риторическим преувеличениям, считал «самым большим на свете.»[95]) Ханака Улугбека, отстроенная в 20-х гг. XV столетия, уже в XVI в. лежала в развалинах.

Система трompов имеет и иные отрицательные свойства. К числу их относится следующее: опирание трompа возможно лишь на стены, причём на значительном их протяжении—в пределах опирания арок по граням правильного восьмиугольника. Это обстоятельство в большой мере обусловило замкнутый характер самого помещения, стены которого, даже если бы это требовалось условиями планировки, не могли быть заменены системой опорных столбов со свободно открытым пространством между ними. Идея купола, основанного на четырёх устоях, с открытыми межстенными пространствами, получила своё совершенное выражение в византийском зодчестве (храме Софии в Константинополе); однако для осуществления её должна была быть создана система треугольно-сферических парусов, равномерно распределяющих нагрузки на подпружные арки и от них на опорные столбы. Трompы—же сосредотачивают усилия по периметру стен; для погашения этих усилий требуются достаточно мощные толщи стеновых кладок.

«Раскрыть» интерьер—а в ряде случаев это вызывалось функциональными потребностями, как например, в вестибюльного типа помещениях—«чартаках», рыночных пассажах и пр., можно было лишь путём разработки иных конструктивных устройств. Новое решение было найдено в особой, неизвестной западному зодчеству конструкции щитовидных парусов и пересекающихся арок.

«Щитовидный парус» имеет характерную форму четырехконечного, как бы надломленного полигона (несколько напоминающего геральдический щит) и представляет собой не что иное, как вырезку сводчатой поверхности, заключённую между отрезками стрельчатых арочных кривых. Выкладка «щитков» осуществляется кирпичем, положенным торцом «в ёлку». Выведение этих парусов —не произвольное, но подчиненное геометрическому направлению правильных многоугольников, образующих разнообразные рисунки узорной сетки. Контуры паруса строго ограничены, повторяя отрезки линий, следующих той же закономерности построения, что и архивольты опёртых на угловые устои несущих арок всей системы. Таким образом, конструктивная решетка всего перекрытия—это не что иное, как пересечение, по законам правильной фигуры, отрезков арок, а образующиеся между ними пространственные четырёхугольные отсеки и представляют собою «щитовидные паруса».

Принципиальное отличие среднеазиатских парусных систем, несущих купол, от европейских (исходящих из византийской конструкции) заключается в том, что в последних парусный свод расчленён основной паралле-

лью на зону собственно-парусов и зону купольной скуфьи. [97]) В среднеазиатском же решении их расчленяет не параллель, а пространственный зигзаг: щитовидные паруса как бы врезаются своими остриями в поверхность скуфьи, образуя фигуру не окружности, но правильной звезды.

Конструктивная идея таких систем несёт в зародыше те элементы, которые в скором времени превращают их в декоративные. Оштукатурка кирпичных парусов ганчем, с подчёркиванием рёбер рельефными гуртами, приводит постепенно к отрыву штукатурной оболочки от чёрной кладки. В результате возникают те декаративно-сетчатые литые своды, которые держатся на кирпичной основе лишь по внешнему контуру и лишь силой сцепления раствора, но в остальном представляют самостоятельную пространственную оболочку. Эти декоративные ганчевые системы, имея рельефные гурты, образующие как бы сетку нервюр с промежуточной тонкостенной оболочкой отсеков парусов, конструктивны для самих себя; по существу, они подвешены к кладке скрытых за ними подобных же, рациональных по идее кирпичных систем.

Зарождение новой конструктивной идеи отмечается в зодчестве Средней Азии уже на исходе XIV столетия—в мавзолее Ходжа-Ахмеда Ясеви в Туркестане (1398 г.), где заслуживают внимания перекрытия двух второстепенных помещений комплекса—так называемой «Китаб—ханы» и «Кудук-ханы». При прямоугольном плане они перекрыты шестиконечным звёздчатым куполом, переход к которому осуществлён с помощью вспарушенных сводов и щитовидных парусов. Здесь уместно подчеркнуть крайне важное качество новой системы — возможность перекрытия прямоугольного пространства, в отличие от тромповой конструкции, которая осуществима лишь на квадратном плане.

Другой пример применения щитовидных парусов, в несколько иной комбинации, даёт входной чартак ансамбля Шахи-Зинда в Самарканде, построенный Углубеком в 1434/35 г.г. от имени его малолетнего сына Абдалазиса. В данном случае перед строителем стояла задача перекрытия квадратного пространства, открытого по четырём сторонам сквозными арками. Она была решена следующим образом: в углах несущих устоев выведены сомкнутые своды, от которых через посредство восьми щитовидных парусов и подпружных арок образован переход к плоской отлогой 12-конечной звёздчатой скуфье купола.

Поиски конструкции, перекрывающей квадратный план и дающей возможность раскрыть пространство интерьера, идут и иным путем, который заключается в опирании перекрытия на несущие, взаимно пересекающиеся подпружные арки.

Так называемый Ак-Сарай в комплексе мавзолея Ясеви являет собой большое, вытянутое в плане помещение, как бы подразделённое большой открытой аркой на две половины, которые замкнуты вверху перпендикулярными к ней отрезками арок той же кривизны; усилия распора при этом взаимно поглащаются. Аналогичным образом перекрыто удлинённое помещение при мавзолее Туман-Ака (1405 г.) в ансамбле Шахи-Зинда в Самарканде; благодаря сильно вытянутым пропорциям плана, оно подразделенно не на две части, как Ак-Сарае, но на три.

Заключительный шаг был сделан в конце тридцатых или сороковых годах XV столетия. Купольная конструкция размещается на четырёх пересекающихся арках, усилия распора которых, идущие в направлении самих арок, поглащаются лежащими на их продолжении контрфорсными стенками. Угловое пространство, заключённое между последними и межарочный пролёт могли при этом оставаться незаполненными. Таким образом происходит высвобождение большого массива стеновых кладок. Возводимые же на пересекающихся подпружных арках купола основываются на системе щитовидных парусов, контуры которых повторяют кривизну начертания подпружных арок. В Мавераннахре это реше-

ние в полной мере представлено в ряде самаркандских памятников: мазаре Чупан-ата (40-е годы XV века), мавзолеях Ишрат-хана (1464) и Ак-Сарай (70-е годы XV века.[97]). В Хорасане применение новой конструкции связано с творчеством выдающегося зодчего Кавамеддина; в сильно развитом виде она предстаёт в поздних постройках мастера—в мавзолее Гаухар-шад в Герате (1437 г.)[98]) и в западной дарсхане медресе в Харджирде 1444) [99])

В какой мере запечетлевает мечеть Анау—памятник эпохи, непосредственно следовавший за временем расцвета культурной жизни в Мавераннахре Улугбека и Хорасане Шахруха, те нововведения, которые характеризуют строительство середины XV столетия?

В главном здании мечети Анау новые конструктивные достижения *не нашли своего отражения. Применение традиционной* схемы переходного восьмигранника арок, маскирование тромпов густой лепкой подвешенных на деревянных «пальцах» сталактитов—всё это лишь повторение приёма, который в более грандиозных масштабах уже был использован в конце XIV в. в перекрытии казанлыка мавзолея Ахмеда Ясеви (пролёт купола «казанлыка» равен 18 метрам, в мечети же Анау около 10 м.). Однако в архитектуре интерьера появляется новое качество, которого нет ни в мечети Биби-ханым, ни в других мечетях, более ранних. Взамен глухих стен, ограничивающих внутренний объём помещения—налицо попытка пространственного оформления интерьера за счёт трёх ярусов глубоких лоджий— ниш. Приём этот, зрительно нарушающий традиционную замкнутость главного здания мечети, не нашёл применения в последующие эпохи, так как отступление от канонизированного временем и традицией архитектурного типа мечети, видимо, не могло вызвать одобрения со стороны духовенства.

Между тем в главном зале мечети Анау подкупает более всего именно его воздушность и легкость форм, большое количество света, проникающего как через открытую арку портального свода, так и через многочисленные двери и окна, устроенные в торцовых стенах лоджий-ниш. Окна первоначально были забраны ажурными ганчевыми решетками-панджара, со вставками цветного стекла. Эти разноцветные оконца и мозаичный михраб составляли, по существу, единственные красочные пятна в интерьере. В основе же был белый цвет, на фоне которого лишь лёгкие тени подчёркивали геометрическую или эпиграфическую орнаментацию—кырма, размещенную на куполе и на арках. Мелко-ячеистая лепка парусов давала несколько дробную и монотонную игру теневых и освещённых пятен, с которой контрастировал спокойный плоскостный узор размещённый на скуфье купола. Узор этот имеет чисто декоративный характер. Однако в самом приёме украшения скуфьи геометрическим орнаментом, как бы имитирующим конструкцию нервюр, есть основание видеть дань местной традиции, отражённой в сложном узоре внутреннего купола мавзолея Султана Санджара в Старом Мерве[100]). Украшение куполов и сводчатых систем в приёме «кырма», о котором говорилось выше, получит значительное распространение в зодчестве Средней Азии XVI—XVII столетий (ханака Файзабад, медресе Кукельташ и др.).[101]).

Значительно больший интерес, с точки зрения развития архитектурных идей, представляют интерьеры восточной и западной группы комплекса. Здесь в полной мере предстает многообразие тех комбинаций, которые могут быть осуществлены в кирпиче и ганче при использовании конструкции щитовидных парусов. Подобное разнообразие (но несколько иных по начертанию) систем можно отметить для XV столетия лишь в мавзолее Ишрат-хана в Самарканде (1464 г)[102]). В Анауской мечети, даже в пределах сохранившихся остатков сооружений комплекса насчитывается 14 различных вариантов перекрытий; первоначально их было, безусловно больше. Особенно эффектны эти системы в западной дарсхане. Исключи-

тельно оригинально решено перекрытие угловых отсеков галереи второго яруса, в виде десятиконечного звёздчатого купола, где сложные комбинации щитовидных парусов и вспарушенных арок сосредотачивают активные усилия нагрузки на шести точках стен и на двух столбиках, расположенных на грани внутреннего восьмигранника интерьера. Опоясывающие обе «дарсханы» сводчатые галереи строятся по принципу анфилад, но открытых не только по оси движения, а также и внутрь центрального пространственного ядра. Следует подчеркнуть, что мастер сознательно избегает повторения однородных схем в различных этажах (например, в лежащих на главных осях нишах 1 и 2-го ярусов западной дарсханы) и даже дельных помещениях (ср. перекрытие худжр, примыкающих с востока и с запада к портальной группе). В обеих дарсханах исключительно конструктивными средствами, без применениякаких-либо декоративных элементов, зодчий достигает эффекта воздушной лёгкости, взаимопереливания архитектурного пространства от одного к другому архитектурно отграниченному участку. Нет сомнений, насколько сильным должно было быть эмоциальное воздействие архитектуры этих «зикр-хана» на радеющих суфиев, экстатически настраивавших свою мысль на «воссоединение с божеством».

Архитектурных решений, подобных анауским «зикр-хана» в архитектуре Среднего Востока известно очень мало. Для XV в. они не находят себе аналогий; для XVI столетия может быть назван лишь единственный пример — обведенный внутренними галереями трехсветный зал медресе Абдулла-хана в Бухаре (1588—1590 гг.).[103]) Зодчеству Ирана, подобные открытые пространственные композиции интерьеров неизвестны.

Строитель мечети Анау принадлежал к той категории мастеров, которые умели найти прекрасное в функционально оправданном. Создавая восточную и западную группу комплекса, он, будучи менее связан традицией нежели в архитектуре главного объёма мечети, сумел сочетать требования планировочной и технической целесообразности с общей выразительностью архитектурного решения, следуя не по проторенным путям предшествующих поколений, не ограничиваясь перепевом старых архитектурных форм и деталей, но создавая качественное-новое архитектурное целое.

Анализ архитектуры мечети Анау позволил установить наличие в ней определённых математических закономерностей в расчленении и модуляции объёмов, пространства и плоскостей. Явление это весьма характерно для зодчества XV столетия, оно подтверждается рядом письменных первоисточников тимуридского времени, содержащих конкретные данные о размерах и пропорциях тех или иных выдающихся сооружений этой эпохи. Так, например, у Шерефеддина есть прямое указание в отношении размеров и пропорций мавзолея Ходжа Ахмеда Ясеви, соборной мечети Самарканда (т. наз. Биби-ханым), некоторых из пригодных садов Тимура и др. Сопоставление приводимых историками величин, исчисляемых гязами (об этом термине см. ниже) с обмерными данными открывают для исследователя интересные возможности. Показателем служит, например, привлечение Ш. Е. Ратией данных Шерефеддина к анализу пропорций мечети Биби-ханым.[104]) Комплект архитектурных чертежей бухарского мастера XVI столетия из собрания Института Востоковедения АН УзССР подтверждает, что схемы планов среднеазиатских сооружений строились на модульной сетке гязов.[105]) Традиция эта сохраняется и позднее, что подтверждается главой из технической энциклопедии, составленной Ваджидом Али в 1845/46 гг.[106])

Исследование пропорций было уже осуществлено для ряда памятников среднеазиатской архитектуры. Работами М. Ф. Мауэра по изучению арок мавзолея Саманидов, мечети Биби-ханым, медресе Шир-дор, Ш. Е. Ратия — над выяснением пропорций медресе Баракхан, мечети Биби-ха-

ным, дворца Ак-Сарай, нашими—по анализу пропорциональных построений мавзолеев Султана Санджара, Ишрат-ханы, Гумбеза Манаса, М. С. Булатова — по мавзолеям Саманидов, Текеша и ряду других устанавливаются некоторые порой принципиально общие, но вместе с тем для каждого памятника индивидуальные методы пропорциональных построений планов, фасадов, интерьеров, отдельных архитектурных деталей.

Общим для всех без исключения перечисленных выше памятников является наличие гяза. Гяз — среднеазиатская мера длины, не имеющая точного эталона, условно равная длине вытянутой руки, считая от одного или другого плеча. Размер гяза неодинаков не только для разных эпох или территорий, но даже в пределах одного отрезка времени, в одном городе, он даёт для различных памятников известные колебания. Так гяз построек дворика Гур-Эмира определён нами, как равный 66,4 см., а Ишрат-ханы 73,5 см.; гяз мечети Биби-ханым и Ак-Сарая (определен Ш. Е. Ратия) 73 см., а гяз секстанта Обсерватории Улугбека (вычислен М. Е. Массоном) — 70,2 см. и т. д.[107])

В архитектурном строительстве гяз служил не столько абсолютной единицей длины, сколько модулем. Однако, наряду с сеткой гязов среднеазиатские зодчие широко прибегали к методам геометрических (триангуляционных) построений, используя начертание прямоугольников и их диагоналей, основанных на простейшей осевой разбивке (36°, 45°, 30° и 60°).

Анализ плана главного здания анауской мечети позволил установить, что в основе его разбивки лежит система диагонально вписанных друг в друга квадратов. Они определяют собою линии внешнего и внутреннего контура стен, подпружных арок, арки входа, колонного айвана. Вместе с тем, здесь наличествует и гяз. Он равен 70 см., и он укладывается 2 1/2 раза в модульном квадрате. В гязах исчисляется толщина подпружных арок (гяз), ширина ниш (3 гяза), размер михрабной ниши (2 гяза). В разбивке фасадной части здания также кратное число гязов: пролёт портального свода — 13 гязов, а арки входа—10 г., устои портала — по 4 г., ниши лоджий боковых крыльев — по 3 гяза, глубина их — 2 г., расстояние от ниш до боковых построек по 1 гязу (см. чертеж).

В членениях самого фасада, помимо мелкой сетки гязов, использованы также некоторые геометрические построения. В основу «большого чертежа» была положена ширина портала. Размер квадратов, построенных на одной четвёртой части этой ширины, даёт высоты 1-го, 2-го 3-го яруса боковых лоджий-ниш, а также трёх ярусов разбивки михрабной стены интерьера. На высоте двух таких квадратов лежит линия пят портального свода, на высоте четырех—средняя линия панно исторической надписи. Высота прямоугольной рамы, в которую вписана портальная арка с тимпанами и надписью, определяется построенным на её ширине равносторонним треугольником, вершина которого лежит на пересечении линии пят и главной оси фасада. Как установлено М. С. Булатовым, метод пропорционирования, основанный на отношениях «динамического квадрата», был присущ для ряда памятников среднеазиатского зодчества — мавзолея Саманидов, мечети в Хазара, мечети Биби-ханым, мавзолея Гур-Эмир и др.

Нельзя не отметить, что общий характер архитектурной разбивки главного фасада мечети Анау отличает известная сухость, подчёркнутый геометризм линий, «чертёжный», а не живописный характер членений. При большой продуманности архитектурной схемы и организованности форм, схема фасада несёт характер известной каноничности, несколько смягчённой лишь за счёт декоративных средств — благородства цвета и фактуры, оригинальности мотива заполнения тимпанов.

В основе архитектурного декора фасада мечети лежит сочетание облицовочного притёртого кирпича и ярких мозаичных наборов. Следует подчеркнуть, что кирпич воспринимается здесь так, как если-бы он при-

надлежал самой конструктивной кладке. Желтоватый тон светлого среднеазиатского жженого кирпича является преобладающим в общей фактуре фасада—употреблен ли он в виде кирпичных квадратиков, или тычков, или специальных фигурных терракотовых плиток (например в панелях). Синие и голубые вставки, картушей, элементов геометрического узора или куфических букв, по закону контраста, оттеняют основной тон кирпичной фактуры. Сплошные мозаичные панно использованы лишь в наиболее ответственных участках архитектурной разбивки, как бы акцентируя их: в тимпанах больших и малых арок, в надписях исторического и религиозного содержания. Здесь в полной мере проявляется новая тенденция в стиле архитектурного декора монументальных зданий второй половины XV в.. В строительстве Тимура, с его гигантскими масштабами, перед мастерами стояла задача создания максимальной роскоши облицовок. В первой половине XV столетия, как в Мавераннахре так и в Хорасане, декоративное искусство, при всем разнообразии применяемых средств — многоцветных керамических облицовок, резного камня, живописи и т. д. находит для них более логическую взаимную увязку. С середины XV века, как бы в виде реакции на безудержную перенасыщенность декором архитектурных форм, происходит переоценка эстетических воззрений: фактура шлифованного строительного кирпича приобретает ведущее значение в распределении архитектурных украшений. Это значение её подчеркивает тщательная расшивка швов (как в мечети Анау), и даже заполнение их тонкими глазурованными прожилками голубого и синего цвета, выделяющими каждый кирпичик (щеки портального свода мечети Анау; стены и своды мавзолея Ишрат-хана в Самарканде).

Узкие полосы такой кирпичной кладки, повторяющие все элементы архитектурной разбивки устоев портала, аркатуры, боковых крыльев фасада, покрыты ритмически повторяющимися на фоне кирпича мозаичными квадратами, розетками и медальонами (медресе в Хаджирде, мечеть Анау, мавзолей Ишрат-хана). Настенные панно, ограниченные фигурой квадрата, арочки-прямоугольника заключают геометрический узор или эпитрафический мотив. Гирихи мечети Анау относительно несложны по построению, хотя и занимают подобающее место в общей комбинации различных видов архитектурного орнамента на памятнике. Они подчинены построению на сетке осей шести, восьми и десятиконечной фигуры, и сообразованы с пропорциями заполняемого ими панно, строго укладываясь в его пределах кратное число раз. Строго следуя этому правилу, мастер иногда допускает легкое, почти неощутимое глазом изменение наклона осей с тем, чтобы точно уложить разбивку в пределах заданного контура. Так, на нижнем панно устоев шестиконечная звезда гириха как бы чуть-чуть приплюснута, а в вышерасположенном квадратном поле, в действительности имеющим не идеально квадратную, а слегка вытянутую по вертикали форму, соответственным образом чуть-чуть изменены направления орнаментальных линий.

Заслуживает специального внимания мозаичный бордюр обрамления тимпанов портальной арки и большой исторической надписи. Мотив слегка ломающихся, единонаправленных, как бы вписанных друг в друга остриев, не имеет параллелей в архитектурной орнаментации памятников Средней Азии и Ирана. Между тем, мотив этот очень стойко держится доныне в туркменском ковровом узоре под названием «дырнак» («коготок»). Показателем очень большой его древности на территории Туркменистана служит расписная керамика с архаических городищ Кара-депе, Ясы-депе, Намазга и др. созданная ещё в эпоху бронзы древнейшим оседло-земледельческим населением края, где широко представлен мотив уступчатых, вписанных друг в друга зигзагов. Отсюда интересный вывод: воздвигая в области расселения туркменских племён монументальное культовое здание, хорасанский зодчий вводит в качестве элемента укра-

шения местный орнаментальный сюжет, удачно сочетая его с традиционными в тимуридском строительстве мотивами мозаичных облицовок.

К числу таких традиционных элементов в облицовках мечети Анау принадлежит растительная орнаментация. В тимпанах арок—больших и малых, употреблены сложно-узорные комбинации спиралевидных стеблей с листвой и цветами, исходящих от миндалевидной фигуры, которая в терминологии среднеазиатских народных мастеров носит наименование «мадахили-бадам». Крупные надписи почерком сульс выполнены белыми буквами по синему фону с вьющимся на нём голубым спиральным побегом. Очень оригинально претворение мотива растительного побега в обрамлении среза архивольта портальной арки.

Надписи занимают в декоре мечети довольно значительное место. Здесь использовано два вида почёрков, употреблявшихся в архитектурной эпиграфике тимуридской эпохи — куфи и сульс. В устоях портала встречаем две разновидности куфи. В средних декоративных арочках квадратным письмом из поливных кирпичей, распределенных на косой сетке кирпичной выкладки. В двух квадратных панно особые зашифрованные надписи—«лабиринты», с расположением четырежды повторенного эпиграфического элемента в фигуре вращения вокруг центра. Такие «лабиринты» широко отмечаются в Средней Азии со второй половины XIV века—например, в целом ряде мавзолеев ансамбля Шахи-Зинда,[108]) в мавзолее с датой 1360 г.,[109]) безыменным с именем мастера Али из Несефа (Карши[110]) и др. В мелких мозаичных квадратиках, обрамляющих полос мечети Анау начертаны простым квадратным куфи имена Аллаха, или Мухамеда. Уникален «косой куфи» в обрамлении лицевой поверхности внутренней арки портала. Наклонное (под 60°) расположение букв придает надписям динамический характер, что согласуется с самим расположением их на вздымающемся очерке арки. Здесь налицо предельное подчинение надписи и её почерка архитектурной и орнаментальной задаче.

В отношении большого панно над тимпанами портальной арки, следует подчеркнуть справедливость высказанного В. А. Крачковской замечения по поводу того, что в архитектурной эпиграфике тимуридской эпохи «...куфи и несхи меняются местами: главная надпись эпиграфического пояса внизу вписана крупно насхом, второстепенная куфическая надпись меньшего масштаба пересекает ее по горизонтали».[111]) В интерьере мечети куфические надписи занимают очень скромное место: в слове «Аллах!», выполненном квадратным почерком, в звездчатых фигурках больших эпиграфических архивольтов подпружных арок и в восьмикратно повторяющейся формуле «хамдалла бахо» («хвала богу!») в нешироком полоске над михрабом, начертанной «цветущим куфи», образующим в центре те замысловатые «узлы счастья», которые составляли специфический орнаментальный элемент этой разновидности куфи в тимуридскую эпоху.[112]).

Почерк «сульс», употребленный в исторических надписях на портале, и в религиозных — внутри мечети (в обрамлении михраба и в оформлении архивольтов подпружных арок) характеризуют типичные для тимуридской эпохи качества. Чёткость общего начертания, стройность вертикальных букв («алиф» , «лям»), местами пересекаемых косыми линиями «кяф'ов» и «лям'ов», плавный контур букв горизонтальных («бе» , «те», конечный «яй»), наконец, сложное трёхъярусное распределение букв и слов в одной, по существу, строке. Это нарочито замысловатое построение надписей радикально отличает «сульс» середины XV столетия от эпиграфики эпохи Тимура. Оно наглядно может быть проиллюстрировано, например, при сопоставлении надписей михрабов мечети при мавзолее Ахмеда Ясеви (1398) и мечети Анау (1456 г.), столь близких в смысле единства архитектурной схемы и метода распределения декора.

Оформление интерьеров отличает большая скромность. Оно, прежде всего, архитектонично. Чётко отчленена полоса панели. Орнаментальные полосы бордюров ограничивают рамы арочных ниш, подчёркивают архивольты четырёх несущих подпружных арок, их щёковые поверхности и софиты. На чаше купола развёртывается лёгкий геометрический узор (принцип его построения, между прочим, аналогичен гириху стенного панно мавзолея Занги-ата близ Ташкента, воздвигнутого, судя по стилистическим данным, в 30-40-х гг. XV века).[113]) Основной прием декора стен и перекрытий— слаборельефная резьба по ганчу («кырма») как будто нов в архитектуре тимуридской эпохи. Его главную прелесть составляет игра белоснежных, подчеркнутых узкой полоской тени, узоров на слегка окрашенном фоне. Мозаичный михраб и застеклённая цветным стеклом панджара единственными яркокрасочными пятнами входила в монохронное оформление главного помещения мечети. Колористическое богатство михраба как бы подчеркивало особое значение культовой ниши, к которой обращены во время молений взоры мусульман.

Наиболее оригинальным во внешнем оформлении мечети является, безусловно, мотив украшения тимпанов портальной арки фигурами великолепных драконов. Тела этих крупных фантастических животных (если «распрямить» их извины, они достигли бы по длине 8-9 метров) кажутся ярко-жёлтыми. Лишь при близком рассмотрении выявляется, что богатые переливы чешуи, изогнутых клочьев волос, зазубренного хребта осуществлены набором из сравнительно крупных ярко-жёлтых элементов мозаики, резко очерченных по контуру белыми и чёрно-лиловыми плитками. Фоном для дракона служит богатая растительная орнаментация на тёмно-синей основе—фантастическое цветущее дерево, как бы вырастающее из пасти животного, разветвлённое на несколько гибких голубых стеблей, обильно покрытых белыми цветочками (трёх-четырёх- и пятилепестковыми — в зависимости от формы свободного участка, на котором они расположены[114]) и крупными остролистами.

Иконографическая близость изображения драконов мечети Анау к обычной трактовке их в искусстве Китая отмечалось почти всеми, писавшими об этом памятнике. Одни говорили при этом о китайском влиянии,[115]) другие — о прямом заимствовании из Китая сюжета и его интерпретации,[116]) наконец третьи еще более решительно называют их «китайскими императорскими драконами», считая несомненным, будто-бы исполнителем рисунка мозаики был китайский мастер.[117]).

Анауские драконы безусловно воспроизводят именно китайскую иконографию этого полиморфного существа. Китайский дракон (лун) сочетает в себе элементы различных животных—у него тело змеи, покрытое чешуёй рыбы, лапы тигра, снабжённые когтями ястреба, голова верблюда с воловьими ушами и рогами оленя.[119]) Драконы бывают красные, белые, чёрные, синие, пёстрые, жёлтые. Жёлтый дракон имеет пятипалые лапы (у остальных по четыре пальца) и является символом императорской власти. Именно таковы драконы Анау. Однако в Китае жёлтый дракон служил государственным гербом лишь в одиночном изображении, на портале же мечети их два. Да и странным было бы появление китайских династических эмблем в тимуридской мечети Хорасана. И хотя Б. П. Денике уже отмечал необычность подобного сюжета в культовом здании ислама, до сих пор нет удовлетворительного ответа—почему в портале анауской мечети изображены драконы. Думается, что просто участием китайского мастера этого объяснить нельзя: проект памятника, несомненно, согласовывался с заказчиком, сыном погребённого шейха Джемаледдина—крупным феодалом, Мухаммедом, который едва ли бы в угоду вкусам дальневосточного мастера поместил любезные сердцу последнего образы лунов. Причины к тому должны были быть гораздо глубже, чем простая прихоть художника.

Сама тема дракона на среднеазиатском Востоке (берём этот термин широко, включая в него территории современных среднеазиатских республик, Афганистана, Восточного Ирана) известна с отдалённых времён и сохранились в народном фольклоре, а в некоторых глухих районах (например в Припамирьи) в народных верованиях до наших дней. Среднеазиатский этнографический дракон-аждарха имеет два основных образа: это либо страж гор, охраняющий сокровища недр, либо существо, связанное с водой, род водяной змеи—ему подвластны источники, он может вызвать дождь. В первой своей функции аждарха имеет аналогии в западном мифотворчестве, во второй—сближается с дальневосточным драконом. В персидском труде «Аджаибул-Махлюкат» аждарха характеризуется как гигантское животное, которое большую часть жизни проводит в воде, откуда иногда поднимается на высокие горы, наслаждаясь там влажностью облаков.[119] (В Фергане, издавна исторически связанной с Дальним Востоком, ещё недавно справлялось празднество, на котором носили чучело аждарха—оно должно было вызвать добрый дождь для молодых посевов; к этим же верованиям восходит широко распространённый в Средней Азии обычай запускания бумажного змея, давно уже превратившийся в любимую весеннюю забаву мальчуганов. Образ аждарха в Средней Азии тесно сплетается с другим аналогичным фантастическим существом, якобы проживающим в горных озёрах — «аспи-оби», водяным конем.[120])

Уже на оттиске парфянской печати начала н. э. из Старой Нисы имеется изображение дракона;[121]) последние служили значками —сигнумами парфянских войск. На одном из живописных панно Варахшского дворца (Бухарская область), датируемого VII в., можно видеть также изображение дракона, иконографически почти аналогичного драконам китайским.[122]) Таким образом, если этот изобразительный мотив и проник в Среднюю Азию из Китая, то это имело место задолго до мусульманства.

Если попытаться проследить последующую эволюцию изображения среднеазиатского дракона в рисунке, устанавливается, что оно претерпевает известные изменения в веках, отображая определённые этапы культурных связей и взаимодействий. Не для всех столетий это осуществимо, но можно, например, указать на чашу IX в. с Афрасиаба, ныне хранящуюся в Самаркандском музее.[123]) Здесь изображен «коневидный дракон» — у него туловище пятнистого коня, длинная жирафовидная шея, острые уши, птичий клюв, которым он кусает свой гладкий, завершённый на конце трилистником хвост. Аналогичное изображение отмечено на хронологически близкой чаше из Нисы (из коллекции Е. Г. Сукачева). Можно отметить коневидного дракона и на некоторых миниатюрах XV-XVI вв. (например Джами 1481 г. в собрании Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, инв. № 426 и др.). По «Аджаибуль-Махлюкат» аспи-оби имеет лошадиную голову, копыто рогатого скота, хвост свиньи. На самаркандской и нисийской чашах мы видим несколько иной, очевидно какой-то очень древний-вариант этого образа, имеющий параллели в древнейшей расписной керамике Ирана первых тысячелетий до н. э.[124]) После значительного перерыва (благодаря отсутствию сохранившихся памятников изобразительного искусства) в миниатюрной живописи XIII—XIV вв. так называемой «монгольской школы (названной так по династическому, а не по этнографическому признаку), и на керамике вновь встречаем изображения дракона в китаеобразной трактовке. С этих пор дракон в сценах, иллюстрирующих борьбу с ним витязя (таков, например, излюбленный художниками сюжет из «Шах-наме», посвященный подвигам Рустема[125]), дракон—аждарха и феникс-симург в украшениях богато оформленных манускриптов,[126]) дракон, как носитель целящих свойств в иллюстрациях медицинских трактатов[127]) или Дракон — соз-

вездие в трактах астрономических[128])—всюду изображен в характерной китайской передаче образа; известным отступлением являются изрыгаемые им языки пламени, которые несвойственны его дальневосточному прототипу. В XV веке, когда создавалась анаусская мечеть, Средняя Азия поддерживала оживлённые связи с Китаем — дипломатические, торговые, культовые. Для северного Хорасана, в частности для Нисы и подчинённых ей городов, в число которых входит и Анау, эти связи устанавливаются, между прочим, обнаружением многочисленных фрагментов минского фарфора. [129]) На популярность мотива дракона в эту эпоху на среднем и ближнем Востоке указывают изготовлявшиеся в Китае специально на вывоз художественные изделия, например, бронзовый сосуд 1431 г. несущий изображения драконов и «калиму» — исповедание мусульманской веры, написанную иероглифами, [130]) или же местные керамические имитации фарфора, как например, фрагмент блюда XV в. из Нисы, или другой—из Самарканда.[131]) Однако и образ «коневидного» аждарха начисто отнюдь не исчезает — он фигурирует на некоторых миниатюрах тех же эпох и позднее. Чрезвычайно интересно наличие коневидных драконов в тимпанах медресе Рустамбека в Ходженте (XIX в.).

Итак, изобразительная трактовка драконов мечети Анау отнюдь не является ни результатом преднамеренного введения в ее украшение геральдической эмблемы китайских императоров, ни произведением китайского художника. Прекрасные тимпаны мечети сработаны среднеазиатским мастером-мозаичистом, который изобразил аждарха в схеме, заимствованной из Китая на много столетий ранее и в XV в. уже являвшейся обычной, более того—канонизированной в местном изобразительном искусстве.

Возникает вопрос — для чего же поместил художник этих чудовищ в монументальном культовом здании? Здесь нам придётся обратиться за некоторыми аналогиями не на Восток, но на Запад, к малоазиатскому зодчеству.

На портале руин Эль-хан в Амиде повторено в зеркальной композиции изображение героя, пронзающего копьем дракона[132]). Трудно сей час решить, кто послужил праобразом этого витязя—Рустем, или Георгий Победоносец, что легло в основу—иранское эпическое предание или его христианская версия. Развёрнутое объяснение предлагалось в отношении другого портала в Амиде, датируемого началом XIII в., тимпаны которого заполнены извивами тел драконов, чьи жала стиснул в руках сидящий меж ними человек. Предполагают, что это изображение халифа Назира, символически торжествующего победу над врагами — по Зарре над хорезмшахом Мухаммедом и над монголами,[133]) по Ван-Бершему — над ассасинами.[134]) Однако в архивольте близкой по времени арки цитадели Алеппо два змеевидных дракона (у них нет лап) перевили свои тела, а в крайних сегментах ворот этого города два дракона как бы ползут навстречу друг другу. Если, следуя Зарре — Ван-Бершему, считать, что драконы символизируют врага, становится непонятным, зачем изображать его как бы владычествующим над вратами города, как это имеет место в названных памятниках Алеппо или известных «Воротах Талисмана« в Багдаде (XIV в.).[135])

Более убедительной выглядит гипотеза Ван-Бершема, который умножая примеры изображения спаренных драконов (например в чеканке монет Хан-Арслана), рассматривает их как фамильный герб дома Ортукидов (XII-XIV вв.). Действительно названные памятники связаны эпохально и территориально с городами, входившими во владения этой династии, ведшей свое происхождение от Ортука бини Асада, туркменского военачальника сельджукской армии.[136]). Можно думать, что дракон — змеевидный хищник был тотемом его племени, подобно тем хищным птицам, которые как это показано В. Г. Мошковой, были еще в средневековьи

тотемами определённых туркменских племён, сохранившихся, в сильно трансоформированных от времени, голях современных туркменских ковров.[137]) Среди расшифрованных ею названий-голей, упомянутых средневековыми восточными авторами,, некоторые пока определить не удалось; не входит ли в их число и дракон? Что среднеазиатские тюрки «знали» дракона свидетельствует терминология распространённого у них календаря с 12-тилетним животным циклом. По существующим поверьям с Годом Дракона бывают связаны трудные годины, в частности опустошительные войны. Дракон таким образом, как бы символ воинственного начала, благоприятный для воинственного народа, опасный для мирного населения. Любопытно, что на батальной миниатюре из Низами 1430/1 г. Государственного Эрмитажа на штандартах обоих враждующих отрядов вытканы золотом изображения драконов (т. е., видимо, не как государственные гербы, но как эмблемы войны). На древность в Средней Азии этого мотива, как символа войны и знака воинов, указывает сообщение, что среди парфянских копьеносцев был отряд «неранимых», имевших на древках знамён значки — изображение драконов.

Итак, объсснение изображения драконов, украшающих порталы диар-бекирских сооружений XII—XIV вв. мы считаем возможным свести к следующему: это фамильный герб Ортукидов во первых, их племенной тотем во вторых, существо символизирующее воинственное начало—в третьих. Таким образом, халиф Назир на портале в Амиде фигурирует не как победитель конкретных врагов (монголов, или ассасинов), но как правитель, торжествующий над злом войны вообще. С другой стороны на воротах Алеппо и Багдада драконы служат как бы грозными часовыми города, символической угрозой для нападающих врагов. Эта функция драконов, как существ — охранителей, может быть восходит в глубокую старину, к тем магическим стражам-хранителям ворот, которых знает седая древность. Драконы в основании главной арки парфянского дворца Хатры,[138]) крылатые были Пропилеев Ксеркса на террасе Персеполя, или в пилонах дворца Саргона в Хорсабаде, грифоны вавилонских ворот Ишатри, ещё ранее — львы городских ворот Микен и Богазкое (Хаттушаш) — всё это образы одного порядка, дивные могущественные, страшные для врага, дружественные для населения существа — охранители города или дома. Утрачивая с течением времени, свою заклинательную сущность, они пережиточно сохраняются в изобразительном искусстве Востока в украшении городских ворот или же портальных входов монументальных зданий. Именно таковы, очевидно, «ширы» (львы или тигры) в порталах медресе Шир-дор в Самарканде (1618 г.) дворцов на миниатюрах «Шахнаме» 1556 г. из собрания Института Востоковедения АН УзССР, дворца Ак-Сарай в Шахрисябзе (1380-1405 г.)[139]), караван-сара. Белеули, заброшенного в пустыне Усть-урт[140]). Именно таковы драконы Алеппо, Амида, Богдада и драконы мечети Анау.[141]).

Итак, драконы на портале мечети Анау получают следующее возможное смысловое истолкование. По содержанию это тотем населявшего в XV в. округу Анау (главным городом ее была Ниса) основного туркменского племени, к которому ,возможно, принадлежал и шейх Джемаледдин и из которого (племени) вышел в XII в. туркменский военачальник Ортук б Асаб. По значению—это существа-хранители «Дома красоты». По форме—это «китаеобразные» драконы, образ которых проник в городскую культуру Средней Азии и Ирана и иконографически закрепился здесь ещё до ислама.

Таким образом, в этом интереснейшем памятнике монументального изобразительного искусства, в его содержании и в его форме диалектически переплетаются местное с привнесённым, исконная традиция с внешними наслоениями.

Изображения же драконов в комплексном памятнике, сочетавшем мечеть, медресе и мавзолей связаны, скорее всего, с ним именно как с мавзолеем. В Средней Азии исключительно широко были распространены поверья о животных—охранителях могил; таково, например, предание о змее, стерегущей мавзолей Биби-ханым в Самарканде. В самом Анау, среди развалин городища XVIII—XIX вв. стоит сравнительно «молодой» мазар Ходжа-Музаффара, воздвигнутый в прошлом столетии, который по существующему у туркмен аула Анау преданию будто-бы по ночам оберегает тигр (ёлбарс). Изображение драконов-аждарха в порталах мечети Анау в глазах суеверного населния как то магически закрепляло этих животных, как бы охраняющих от посягательств могилу Джемал-леддина.

Население аула Анау давно уже пыталось объяснить непонятный для них факт введения драконов в орнаментацию мечети, противоречащий поздне-мусульманскому запрету изображения живых существ особенно в культовом здании. Приведём вариант распространёной среди местных жителей легенды, записанной по опросу 70-тилетнего старика, местного уроженца.

—Лет шестьдесят тому назад к известному анаускому имаму Мамед-Шерибу, окончившему бухарское медресе, прибыл мударрис, с которым они вдвоем направились к мечети. Приезжий, выразив недоумение,— как можно молиться в мечети, украшенной, в противоречии с установлениями шариата, фигурами животных, кстати поинтересовался, почему здесь изображены драконы. Мамед-Шериб ответил, что сам он не в курсе дела, но что его престарелый отец что-то помнит из старых рассказов по этому поводу. Послали за стариком и вот что он рассказал:

«Давным давно существовали здесь мощная крепость и город, правителем которого была женщина Джемаль (по другой версии—мужчина Сейид Джемаль), мудрая и справедливая. У обреза крепостной стены, там, где ныне стоит мечеть, росло дерево, на котором был подвешен колокол, и каждый путник, испытывающий в чём либо нужду, мог потрясти дерево,— тогда на звон колокола выходили люди царицы и оказывали просящему всемерную помощь.

Однажды жители города были встревожены трезвоном небывалой силы. Сбежались к дереву и увидели, что его сотрясает огромный дракон-аждарха. Он ревел, извивался, но не причинял подошедшим никакого вреда; ясно было, что животное о чём то молит, никто однакож не мог понять—о чём. Подошла и царица Джемаль. Дракон указывал то в сторону гор, то на стоящих в толпе двух плотников—с топором и пилой. Тогда царица приказала обоим следовать за аждарха. Не без страха направились они вслед за чудовищем, которое поспешно удалялось к горам. Всё дальше в ущелье двигался аждарха, всё непреступнее становились суровые скалы Копет-Дага, и вот увидели плотники другого дракона, жену аждарха, которая хрипела в предсмертной агонии. Оказалось, что она целиком проглотила горного козла, рога которого воткнулись ей в глотку, и не в силах ни выплюнуть его ни проглотить, умирала от удушья. Отважные люди вошли в огромную отверстую пасть, один перепилил рога, второй надрубил козлиную тушу, аждарха выплюнула её и глубоко вдохнула струю свежего воздуха. Тогда первый дракон повёл плотников в большую пещеру, полную несметных сокровищ и знаками предложил им взять сколько угодно. Набрав драгоценностей, довольные мастера возвратились домой, к радости встревоженных их судьбой сограждан.

А на следующий день жители были разбужены громкими звуками колокола. Выйдя вместе с царицей за стены, они увидели обоих аждарха, принесших на хребтах массу золота и драгоценных камней. Сложив их у ног царицы Джемаль, они быстро удалились в горы. Однако царица не взяла эти дары в казну, но приказала истратить их на строительство вели-

колепной мечети, а на портале её поместить изображения обоих дарителей—аждарха.»

Так народная фантазия осмыслила прекрасные мозаичные изображения драконов украшающих тимпаны портального свода мечети Анау.

***

Перед советской социалистической республикой Туркменистана открыты перспективы широчайшего строительства. На никогда необжитых з былые времена местах вырастают, буквально на глазах, новые благоустроенные города, подобные, например, нефтяному центру республики—Небит-дагу; в востановленной из руин сокрушительного земелетрясения столице республики—Ашхабаде в течение десяти лет отстроены парадные здания театров, вокзала, государственных учреждений, тысячи больших и малых жилых домов. Сооружение редчайшего в мировой практике ирригационного строительства, Каракумского канала, рассекающего пески Кара-Кумов, ставит задачи невиданного дерзания и размаха. Всё это—яркие показатели торжества советской национальной политики в ещё недавно закрепощённом Закаспийском крае, всё это—отображение неустанно проводимой борьбы за мир, за мирное созидание, за созидательный труд.

При решении крупных строительных задач зодчие советской Туркмении вплотную сталкиваются с проблемой критического использования национального художественного наследия.

Мечеть Анау по праву занимает одно из первых мест в ряду выдающихся памятников архитектурного наследия Туркменистана прошлых эпох. Созданный усилиями тех далеких хорасанских предков, которы. вошли своим большим этническим массивом в этногенез туркменского народа, в районе древней оседлой культуры, в эпоху блестящего расцвета зодчества и прикладных искусств, памятник этот являет собой как бы синтез высоких достижений местной, «северно-хорасанской» архитектурной школы.

Мечеть Анау свидетельствует, что в XV столетии, когда центром культурной жизни был Герат, архитектурная деятельность на окраинах Хорасана отнюдь не исчерпывалась созданием провинциальных реплик столичных образцов. Напротив, анализ памятника выявляет в нём и смелость конструктивной мысли, и оригинальность планировочных решений, и своеобразие декоративных мотивов. Всё это ставит его в ряду лучших произведений в сокровищнице архитектурного наследия туркменского народа.

Проблема использования этого наследия достаточна сложна. Мечеть Анау—памятник определённой эпохи, определённого общественного строя и соответствующей ему идеологии. Эстетические принципы в эпоху зрелого феодализма, когда создавалась мечеть, не могут быть механически перенесены в проектную и строительную практику социалистической современности. Задача критического освоения заключается в данном случае в умении отобрать и переработать те прогрессивные элементы, которые в ней заключены.

При анализе зданий монументального зодчества феодальной поры следует постоянно иметь в виду двойственнную природу, определяющую их художественное решение. Будучи типичным памятником своей эпохи мечеть Анау несёт в себе такие черты, как подчеркнутая монументальность форм, каноничность и линейная сухость фасадной схемы, замкнутость планировочного решения, в значительной мере продиктованная самой функцией сооружения, сочетающего в себе группу культовых зданий мусульманства. С другой стороны, как создание большого коллектива

мастеров из народа, памятник этот не только заключает черты отстоявшейся высокой народной традиции, но и элементы творческого поиска, подчас смелого новаторства. Богатство сводчатых систем, с их конструктивной целесообразностью при общедекоративном изяществе; пространственность решений интерьеров; удачное соединение форм монументальной и легкой архитектуры; декоративное использование желтоватой фактуры обычного строительного кирпича, при умелом сочетании его с синевой мозаик,—таковы те качества архитектуры анауской мечети, которые заслуживают пристального внимания советских архитекторов. Не механический перенос отдельных, хотя-бы и эффектных деталей, но освоение архитектурных принципов, не механическое заимствование декоративных элементов, но использование рациональных в своей конструктивной, утилитарной и художественной основе приемов позволит советским зодчим подойти к правильному решению проблемы освоения архитектурного наследия былых эпох при создании национальной архитектуры советского Туркменистана.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Типичный образец такой литературы—см. Э. Ухтомский; От калмыцкой степи до Бухары. СПб, 1891 (написано по впечатлениям поездки 1889 г.). Здесь дано краткое описание мечети; автор называет строителем Бабура видимо со слов шейхов, прочитавших ему в надписи имя, причём путает Абул-Касым Бабера с Захиреддином—основателем династии Великих Моголов. Ср. также книжку археолога Д. И. Эварницкого. Путеводитель по Средней Азии. Ташкент, 1893, стр. 20-22 (*беглое описание мечети, в значительной степени заимствованное им у Э. Циммермана*). Ещё лаконичней упоминание мечети в «Путеводителе по Туркестану», составленной под ред. А. И. Дмитриева-Мамонова. СПб, 1903 стр. 146.

2. Отчёты Археологической Комиссии за 1896 г. стр. 104—105.

3. R. Pumpelly. Explorations in Turkestan. T. I. Washington, 1908, 17, 54. fig. 8. 16.

4. Газета «Русское слово», № 167. М., 1905; перепечатано в Протоколах Туркестанского кружка любителей археологии, год 12-й. Ташкент, 1908, стр. 3—5 под названием «Мечеть Анау».

5. А. А. Семёнов. Развалины мечети близ селения «Анау». Ташкент, 1910.

6. Значительное число фотографий конца прошлого столетия хранится в фототеке *ЛОИИМК АН СССР; несколько снимков в фото-архиве АН Туркменской ССР.*

7. Напр. H. Saladin. Manuel d'art musulman. L'Architecture. Paris, 1907, p. 365.

8. Напр. В. И. Масальский. Туркестанский край. Россия, т. XIX. СПб, 1913. стр. 632, 637.

9. И. И. Умняков. Охрана памятников старины и искусства в советском законодательстве Средней Азии. Известия Средазкомстариса, 1. Ташкент, 1926, стр. 4.

10. О. Э. Визель. Сведения о грунте, на котором построена мечеть. Анау. В брошюре «Обследование состояния сохранения мечети Анау». Полторацк (Ашхабад), 1926, стр. 3—5.

11. R. Pumpelly, op. cit., p. 17.

12. В. Р. Трипольский. Структурные деформации мечети. В цит. выше брошюре, стр. 6—9.

13. А. А. Карелин. Состояние мозаик и других украшений мечети. В той же брошюре, стр. 10—11.

14. Информация о ремонтных работах на мечети содержится в газетной заметке Д. С. Охрана памятников старины. К восстановлению мечети Анау. «*Туркменская искра*», № 162, Ашхабад, 1927. *Краткие данные о работах* 1926—1928 гг. в статье С. Скляревского. Ремонт мечети в Анау. «Туркменоведение», 1928, стр. 70—72. См. Его же. Мечеть в Анау. «Туркменоведение» 1929. № 2—3, стр. 41—45. И. И. Умняков. Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование, ремонт, реставрация. Ташкент, 1929, стр. 34—35.

15. Обмерные чертежи 20-х годов были первоначально переданы в Туркменский Музей, а оттуда, с учреждением ТФАН СССР—в научный архив Института истории, языка и литературы; к этому времени сохранилось лишь 9 чертежей С. Скляревского, три остальных, в том числе—главный фасад мечети, а также кальки орнаментов были утрачены. Три чертежа—план и два разреза опубликованы в книге «Архитектурные памятники Туркмении» под ред. Н. М. Бачинского. Москва—Ашхабад, 1939, стр. 110-111. В 1947 г. упомянутые чертежи поступили в Управление по делам архитектуры Туркменской ССР и погибли вместе с другими историко- архитектурными материалами при землетрясении 1948 года.

16. Д. Д. Букинич. Некоторые данные об Анау и Намазга-тепе. Туркменоведение, 1929, № 5, стр. 33—36.

17. Результаты работ Н. М. Бачинского на мечети Анау получили лишь частичное отражение в печати; см. «Архитектурные памятники Туркмении»», цит. соч., стр. 102—108; данные вскрытия фундамента восточного устоя портала—Н. М. Бачинский. Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии. М.-Л., 1949, стр. 44, прим. 16. Упоминание о ремонтных работах 1936 г. содержится в статье С. А. Ершова. Археология в ТССР за 20 лет. Известия ТФАН СССР, 1944, № 2 — 3, стр. 35.

18. Н. А. Безбородов. Мозаичные резные изразцы средневекового Анау. Доклады АН СССР. 1936, т. 51, №5; Его—же. Строительные материалы мавзолея Анау. Известия Туркменского филиала АН СССР, 1948, № 1.

19. А. А. Семёнов. Некоторые данные к истории мечети Анау. Изв. Туркестанского отдела Русского Географического общества, т. XVII. Ташкент. 1924, стр 209—215. Краткие сведения о мечети Анау приведены тем же автором в работе «Памятники арийской культуры в Средней Азии.» Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Ташкент, 1925, стр. 134. В переиздании этой работы под названием «Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии». Сталинабад, 1945, стр. 27—28 утверждается, будто мечеть построена самим Абул-Касим Бабером; в дату хиджры здесь вкралась опечатка—869 г. х. вместо 860 г. х. Ничего нового не внесла в изучение мечети (если не считать первой публикации плана) книга Е. К. Кобранова «Историческое и культурное значение Анау». Асхабад—Полторацк, 1927, рис. 1—4, 12—19, стр. 4—6, заключающая компиляцию цитированных выше статей А. А. Семёнова, что в своё время было отмечено в рецензии В. М. Зуммера. Новая книга об Анау. Изв. общества по обследованию и изучение Азербайджана, № 5. Баку, 1928.

20 А. А. Семёнов. По закаспийским развалинам. Изв. Средазкомстарины. Ташкент, 1928, стр. 58—61, 63—64

21. Архитектурные памятники Туркмении, цит. соч., стр. 103.

22. Б. П. Денике. Искусство Средней Азии. М. 1927, стр. 39, илл. 14. R. Byron. Timurid architecture. A Survey of Persian Art (SPA), vol. II. London—Now-York, 1938, p. 1130. Б. П. Денике. Архитектурный орнамент, цит. соч., стр. 178, 181, 186 Б. В. Веймарн. Искусство Срденей Азии, М. Л., 1940, стр. 98—99; Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии М., 1948, стр. 111—112.

23. Н. С. Гражданкина. Древние строительные материалы Туркмении. «Труды ЮТАКЭ», т. VIII, Ашхабад, 1958, стр. 58 сл.

24. Г. А. Пугаченкова. Драконы мечети Анау. «Советская этнография», 1956, № 2; Её — же, Памятники архитектуры Средней Азии эпохи Навои. «Труды САГУ». Новая серия, вып. с VIII, Ташкент, 1957, стр. 19 сл.; Её—же. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. «Труды ЮТАКЭ», т. VI, М., 1958, стр. 408 сл.; Её—же. Своды в архитектуре Южного Туркменистана. «Труды ЮТАКЭ», т. VIII, Ашхабад, 1958, стр. 264 сл.

25. С. Скляревский. Мечеть Анау, цит. соч., стр. 41.

26. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад. 1951/3. Статьи М. Е. Массона и и В. А. Левиной.

27. А. А. Марущенко. Анау. Историческая справка. Архитектурные памятники Туркмении, цит. соч., стр. 99. Также «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 27.

28. Б. П. Денике. Живопись Ирана. М.—Л., 1938, рис. 29.

29. А. Ю. Якубовский. Мастера Ирана в Средней Азии. Иранское искусство и археология. III-й международный конгресс. М.—Л., 1939, стр. 278—279; SPA, vol. II, p. 1149.

30. В надписи на мечети Анау под именем султана имеется знак «кисра»—показатель, что оно произносилось не «Бабур», как обычно транскрибируют по-русски, но «Бабер».

31. См. М.Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ. т. V. стр. 80—84. Г. А. Пугаченкова. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв. Там же. стр. 400 и сл.

32. Название Анау появляется в письменных источниках с XVIII в. По мнению А. А. Марущенко для XVI—XVII вв. с крепостью Анау может быть отождествлен упоминаемый в источниках городок Багабад; как именовался он в XV столетии — неизвестно.

33. Данные к политической истории времени Абул-Касым-Бабера — см. В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Петроград, 1918, стр. 121 сл. А. А. Семенов. Развалины мечети... цит. соч., стр. 4—5.

34. Ст. Лэн-Пуль. Мусульманские династии. Перевод, примечания и дополнения В. В. Бартольда. СПб, 1899, табл. к стр. 227.

35. Абд-ар-Реззак Самарканди. Извлечения из «Матла ас-са'дейн, МИТТ, т. 1, М.—Л., 1939, стр. 534.

36. Некоторые исследователи, ошибочно принимая такие фигурные словообразования, свойственные арабскому языку, за собственное имя шейха, называют

памятник «мавзолеем Джемаль-ул-хак Уаддина». См. Архитектурные памятники Туркмении. цит. соч., стр. 103 сл.

37. А. А. Семенов. Некоторые данные... цит. соч., стр. 213.

38 Мирхонд. Извлечения из «Раузат ас-сафа», МИТТ, 1, стр. 538.

39. М. Е. Массон. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. Ташкент, 1930, стр. 4.

40. А. А. Марущенко. Существенные поправки. Туркменоведение, 1930, № 12, стр. 14—15. Его же, Анау. Архитектурные памятники Туркмении, цит. соч., стр. 96—99.

41. Искандер Мунши Извлечение из «Тарихи-алам-ара-и Аббаси». МИТТ, II, стр. 75.

42. Там же, стр. 99.

43. Мехди-хан Астрабади. Извлечение из «Тарихи-Надири», МИТТ, II, стр. 124.

44. Мунис. «Фирдаус-уль-Икбаль». МИТТ, II, стр. 404—405.

45. А. А. Семёнов. Некоторые данные... цит. соч., стр. 214.

46. Н. М. Бачинский. Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии. М.—Л., 1949, стр. 44, прим. 16.

47. Н. С. Гражданкина. Древние строительные материалы Туркмении. цит. соч., стр. 58 сл.

48. Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы. Труды ЮТАКЭ. 1. стр. 248.

49. O. Niedermeyer. Afghanistan. Leipzig. 1924, Abb. 239.

50. С. Скляревский. Мечеть в Анау... цит. соч., стр. 45.

51. М. Е. Массон. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви... цит, соч, стр, 17 и план на стр. 16.

52. Абу Тахир Ходжа прямо пишет о возведении основательницей мавзолея Ишрат-хана, Хабиба Султан-Багим, «худжр для житья». См. его «Самария», пер. В. Л. Вяткина. Справочная книжка Самаркандской области, в. VI. Самарканд, 1899, стр. 204.

53. Интересно отметить, что размеры эти заметно отличаются от кирпича тимуридских построек Самарканда, более крупного (26—28 см. в стороне на 5—6 см. толщины). Факт этот свидетельствует о наличии в разных областях в одну и ту же эпоху местных вариантов размеров жженого кирпича, которые, таким образом, не являются непреложным датирующим элементом для среднеазиатской архитектуры даже в пределах одного исторического периода.

54. Архитектурные памятники Туркмении, цит. соч., стр. 103.

55. Подобную разбивку отмечаем в устоях айвана мечети Гаухаршад в Мешхеде 1405—1418 г. См. SPA, vol. IV, pl. 428—429.

56. А. А. Карелин. Состояние мозаик... цит. соч., стр. 10:

57. М. Е. Массон. Ишрат-хана и фрагмент её панели. Сборник В. В. Бартольду, туркестанские друзья и почитатели. Ташкент, 1927, стр. 175.

58. Г. А. Пугаченкова. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв. Труды ЮТАКЭ, т. 1, стр. 403.

59. М. А. Безбородов. Строительные материалы мавзолея Анау, цит. соч., стр. 83 сл.; Н. С. Гражданкина, цит соч., стр. 62 сл.

60. Мозаики эти на высоту человеческого роста были уничтожены «благочестивыми» посетителями, которые сцарапывали кусочки кашина в качестве амулета или целебного средства. О подобных фактах варварского уничтожения прекрасных изразцовых облицовок тимуридских памятников Самарканда при покровительстве извлекавшего из этого выгоды духовенства — см. М. Е. Массон. Ишрат-хана и фрагмент её панели... цит. соч., стр. 177.

61. А. А. Семёнов. По закаспийским развалинам.., цит. соч., стр. 61: Вот этот стих корана, возвещающий ничтожество человека перед всемогуществом и непознаваемостью божества: «Бог есть живущий бог, бог живой и вечный Даже солнце не приближается к нему. Он обладает тем, что есть на небесах и на земле. Кто может ходатайствовать перед ним вне его воли? Он знает то, что было до мироздания и то, что будет после. Люди знают о его высшем величии только то, что он захочет, чтобы они узнали. Его возвышенный трон обнимает небеса и землю. Он сохраняет их без усилия. Он — бог великий, всевышний» (Перевод даём по M. Savary. Le Koran. Paris /B. r./. p. 138).

62. Архитектурные памятники Туркмении, цит. соч., стр. 105.

63. Отчёты Археологической комиссии за 1896 г., стр. 104—105.

64. Абд-ар-Реззак Самарканди. МИТТ, 1, стр. 534.

65. В. В. Бартольд. Мир Али-Шир и политическая жизнь. Сбор «Мир Али-Шир», Л., 1928, стр. 109.

66. В. В. Бартольд. Там же, стр. 107.

67. О постройках Герата тимуридской эпохи ср. статьи А. М. Беленицкого. Историческая топография Герата XV в. Сб. «Алишер Навои». М.—1946, стр. 175—202 и М. Е. Массона. К исторической топографии Герата века. Сборник «Великий узбекский поэт». Ташкент. 1948. стр. 120—145.

68. Архитектурные памятники Туркмении, цит. соч., стр. 103.

69. Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии, цит. соч., стр. 111.

70. Отчёты Археологической комиссии за 1896 г., стр. 104—105.
71. В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва. СПб, 1894, стр. 128 — 131.
72. Там же, стр. 186 — 188.
73. М.Е. Массон. Городища Ни...ы... цит. соч., Труды ЮТАКЭ, т. 1, стр. 82—84.
74. O. Niedermeyer, op cit., Abb. 169.
75. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана... цит. соч., стр. 400 сл.
76. А. А. Семенов. Некоторые данные... цит. соч. стр. 211; С. Скляревский. Мечеть в Анау... цит. соч., стр. 41.
77. Ныне от этой постройки сохранился лишь мавзолей, известный под названием мавзолея Биби-Ханым.
78. В. В. Бартольд. О погребении Тимура. Записки Восточного отделения археологического общества, т. XXIII, 1915, стр. 8.
79. E. G. Brown Account of a rare manuscript Hisfory of Isfahan. Journal of Royal Asiatic Society, July —October, 1901 p. 437.
80. O. Niedermeyer, op. cit., Abb. 165.
81. По поводу среднеазиатских оконных решёток, сохранившихся в памятниках XVI—XVII вв. См. Л. И. Рempель, Панджара. Ташкент. 1957, стр. 16 сл.
82. A. Godard. Isfahan- Athar-ê-Iran, t. 11, fasc. 1, Paris, 1937 fig. 5; Athae-êe Iran, t. 1, fasc. 11. Paris, 1936, p. 248, fig.. 162, 163.
83. Ср. входной айван в ансамбле мавзолея Мумине-Хатун в Нахичевани— Сб. «Архитектура Азербайджана». Москва—Баку. 1947, табл. 60.
84. E. Diez Die Kunst der Islamischen Völker. Berlin. 1915 Abb. 122.
85. E. Diez. Die Churasanische Baudenkmäler- Berlin, 1918, s. 77 сл.
86. O. Niedermeyer, Afghanistan, Abb. 165.
87. R. Byron. Timurib Monuments in Afganistan. Иранское искусство и археология, III-й Международный конгресс. Доклады. М.-Л., 1939. стр. 36—37, табл. XVII—XIX.
88. SPA, vol. IV. p1. 422.
89. A. Godard. Khorasan. Athar-ê-Iran, t. IV, fasc. 1, Paris, 1949, fig. 128 сл.
90. Taki Mustafwi.. Le Masjid-ê-Mawlana de Taiyabad. Athar-ê-Iran, t. III, fasc. II Paris, 1938, p., 179 сл.; A. Godard. Voûtes iraniennes, Athar-ê-Iran, t. IV, fasc. III, Paris 1949, fig. 265.
91. Г. А. Пугаченкова. Памятники архитектуры... цит. соч., табл. XXVI.
92. Г. А. Пугаченкова. Памятники архитектуры... цит. соч., стр. 11 сл.
93. А. В. Кузнецов. Своды и их декор. М., 1938, стр. 274—275.
94. Г. А. Пугаченкова. Своды в архитектуре Южного Туркменистана. цит. соч., стр. 251 сл.
95. Mèmoires de Baber. Trad. par Pavet de Courteille, t. I. Paris, 1871.
96. А. В. Кузнецов, цит. соч., стр. 364.
97. Г. А. Пугаченкова. Памятники архитектуры... стр, 41 сл.
98. Bullétin of the American Institute for Persian Art and Archaeology, vol V. N 2 Dec. 1937. p. 129, fig. 20.
99. E. Diez. Die Churasanische Baudenkmäler, c. 72—76, fig. 31—34.
100. Архитектурные памятники Туркмении. цит. соч., стр. 25—26.
101. Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии, цит. соч., дл. 83. 85. стр. 119.
102 Г. А. Пугаченкова. Памятники архитектуры... цит. соч., табл, XXI—XXV.
103. Г. А. Пугаченкова, Л. И. Рempель. Бухара. М:, 1949, рис: 24, 100.
104. Ш. Е. Ратия. Мечеть Биби-ханым. М., 1950, стр. 89.
105. Н. В. Баклановв. Архитектурные чертежи узбекского мастера XVI в. Академия архитектуры, Сообщения Института истории и теории архитектуры, вып, 4. М., 1944, стр. 1—22.
106. Ваджид Али. Восход наук и собрание технических знаний. Литогр. издание на таджикском языке. Лакнау. 1908.
107. Мы не можем согласиться с В. Л. Ворониной, которая на основе исследования нескольких сырцовых построек III—VII вв., приходит к заключению, будто «можно считать установленной основную меру длины, которой пользовались древние зодчие Средней Азии, составляющую в общем 100—110 см.» См. В. Л. Воронина. К вопросу о древней метрологии Средней Азии, КСИИМК, XXXIX. 1951, стр. 66 сл. Даже в приведенной ею таблице есть единицы, равные 48 63, 66 см. И совершенно не учтена эволюция гяза в разные века и на разных территориях Средней Азии, где он дает совершенно отличные размеры.
108. В. А. Крачковская. Эволюция куфического письма в Средней Азии. Эпиграфика Востока, вып. III, М.-Л., 1549, стр. 23—24.
109. Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.-Л., 1939. илл. 130.

110. Там же, илл. 152.

111. В. А. Крачковская... Цит. соч., стр. 25.

112. Там же, стр. 27.

113. В. А. Шишкин. Мечеть в Занги-ата. Цит. сборник в честь В. В. Бартольда; табл. между стр. 170—171.

114. В кн. «Архитектурные памятники Туркмении» (стр. 107) эти отвлеченно трактованные цветочки названы цветами яблони, однако ни сами они, ни характер стеблей и листвы не дают никаких оснований к столь натуралистическому их истолкованию.

115. И. И. Умняков. Архитектурные памятники Средней Азии, Ташкент, 1928, стр. 34, со ссылкой на статью E. Cohn-Wiener. Die Ruien der Seldschukenstadt von Merv und das Mausoleum Sultan Sandschars. Jahrbuch der Asiatischen Kunst, 1925.

116. Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии. М.—Л., 1940, стр. 98.—99. Б. П. Денике. Искусство Средней Азии, М., 1927, стр. 39, Его же. Архитектурный орнамент, стр. 178 и 186.

117. А. А. Семенов. Развалины мечети близ селения Анау...цит. соч., стр. 5.; Архитектурные памятники Туркмении, стр. 107.

118. Н. Н. Веселовский. Китайские символы в предметах украшений. СПб, 1911, стр. 2—3. E. H. Chinese Dragons. The University Museum Bulletin. Philadelphia, 1934, vol. 5, N 1, p. 29—31.

119. Н. П. Остроумов. Сказки сартов. Ташкент, 1906, стр. 161.

120. Н. П. Остроумов, цит. соч., стр. 169. Н. Г. Малицкий Учебное пособие по географии Таджикистана. Ташкент—Самарканд, 1929, стр. 57.

121. М. Е. Массон, Г. А. Пуганченкова. Оттиски парфянских печатей из Нисы. Вестник древней истории, 1954, № 4, рис. 25, стр. 164.

122. В. А. Шишкин. Варахша. Советская археология, XXIII, 1955, рис. 12.

123. Чаша опубликована В. Л. Вяткиным. Афрасиаб, городище былого Самарканда. Ташкент., 1927, рис. 58.

124. Например чаша из Нихавенда в Бостонском Музее изящных искусств. Ср. Ph. Ackerman. Some Indo-Iranian Motifs in Sasanian Art. From «Indian Art and Letters», vol. XI, N 1, 1937, fig. 5, p. 4-5.

125. Напр. Б. П. Денике. Живопись Ирана. М., 1938, рис. 20.

126. H. Glück und E. Diez. Die Kunst des Islam. Berlin, 1925, s. 517.

127. «Бадиевы выборы». Медико-фармакологический трактат 948 г. х.= 1541/2 г. в собрании Института Востоковедения АН УзССР, стр. 89.

128. E. Blochet. Musulman Painting XII-XVII century. London, 1928, t. LXXVIII, XLI.

129. Г. А. Пугаченкова. Глазурованная керамика Нисы. «Труды ЮТАКЭ», т. 1, Ашхабад, 1949, стр. 401 сл.

130. B. Laufer. Chinese Muhammedan Bronzes. Ars Aslamica, vol. I, pt. 2, 1934, fig. 3-4.

131. Фрагмент с драконом из Нисы в археологических материалах ЮТАКЭ; самаркандский—в археологическом кабинете САГУ.

132. M. van-Berchem. Materiaux pour l'épigraphie et l'histoire musulmanes de Diyar-Bekr. Amida Heidelberg 1910, fig. 31.

133. Fr. Sarre. Islamische Tongefässe. Jahrbuch d. Kgis. Preuss. Kunstsammlungen, s. 6, fig. 1, 7, 8.

134. M. van-Berchem, op. cit., p. 82-83.

135. Заметим, что драконы названных памятников ничего не имеют общего с китайской иконографией этого существа, влияние которой, видимо, ограничивалось пределами Средней Азии и Восточного Ирана.

136. Ст. Лэн-Пуль, Мусульманские династии. Перевод с примечаниями и дополнениями В. В. Бартольда. СПб, 1899, стр. 140.

137. В. Г. Мошкова. Племенные гёли в туркменских коврах. Советская этнография, 1947, № 5.

138. На возможную взаимосвязь идеи дракона во дворце Хатры и упомянутых выше памятников Алеппо и Амида указывал еще В. Андре (W. Andrae, Hatra II, Leipzig, 1912, s. 156-157.).

139. Сообщение Клавихо. См. Рюи Гонзалес де-Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403-5 гг. Пер. И. И. Срезневского. Сборн. отд. рус. яз. и слов. АН, XXVIII № 1, СПб. 1881, 237.

140. С. П. Толстов. По следам древне-хорезмийской цивилизации. М.-Л., 1948, стр. 263-265.

141. Большая роль и глубокая древность в китайской символике обоих этих могущественных животных-дракона и тигра уже отмечалась в литературе. Предполагают, что в основе этих образов лежат тотемы народов, населявших морское побережье (дракон) и внутренние территории страны (тигр). Ср. W. H. Riddel, Tiger and Dragon. Antiquity, vol. XIX, March, 1945, p. 27-28.

МЕЧЕТЬ АНАУ

Перечень иллюстраций

№ илл. — Наименование

1. Панорама городища Анау с гребней крепостных стен
2. Мечеть Анау — вид через руины динга
3. Мечеть Анау. Вид с востока
4. Руины восточной дарсханы
5. Деталь восточной дарсханы
6. Общий вид на мечеть с востока
7. Вид на мечеть с юга
8. Вид на мечеть с востока
9. Мечеть Анау. Вид с запада
10. Мечеть Анау. Задний фасад
11. Мечеть Анау. Главный фасад.
12. Западное крыло главного фасада
13. Айван мечети
14. Арка айвана
15. Вскрытый фундамент юго-восточного угла с лестницей (шурф № 1).
16. Остатки истлевших балок, заделанных в кладки фундаментов.
17. Шурф № 3
18. Фундаменты, вскрытые у северо-восточного угла двора мечети (шурф № 1).
19. Развертка шурфа № 1
20. Шурф № 2
21. Купол мечети
22. Конструкции перекрытий в северо-западной дарсхане
23. Перекрытие углов 2-го яруса северо-западной дарсханы
24. Перекрытие ниш северо-западной дарсханы
25. Конструкции сводов в северо-западной дарсхане
26. Свод в северо-западной дарсхане
27. Свод в нише северо-западной дарсханы
28. Мозаичное оформление тимпанов портальной арки
29. Дракон в тимпане мечети Анау.
30. Надпись на портале
31. а, б. Надписи в торце портального свода
32. Надпись в интерьере с датой постройки
33. Михраб
34. План мечети (состояние на 1947 г.)
35. План цокольного этажа (реконструкция)
36. План 1 этажа (реконструкция)
37. План II этажа (реконструкция)
38. Фасад дворового айвана и разрез через дарсханы
39. Разрез по главной оси.
40. Анализ пропорций фасада
41. Анализ пропорций плана главного здания мечети
42. Руины мечети после землетрясения 1948 г.
43. Руины мечети после землетрясения 1948 г.
44. Гирих на куполе мечети (реконструкция)
45. Реконструкция дворового фасада.

ОГЛАВЛЕНИЕ

История изучения 3
История памятника 8
Памятник 16
Историко-архитектурный анализ 31
Примечания 52
Перечень иллюстраций 57

Редактор **К. Адыков.**

Тех. редактор **О. Аллабердыев.**

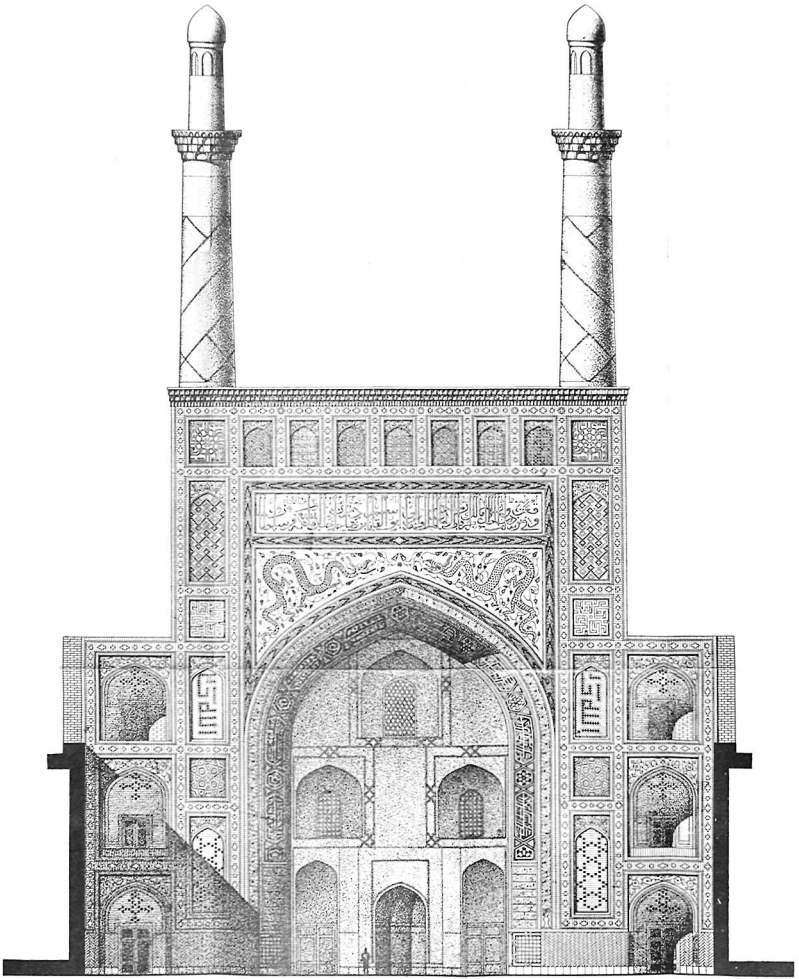
Сдано в набор 20/III-59 г. Подписано к печати 15/I-60 г.
Заказ № 62. Формат 70x108¹/₁₆. Объем 8 печ. листов.
Тираж 1000 экз. И — 00220.

Типография Объединенного издательства республиканских газет и журналов

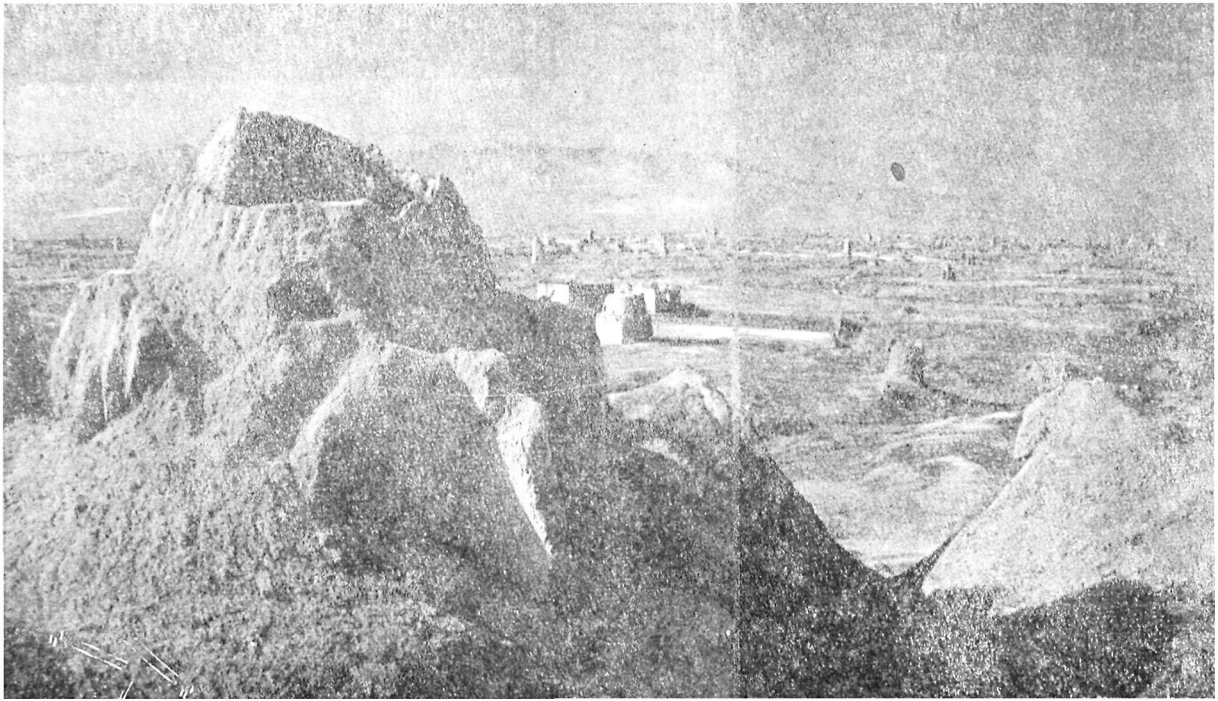
ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИИ

МЕЧЕТЬ АНАУ

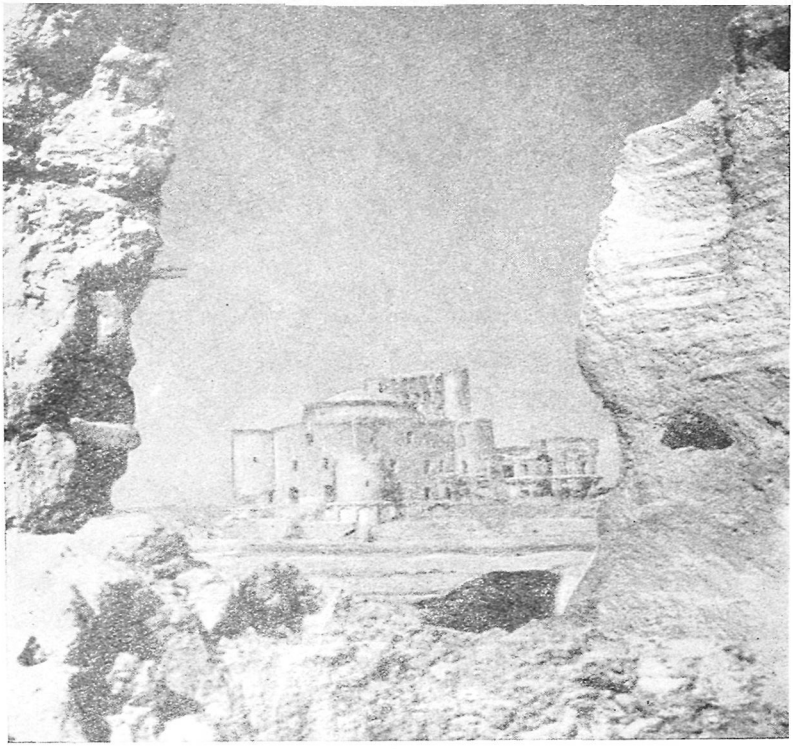
РЕСТАВРАЦИЯ

см. 100 50 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 м.

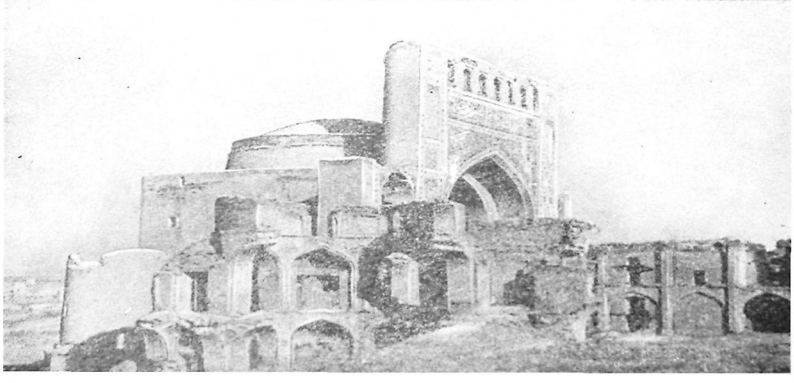

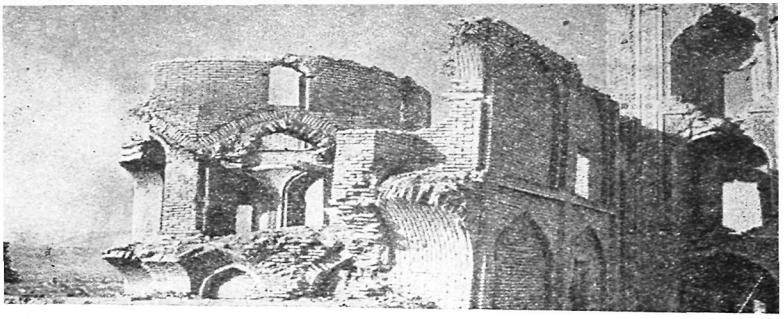
1. Панорама городища Анау с гребней крепостных стен

2. Мечеть Анау—вид через руины минга

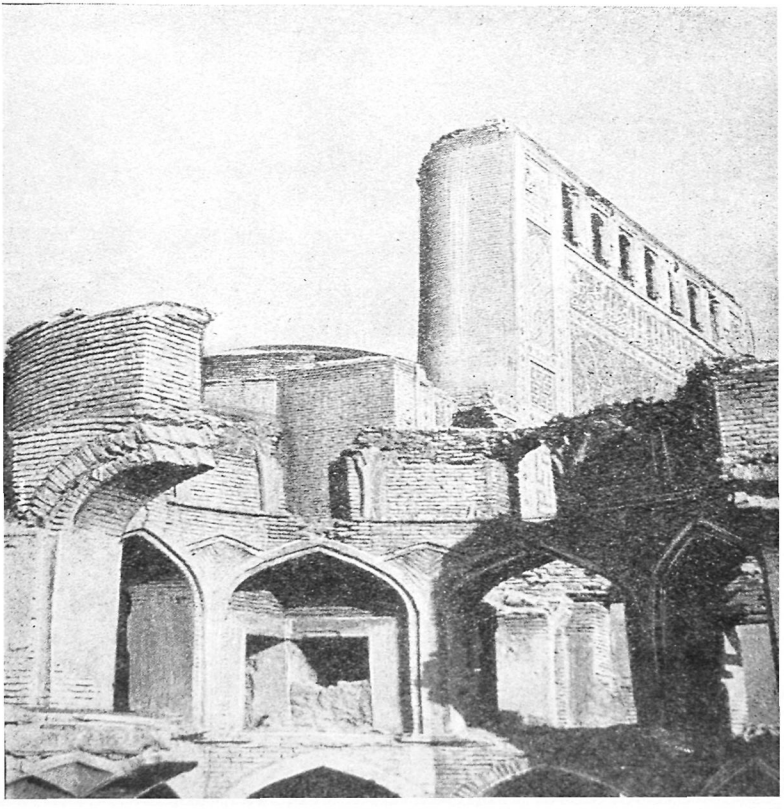
3. Мечеть Анау. Вид с востока.

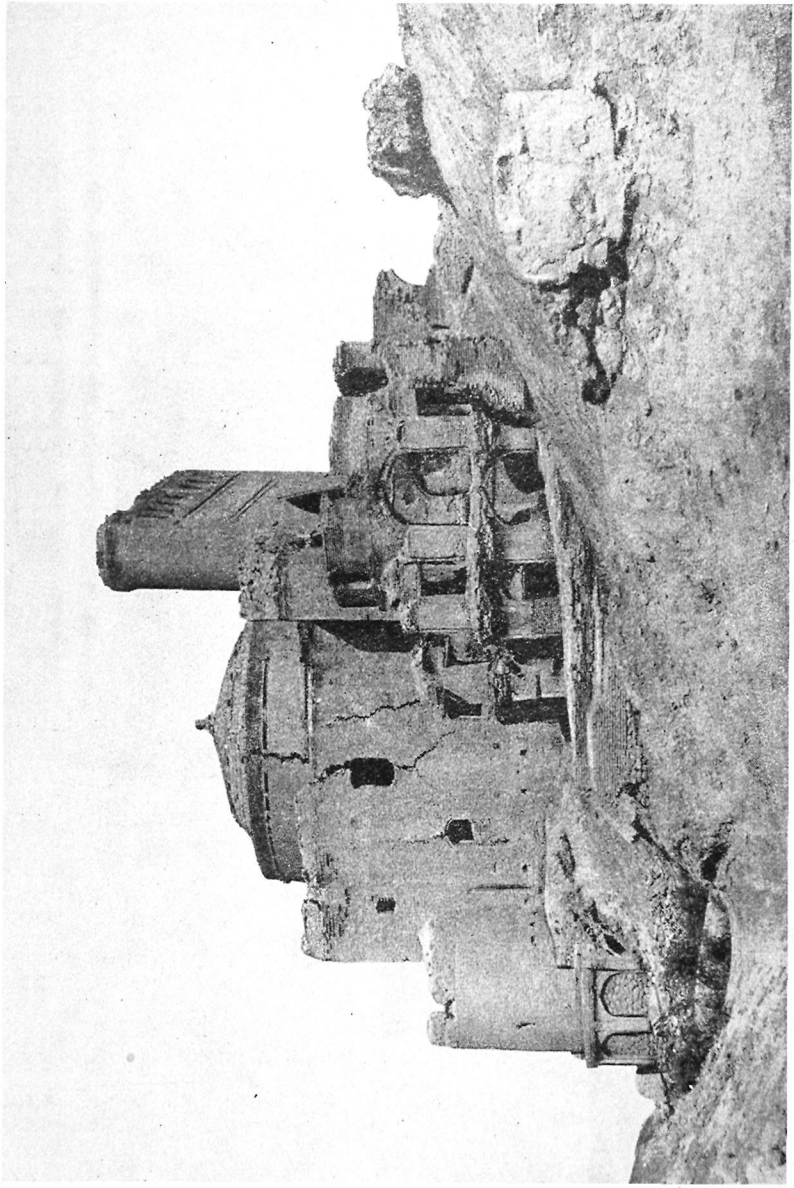

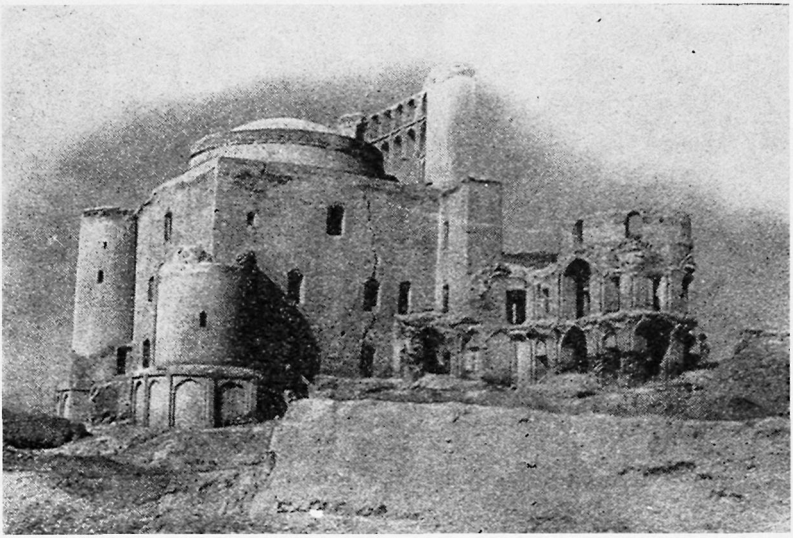
4. Руины восточной дарсханы

5. Деталь восточной дарсханы

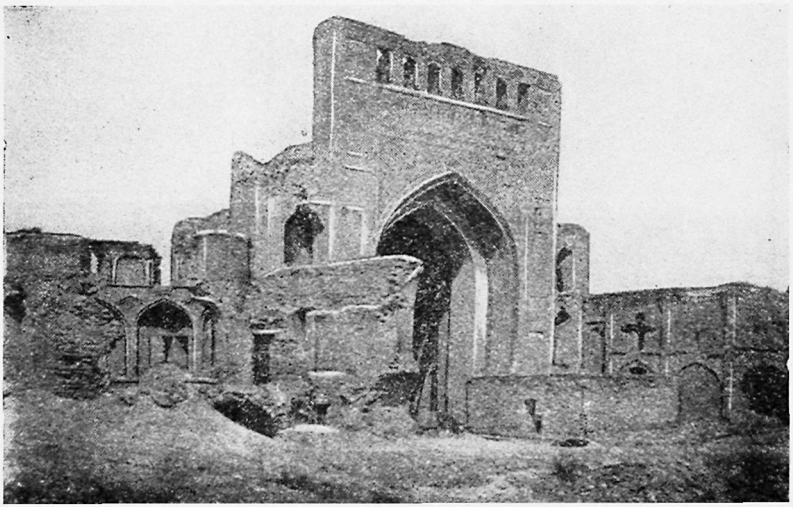

6.Общий вид на мечеть с востока

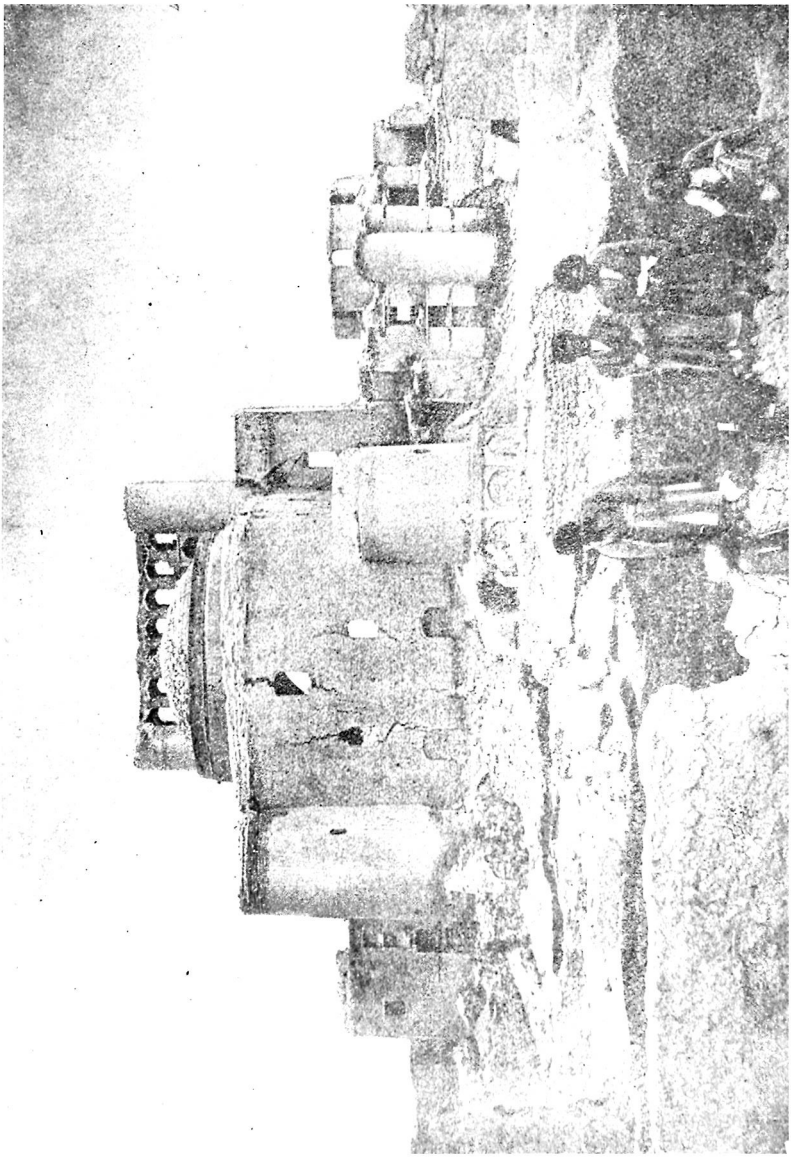

7. Вид на мечеть с юга

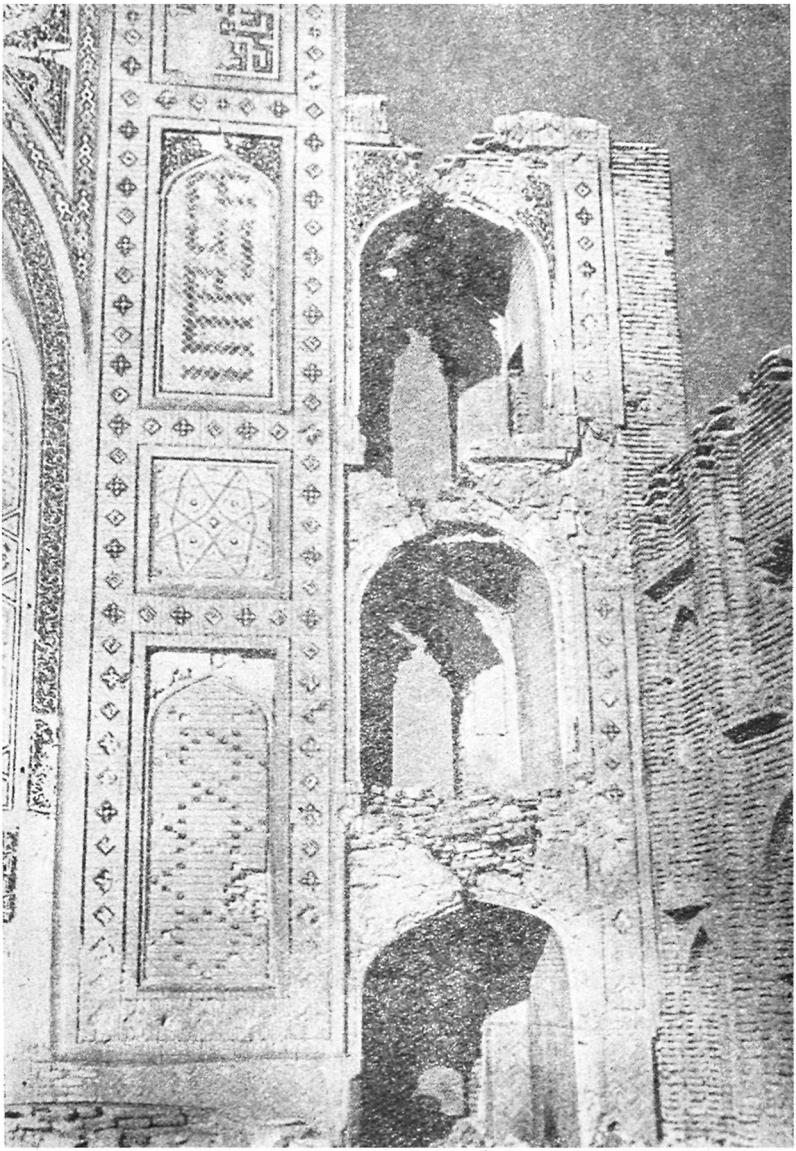
8. Вид на мечеть с востока

9. Мечеть Ана̀у. Вид с запада

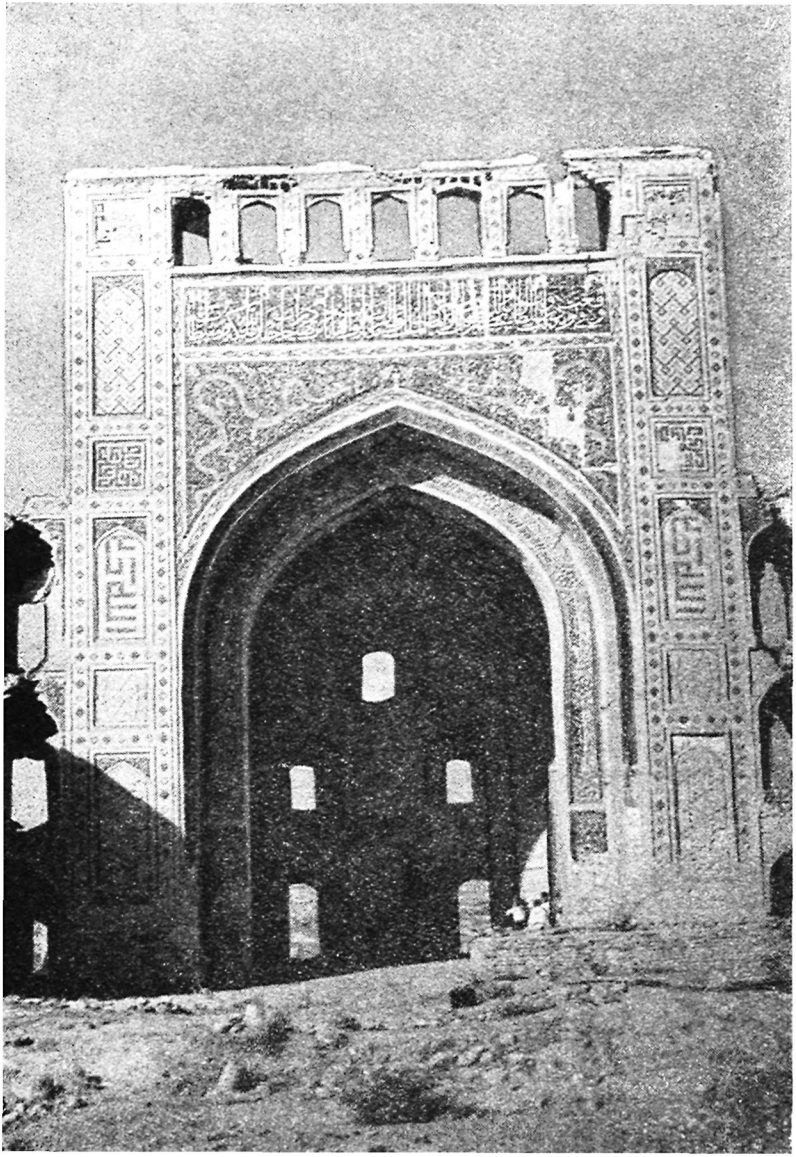

10. Мечеть Ачау. Задний фасад

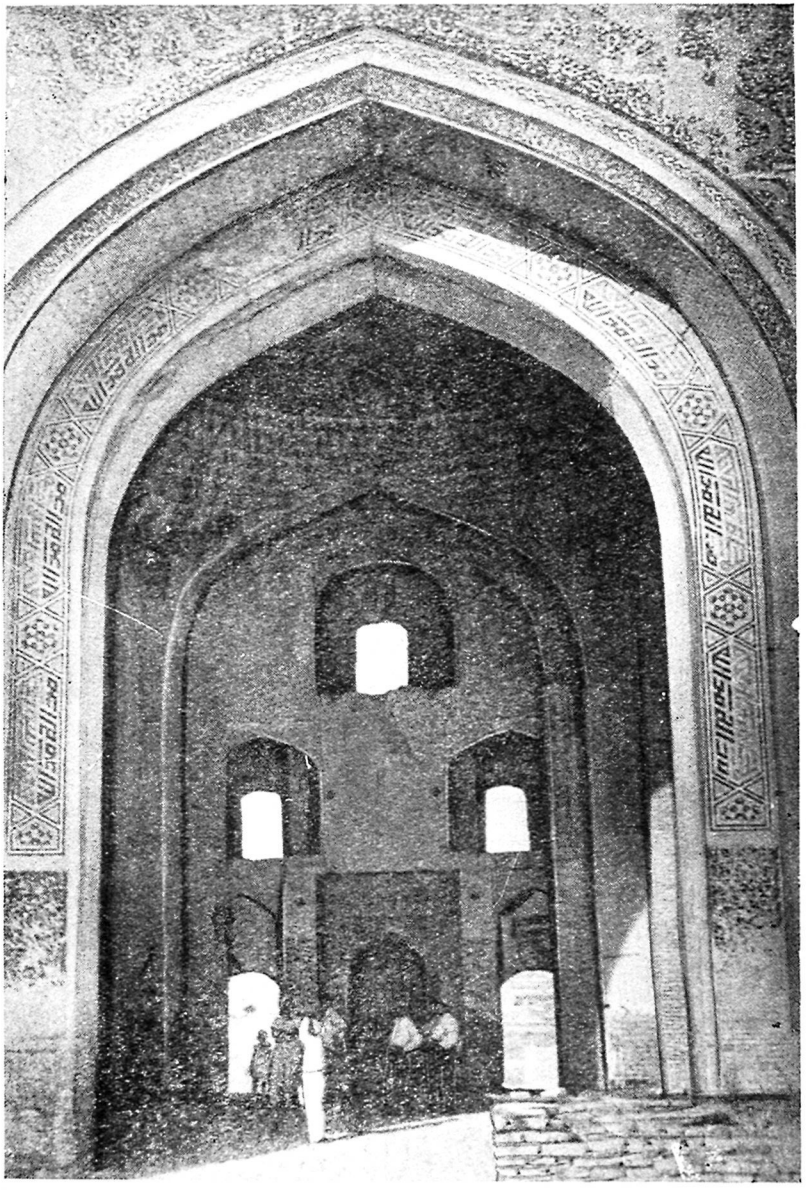
11. Мечеть Ашау. Главный фасад.

12. Западное крыло главного фасада

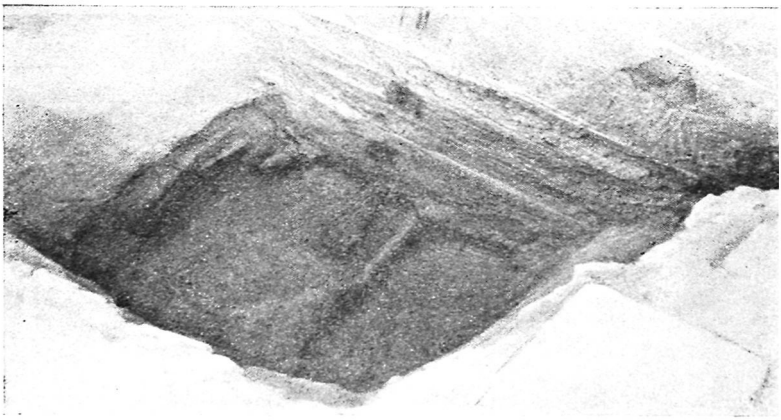
13. Айван мечети.

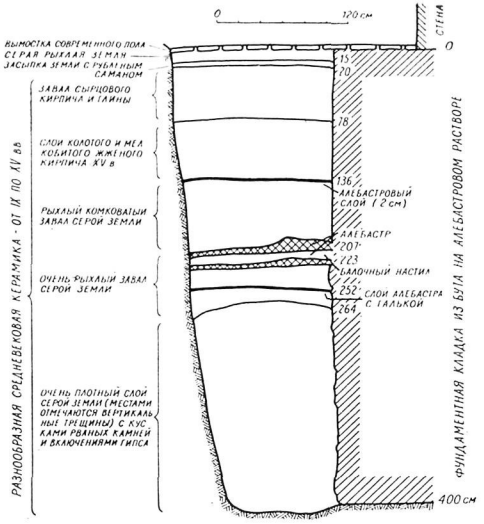
14. Арка айвана.

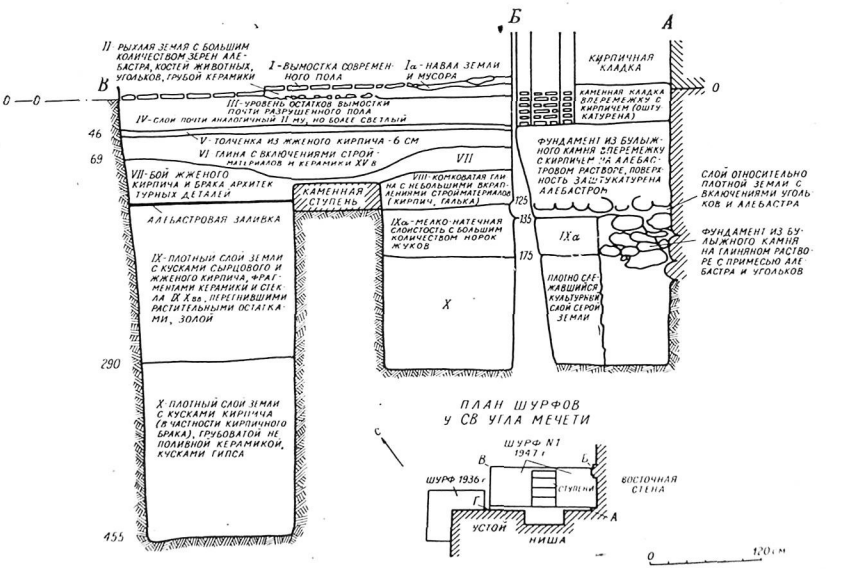
15. Вскрытый фундамент юго-восточного угла с лестницей (шурф № 1).

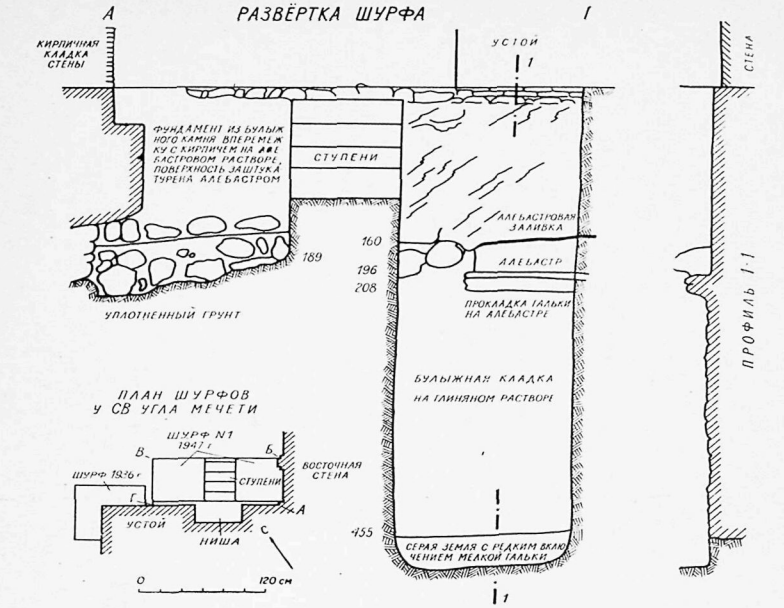
16. Остатки истлевших балок, заделанных в кладки фундаментов

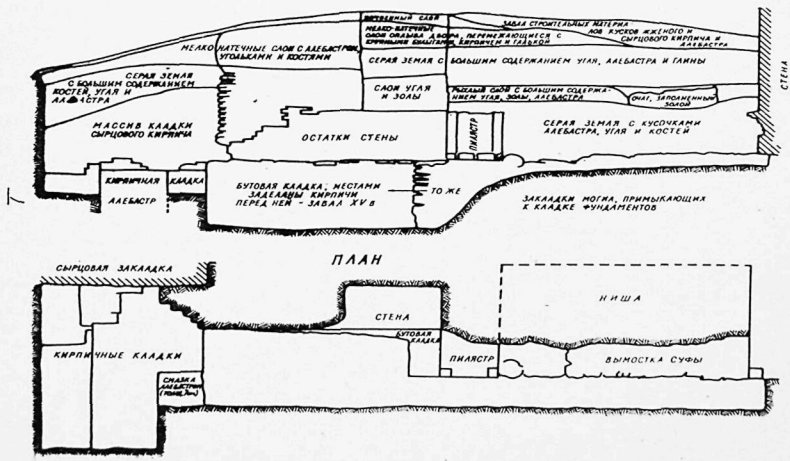
17. Шурф № 3.

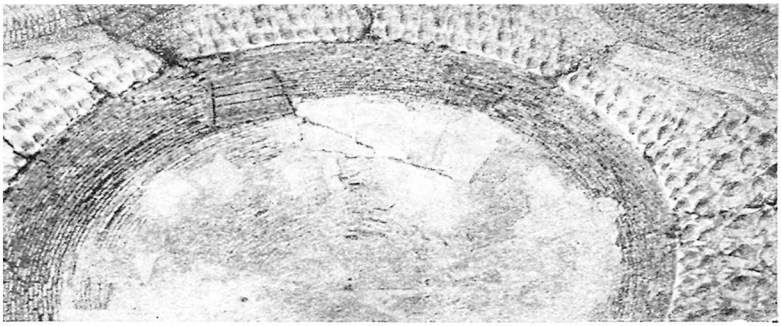
18. Фундаменты, вскрытые у северо-восточного угла двора мечети (шурф № 1).

19. Развертка шурфа № 1.

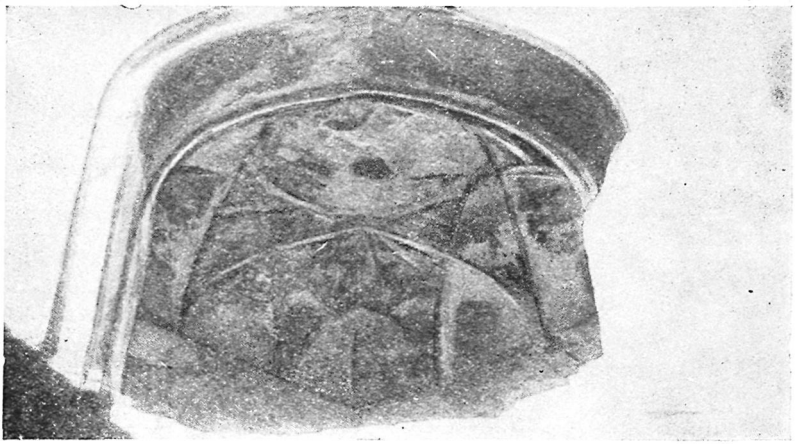
20. Шурф № 2.

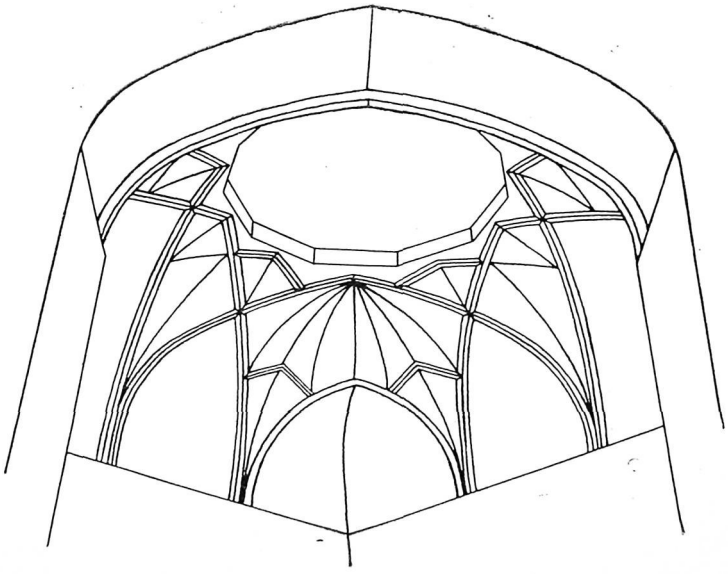
21. Купол мечети

22. Конструкции перекрытий в северо-западной дарсхане.

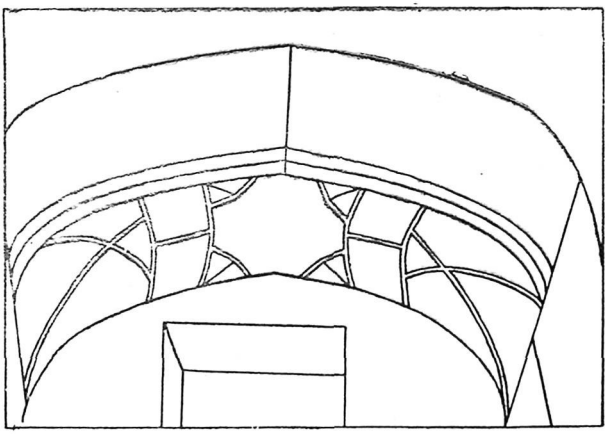

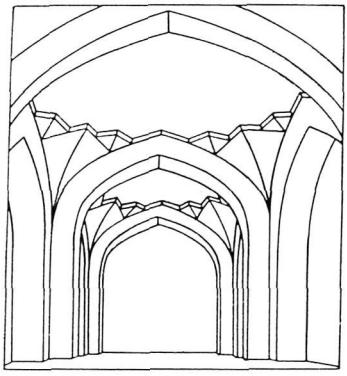
23. Перекрытие углов 2-го яруса северо-западной дарсханы.

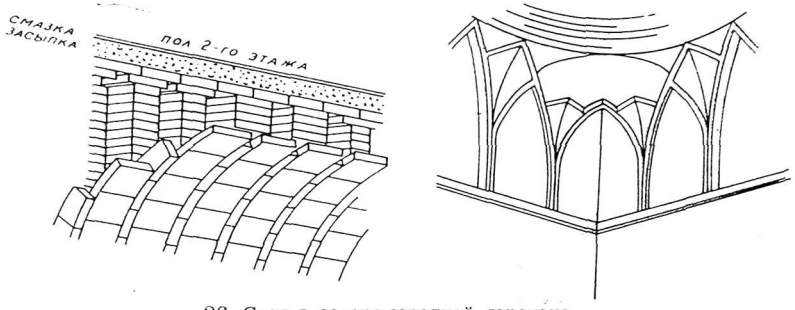

24. Перекрытие ниш северо-западной дарсханы.

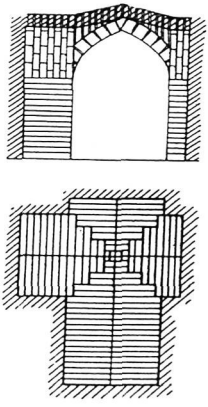

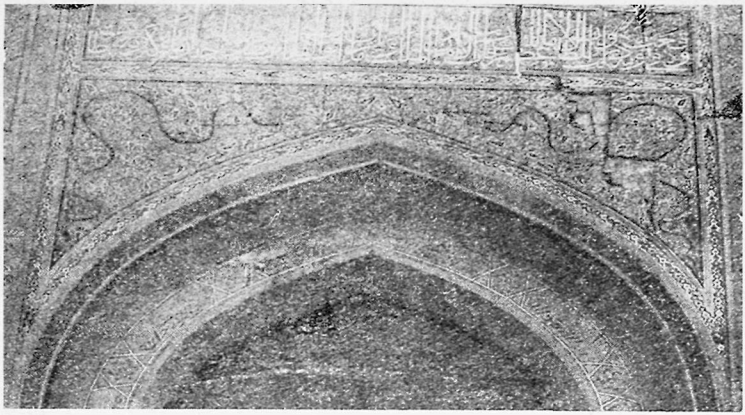
25. Конструкции сводов.

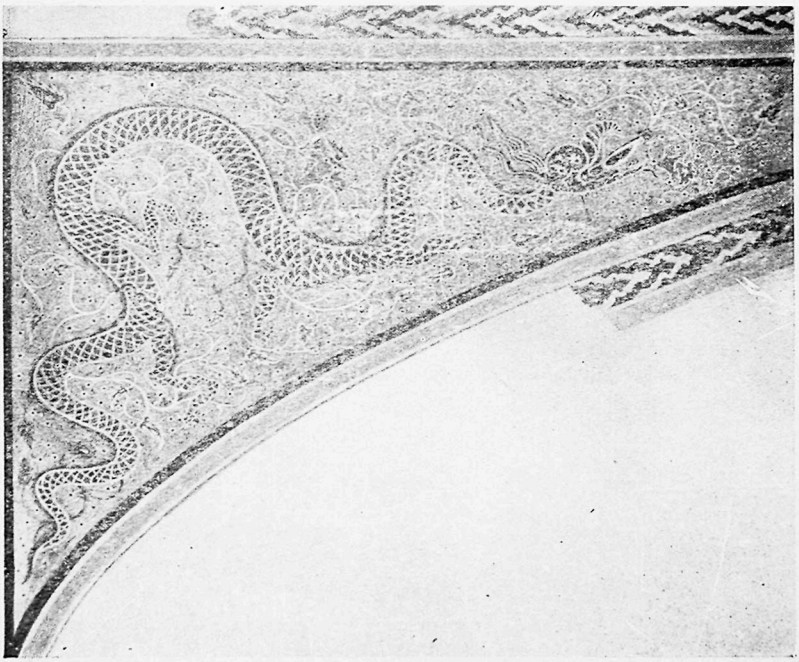
26. Свод в северо-западной дарсхане.

27. Свод в нише северо-западной дарсханы.

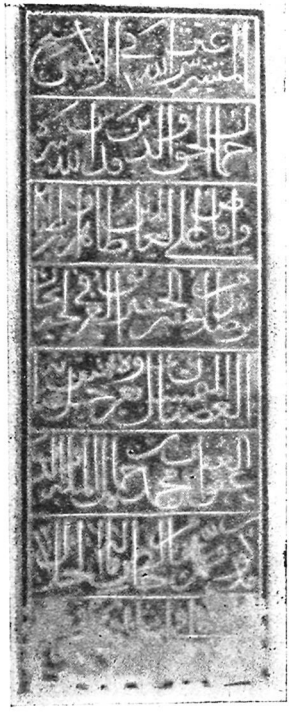
28. Мозаичное оформление тимпанов портальной арки.

29. Дракон в тимпане мечети Анау.

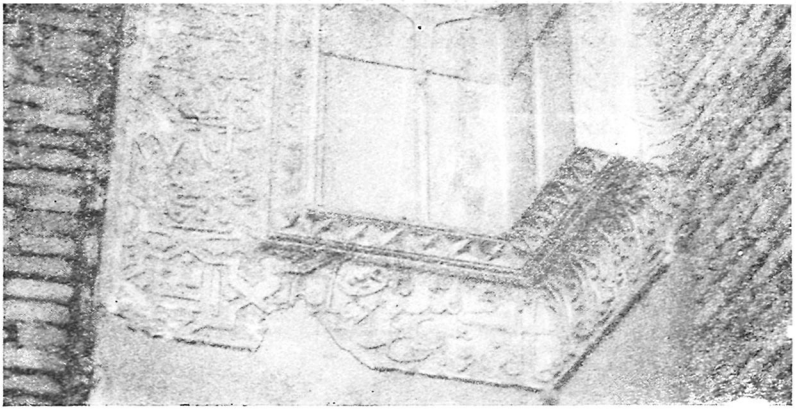

30. Надпись на портале.

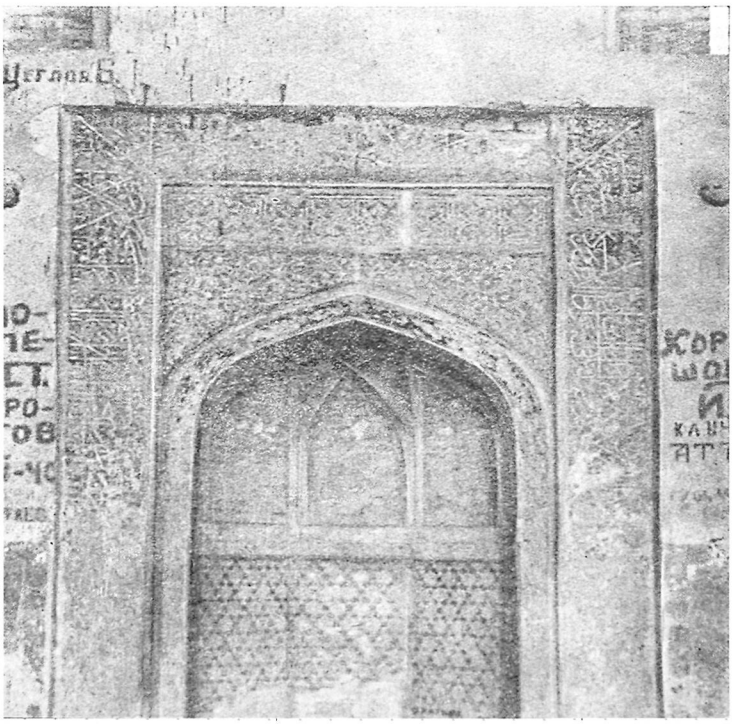

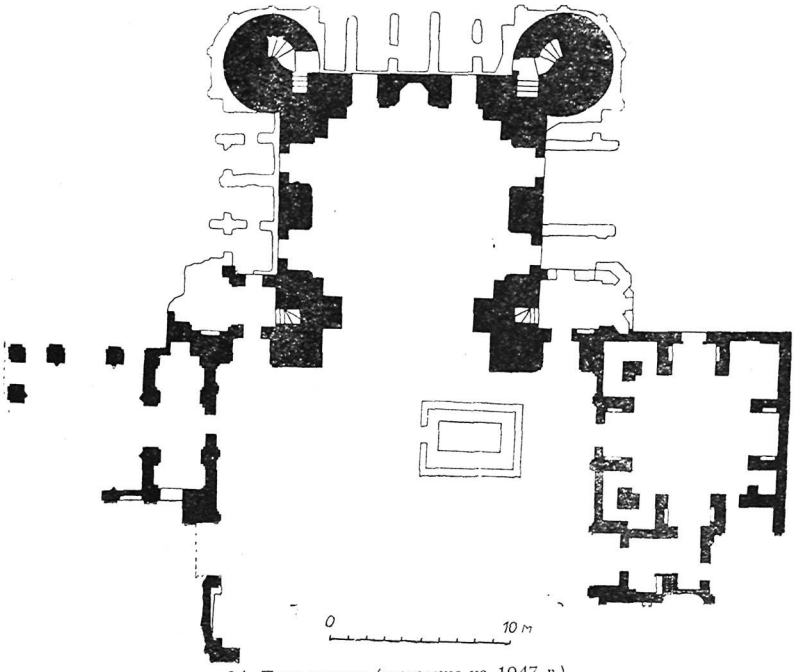
31-а, б. Надписи в торце портального свода.

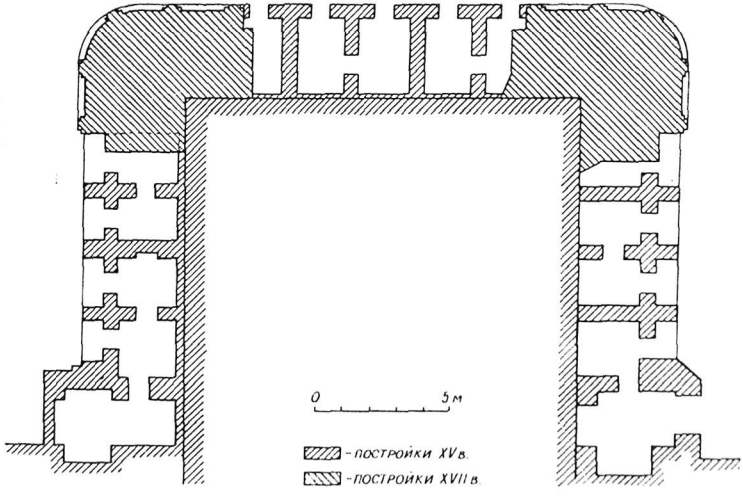
32. Надпись в интерьере с датой постройки.

33. Михраб.

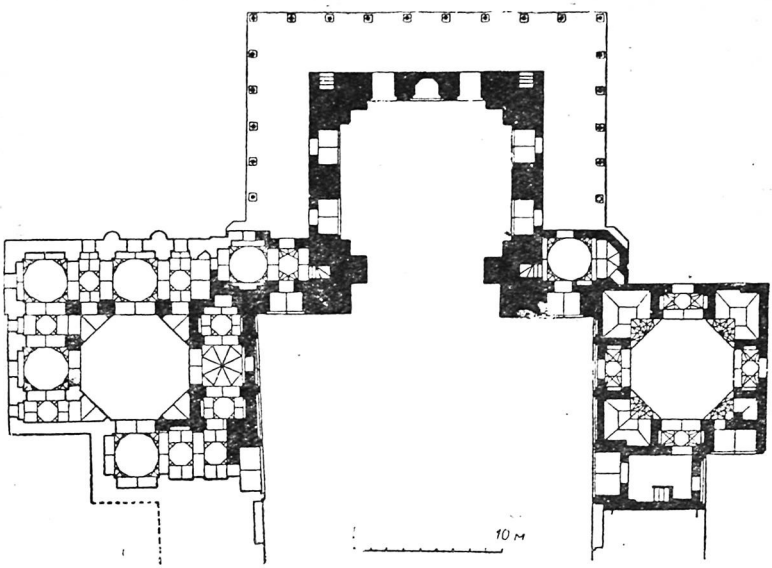

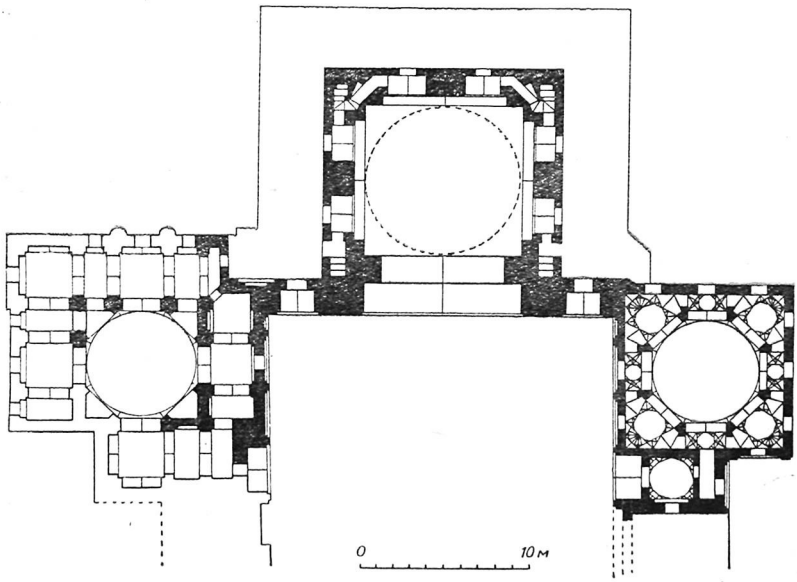
34. План мечети (состояние на 1947 г.)

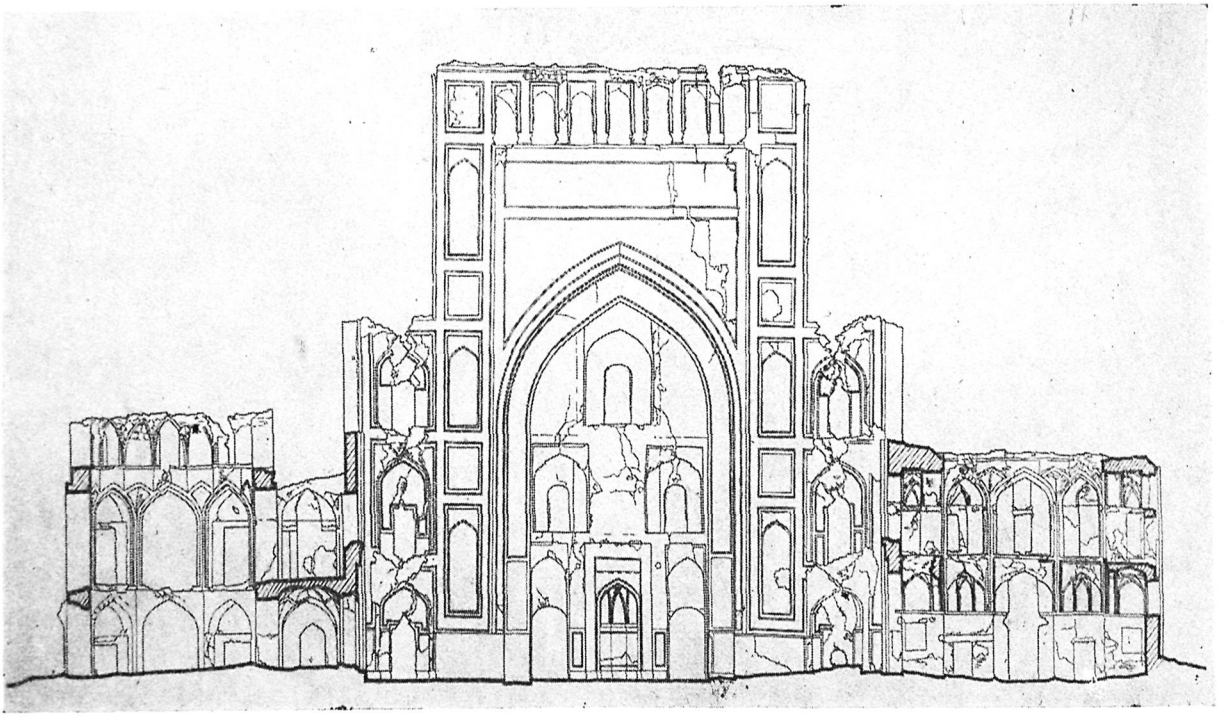
35. План цокольного этажа (реконструкция).

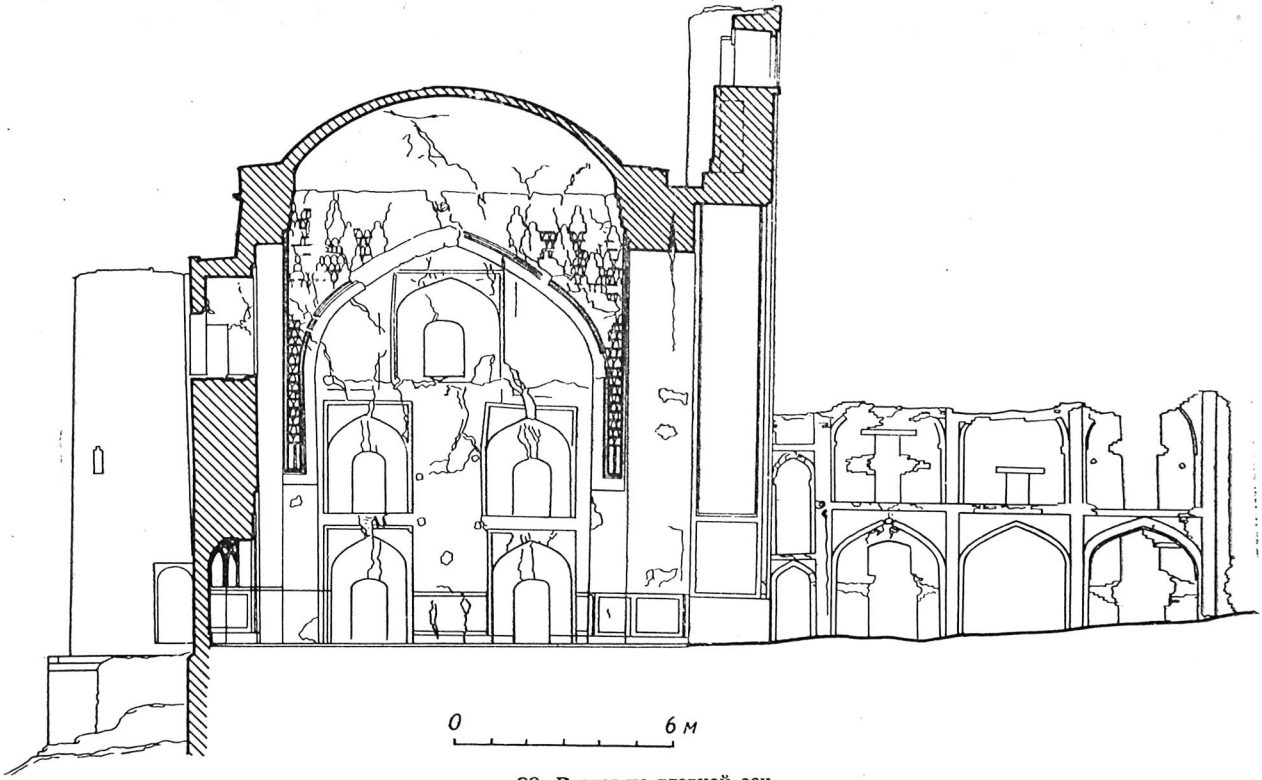
36. План I этажа (реконструкция).

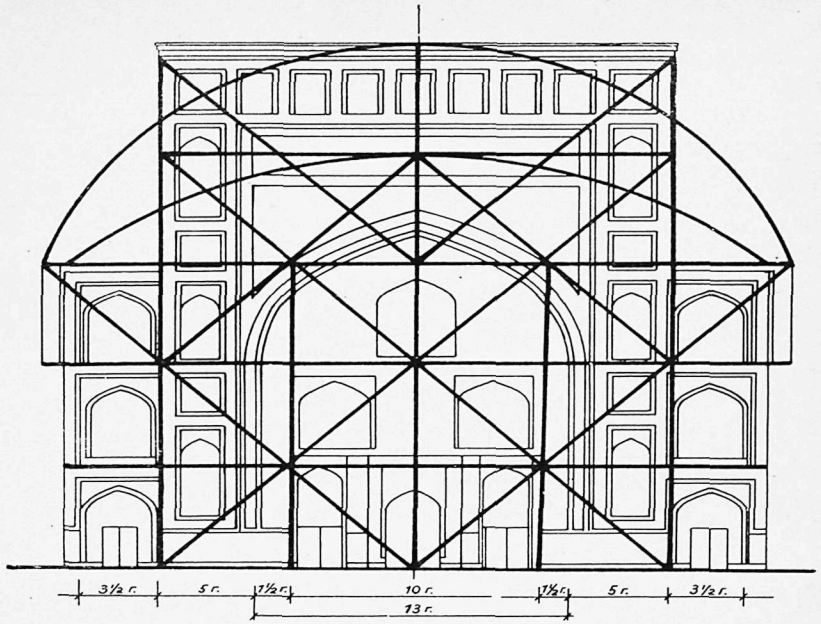
37. План II (этажа (реконструкция)

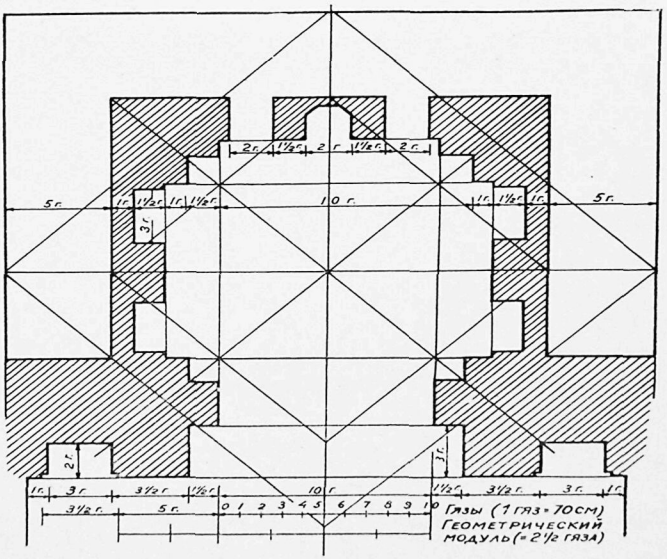
38. Фасад дворового айвана и разрез через дарсханы

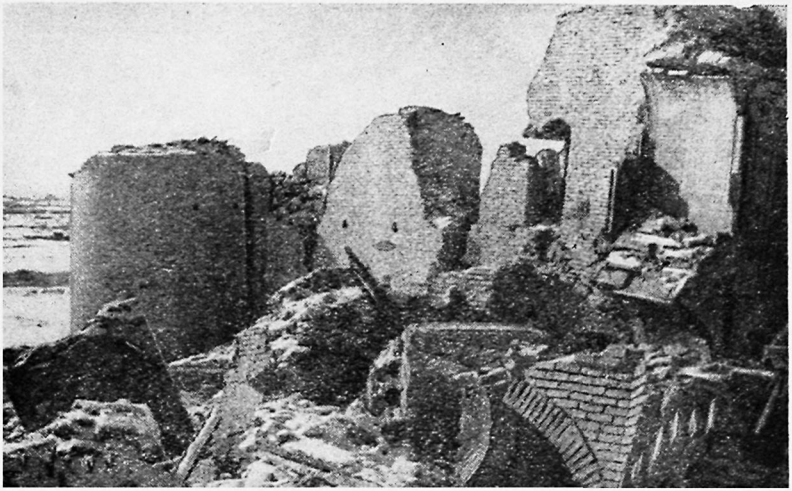
39. Разрез по главной оси.

40. Анализ пропорций фасада.

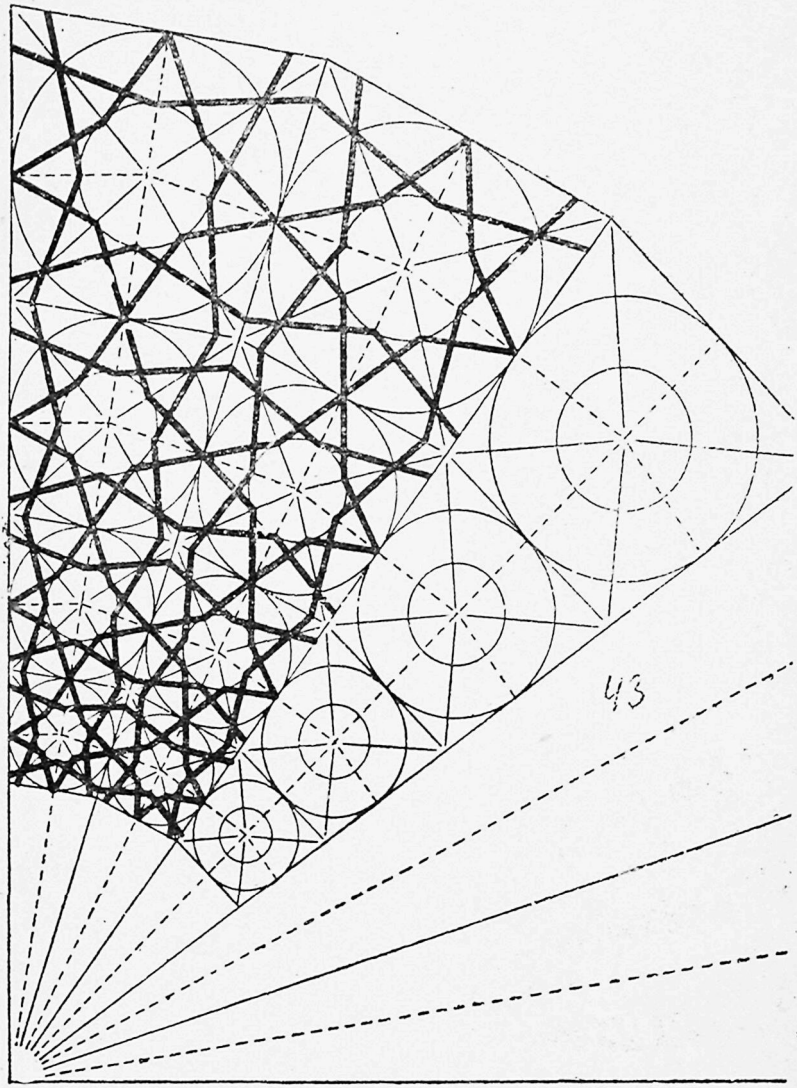
41. Анализ пропорций плана главного здания мечети.

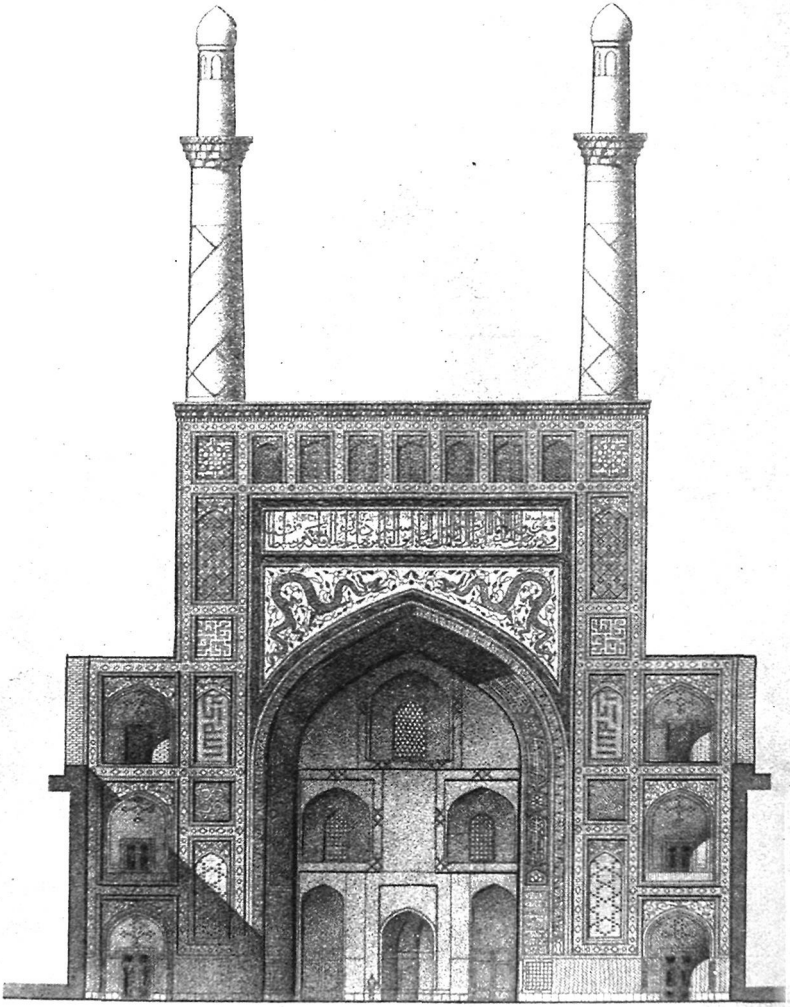
42. Руины мечети после землятресения 1948 г.

43. Руины мечети после землятресения 1948 г.

44. Гирих на куполе мечети (реконструкция).

45. Реконструкция дворового фасада.